

Морская летопись

НАХИМОВ
ГЕНИЙ МОРСКИХ БАТАЛИЙ

НАХИМОВ

**ГЕНИЙ
МОРСКИХ
БАТАЛИЙ**

Ю.Н. Лубченков
В.В. Артемов

Ю.Н. Лубченков
В.В. Артемов

НАХИМОВ

Гений морских баталий

Москва
«Вече»

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)47
Л82

Лубченков, Ю.Н.

Л82 Нахимов. Гений морских баталий / Ю.Н. Лубченков, В.В. Артемов. — М.: Вече, 2015.— 320 с. : ил. — (Морская летопись).

ISBN 978-5-4444-2796-5

Знак информационной продукции 12+

Среди замечательных русских флотоводцев прошлого герой Севастопольской обороны, адмирал Павел Степанович Нахимов (1802—1855) занимает особое место. Человек-легенда, он был ярким воплощением национального военного гения, представителем боевой школы русского военного искусства. Нахимов был подлинно русским флотоводцем, видевшим в службе на флоте единственный смысл и цель своей жизни. В предлагаемой книге судьба адмирала прослеживается на фоне Крымской войны (1853—1856), в ходе которой, по замыслу Британии и Франции, Россия должна была потерять свою целостность и независимость.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)47

ISBN 978-5-4444-2796-5

© Лубченков Ю.Н., Артемов В.В., 2015
© ООО «Издательство «Вече», 2015

ВВЕДЕНИЕ

Теперь я вижу, что для черноморца
невозможного ничего нет.

П.С. Нахимов

Имя адмирала Павла Степановича Нахимова стоит в первом ряду защитников России. Оно неотъемлемо связано с Крымской войной и городом-героем Севастополем, героической защитой которого он руководил.

Крымская (Восточная) война 1853—1856 гг. — вооруженный конфликт между Россией и коалицией Великобритании, Франции, Османской империи и Сардинского королевства. В истории международных отношений эта война занимает особое место. За практически столетний период с 1815 г. (конец Наполеоновских войн) по 1914 г. (начало Первой мировой войны) война 1853—1856 гг. была единственной общеевропейской войной, в которой участвовали ведущие державы Европы. Боевые действия развернулись на обширнейших пространствах Европы и Азии. Неслучайно Восточную войну, наряду с некоторыми другими военными конфликтами (например, Семилетней войной середины XVIII в.), относят к так называемым «предмировым» войнам.

Однако Крымская война имела существенные особенности, отличавшие ее как от других «предмировых» войн, например той же Семилетней войны, в которой боевые действия также велись в большинстве регионов земного шара, так и от большинства прочих крупных военных столкновений, как до середины XIX в., так и после. Это, пожалуй, один из немногих в мировой истории случаев, когда против одной страны объединились самые сильные державы мира. Причем даже другие, остававшиеся формально нейтральными, ведущие государства тогдашнего мира в ходе Крымской войны фактически действовали против России.

Правда, незадолго (по историческим меркам) до Восточной войны в Европе конца XVIII — начала XIX в. шли ожесточенные антифранцузские войны, в которых против Франции объединилось большинство стран Европы. Однако надо помнить, что Франция почти вплоть до своего конечного поражения в 1815 г. боролась с коалицией европейских держав при поддержке ряда собственных союзников, хотя некоторые из этих союзников действовали вовсе не добровольно.

Таким образом, Восточная война — во многом уникальное явление в мировой истории. Объединение извечных до того противников — Англии и Франции, ожесточенность борьбы противников России, несмотря на чувствительные для них потери, незначительность для победителей в конечном счете результатов войны, — все это также составляет некую загадочность данной войны.

Это осознавали уже в XIX в., в том числе в странах, противостоящих России в 1853—1856 гг. Крупный политический деятель Великобритании, в будущем премьер-министр лорд Солсбери заявлял в 1877 г.: «С каждым годом я все больше убеждаюсь, что Крымская война была достойной сожаления».

ния глупостью». Об этом же говорят многие английские историки. Так, один из них уже в XX в. писал: «Крымская война стала рассматриваться большинством историков как самая ненужная в современной Европе». Другой, уже современный, английский историк пишет: «Крымская война с самого начала представлялась многим наблюдателям ненужной и глупой, результатом преступных намерений и непонимания».

Подобные оценки Восточной войны вполне понятны. Дело в том, что всего менее чем через два десятилетия после войны результаты победы союзников над Россией были почти полностью аннулированы. В дальнейшем в течение длительного времени события во многом развивались именно в том направлении, против которого так ожесточенно сражались противники России в Восточной войне.

В частности, главным лозунгом врагов России, ради выполнения которого они официально и вступили в войну, являлось сохранение целостности Османской империи. Однако вскоре (опять же в историческом смысле) после Крымской войны на землях этой империи возникли независимые государства, причем в основном именно те, которые Россия планировала создать накануне войны.

Надо отметить, что подобное развитие событий трудно было не предвидеть и до начала войны. Это понимали и самые проникательные политические деятели стран, составивших антироссийскую коалицию. Тем не менее планы подавляющей части правящих кругов Великобритании и Франции, а также Турции, накануне войны были далекоидущими. Предполагалось нанести России такое поражение, которое приведет к ее выходу из рядов великих держав. Однако отпор, который получили союзники в ходе войны, сорвал эти намерения. Во многом столь незначительные результаты войны

для противников России связаны с успешными действиями русской армии и флота, одним из руководителей которых стал П.С. Нахимов.

О конкретных причинах и поводах к Восточной войне будет рассказано далее. Однако можно сказать, что коренной причиной объединения столь разноплановых сил против России стало такое феноменальное с точки зрения многих жителей нашей страны явление общественно-политической жизни европейских стран, как русофобия, т.е. ненависть, вражда к России, ко всему русскому. Это необъяснимое в конечном счете с рациональных позиций явление, которое до сих пор явственно ощущается в политике многих государств, уходит корнями в XVI столетие.

Возникновение тогда на востоке Европы огромного и могучего государства вызвало тревогу в Европе. Усилению этой тревоги способствовал ряд факторов. Ближайшие западные соседи России, прежде всего Польско-Литовское государство, Швеция, Ливония, были, естественно, настроены к ней враждебно, поскольку в свое время сумели поживиться за счет древнерусских земель и теперь не без оснований опасались лишиться их. Однако именно эти страны являлись, как правило, союзниками самых западных европейских государств — Англии и Франции в их противостоянии с державами Центральной Европы. Понятно, что русофобские настроения восточноевропейских стран встречали в них понимание. Постепенно подобные настроения становились привычными, традиционными для политической элиты этих стран.

Для западной русофобии имелись и конкретные экономические и политические посылы. Так, у Англии с Россией еще с конца XVI в. возникли противоречия в области взаимной торговли: англичане стремились безраздельно господствовать на русском рынке, а Россия постепенно все

более усиливала его защиту от иностранных конкурентов. В XVIII в. Великобритания продолжала активно строить свою колониальную империю, захватила Индию, ограбление которой стало источником благополучия значительных слоев населения метрополии. Однако сразу же возникли и опасения потерять присвоенные земли, особенно ту же Индию. Движение России в южном направлении, ставшее особенно заметным после Петра I, вскоре вызвало страх у правящих кругов Англии. Характерно, что легенды о возможности освобождения с помощью «белого царя» сформировались и в среде покоренного индийского населения. Русско-английское соперничество на Востоке резко обострилось, что питало русофобию.

Во Франции русофобские настроения в XVII—XVIII вв. были особенно сильны из-за ее тесных связей с Речью Посполитой — первоначально главным соперником России, а со времен Петра Великого — зависимым от нее государством. Существовал и давний (с XVI в.) союз между «христианнейшими королями» Франции и главными врагами европейских христиан — турецкими султанами. Тут также имелась основа для русско-французской вражды. С начала XIX в. ко всему этому прибавились мотивы реванша за поражение Наполеона I от России в 1812—1814 гг.

Наконец, роль России в мировой политике первой половины XIX в. как центра консервативных сил и тенденций вызывала открытую неприязнь к ней со стороны большинства радикальных политических сил Европы. В их кругах русофобия оказалась весьма распространенным явлением.

Вместе с тем следует понимать, что перечисленные выше все рационалистические подходы к объяснению происхождения явления русофобии явно недостаточны. Угроза со стороны России интересам западных стран или их жите-

лям были очень сильно преувеличены. Никто, например, в России всерьез не разрабатывал планов завоевания Индии (авантюрный поход в Индию казаков при Павле I начался по проекту Наполеона Бонапарта и, разумеется, не имел никаких шансов на успех — даже походы на среднеазиатские ханства стали для России очень тяжелым испытанием). Это, в общем-то, понимали все здравомыслящие западные политики. Однако, например, именно защита от фантастического русского вторжения в Индию стала чуть ли не основой всей британской внешней политики в XIX в.

Главное, конечно, заключалось в цивилизационно-культурных и этно-психологических различиях между Востоком и Западом Европы. Истоки нагнетания русофобских настроений на Западе тесно связаны еще с древней враждой католической и православной ветвей христианства. На Западе православие вообще не воспринималось как христианская религия. Известно, что еще в начале XIII в. немецкие и шведские рыцари-крестоносцы пытались «нести свет христианства» на Русь.

Однако и после секуляризации общественно-политической жизни Запада, падения в ней роли религиозных факторов Россия продолжала восприниматься как полуварварская окраина, не принадлежащая к цивилизованному миру. В период кризисов в России (например, во время Смутного времени начала XVII в.) на Западе тут же возникали проекты колонизации российских территорий, причем они прямо сравнивались с заселяемой тогда европейцами Америкой, где для местных, коренных жителей место если и предусматривалось, то лишь в качестве неполноправной части населения. Усиление же России воспринималось как вызов, посягательство на интересы «цивилизованного мира», ненормальное явление, с которым необходимо бороться.

В связи с этим все российское оценивалось крайне негативно, подавляющая часть средств массовой информации вела постоянную антирусскую пропаганду. Поэтому и в правящих кругах и в политически активной части населения господствовали русофобские взгляды. Разумеется, в западных странах имелось и иное мнение о России, были у нее и искренние друзья, особенно в консервативных кругах. Так, например, блестящий мыслитель XIX в. Т. Карлейль писал, что «спасение Европы от внутренней анархии придет со стороны России с ее дисциплиной». Однако подобные взгляды находились на периферии общественного мнения, и тем более на периферии политики.

Преобладали совсем иные настроения, которые проявлялись в постоянной политике противодействия России. Лишь военная мощь Российской империи и противоречия между западными державами сдерживали сторонников открытых силовых действий.

ИСТОКИ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

Крымская война, в период которой имя адмирала П.С. Нахимова стало известным всей России, явилась результатом длительной и сложной политической борьбы между державами, интересы которых сталкивались на Балканском полуострове и Ближнем Востоке. Это регион с XV—XVI вв. находился под властью Османской империи — одного из самых больших и могущественных государств начала нового времени.

Османское государство возникло в конце XIII — начале XIV в. на западе Малой Азии. Свое название оно получило по имени основателя правящей династии Османа I. В 1299 г. Осман освободился от вассальной зависимости от Иконийского султаната турок-сельджуков. Турки-сельджуки в X—XI в. пришли из Средней Азии и создали огромную державу на части земель Арабского халифата и Византийской империи. Однако эта держава вскоре ослабла и распалась на ряд государств, одним из которых был Иконийский (Конийский, Румский) султанат в Малой Азии, захваченной турками-сельджуками в XI в. Этот султанат также был неустойчивым государством. После короткого периода расцвета в первой половине XIII в. его начали сотрясать восстания населения и мятежи знати. После монгольского нашествия (1243 г.) султанат попал в зависимость от монгольских правителей

Ирана. Сам Иконийский султанат состоял из многих бейликов — княжеств. Одним из них и было княжество Османа.

Владения Османа находились на самом западе Инокийского султаната и поэтому не пострадали от нашествия монголов. Напротив, сюда бежало спасавшиеся от ужасов монгольского нашествия немалое число жителей султаната. Именно в бейлике Османа оказались сосредоточены самые воинственные кочевые и полукочевые турецкие племена, а также отряды «газиев» — воинов газавата (борцы за веру). Именно эти люди составили верхушку османского общества. Основным их занятием стала война. Из пришлых тюркских племен и части местного населения начала складываться народность турок-османов.

Потомкам Османа I удалось выстроить в своем государстве эффективную систему управления и, прежде всего, создать чрезвычайно боеспособную армию и совершенную военную организацию. Вся земля в Османском государстве считалась собственностью правителя. Воины-сипахи получали от государства земельные пожалования. На этих землях трудились крестьяне, которые не имели права перехода и обязаны были платить повинности и выполнять работы в пользу сипахов. Сипахи за счет крестьян должны были снаряжать определяемое доходностью их владения количество вооруженных конных воинов и по призыву правителя государства становиться во главе их в общее войско турок-османов. Невыполнение этих обязанностей вело к конфискации земли.

Вскоре Османское государство приступило к завоеванию соседних земель. Благоприятствовало этому то, что рядом с новым государством лежала чрезвычайно ослабленная Византийская империя. В 1326 г. сын Османа Орхан захватил крупный византийский город Бурсу и сделал его своей

столицей. Он же начал чеканить собственную монету. Подчинив владения Византийской империи в Малой Азии и ряд турецких бейликов, в 1352 г. османы под предводительством сына Орхана Сулейман-паши переправились на европейский берег пролива Дарданеллы и быстро начали расширять пределы своего европейского плацдарма. В 1362 г. был взят Адрианополь, ставший столицей молодого агрессивного государства под именем Эдирне.

Первый османский правитель, принявший титул султана, Мурад I приступил уже к серьезным завоеваниям на Балканах. Византийский император стал данником султана. В 1371 г. было разгромлено македонское войско. Под властью турок оказалась почти вся Болгария, часть Сербии. Мурад был убит сербским патриотом Милошем Обиличем во время битвы на Косовом поле в 1389 г., но это не остановило турецких завоеваний. Сын Мурада Баязид I, прозванный Молниеносным, в Никопольском сражении наголову разгромил объединенные силы западноевропейских рыцарей и начал готовиться к завоеванию Константинополя.

Одновременно происходило и расширение владений султана в Малой Азии. Здесь в основном обошлось без завоевательных походов. Верхушка турецких бейликов сама стремилась перейти под власть султана, чтобы принять участие в «священной войне» на Балканах. Османскому государству удалось довольно быстро восстановиться и после удара, нанесенного ему великим самаркандским завоевателем Тимуром в Ангорской битве 1402 г., в ходе которой был пленен Баязид I.

В 40-х гг. XV в. султан Мурад II в двух сражениях разгромил ополчения западноевропейских крестоносцев. В 1453 г. при султানে Мехмеде II пал Константинополь. Захватив остатки Византийской империи, османские правители

вскоре окончательно покорили все балканские государства, пытались, правда безуспешно, завоевать Италию. Во второй половине XV — начале XVI в. под власть Османской империи попали Северное Причерноморье, Сирия, Палестина, Месопотамия, Аравия, Египет, Ливия, Алжир и т.д. В вассальной зависимости от султана оказались Дунайские княжества — Молдавия и Валахия, Крымское ханство, Трансильвания и др. Однако на этом Порте (так европейцы называли правительство Османской империи) не собиралась останавливаться. Была захвачена почти вся Венгрия, укреплялись позиции Турции в Северном Причерноморье, строились планы присоединения Поволжья, велась ожесточенная борьба с Ираном. В 1517 г. султан Селим I провозгласил себя халифом, «повелителем правоверных».

Противостояние османской агрессии уже в XV—XVI вв. превратилось в вопрос жизни и смерти для многих стран Европы. Римские папы длительное время пытались сплотить европейские государства под знаменем борьбы с врагами христианства — мусульманами. Многочисленные войны с Турцией вели держава Габсбургов (Австрия), итальянские государства (особенно Венеция), Испания, Португалия, Речь Посполитая. С XVI в. начались и Русско-турецкие войны. Но Европа не была едина. Франция и Англия нередко выступали как фактические союзники Порты.

Первоначально европейцам удавалась лишь немного тормозить османскую экспансию. Турецкая армия и флот долгое время считались непобедимыми. В XVI в. турки потерпели лишь два серьезных поражения — в 1569 г. была уничтожена огромная армия, пытавшаяся захватить русскую Астрахань, а в 1571 г. в битве у Лепанто у берегов Греции испано-венециано-мальтийский флот разгромил флот султана. Однако османская угроза нависала над наро-

дами Европы практически до конца XVII в. Лишь в самом конце этого столетия началось обратное движение границ на Балканах и в Северном Причерноморье.

К этому времени проявились признаки того, что еще недавно грозная Османская империя вступила в полосу своего кризиса. В течение XVIII в. этот кризис становился все более явственным и очевидным. Именно тогда возник так называемый Восточный вопрос. Этим термином обозначается комплекс международных противоречий, связанных с наметившимся распадом Турции и борьбой великих держав за раздел ее владений. Сам этот термин был впервые официально употреблен в 1822 г. на Веронском конгрессе Священного союза во время обсуждения событий, связанных с национально-освободительным восстанием в Греции.

Во второй половине XVIII в. и особенно на протяжении XIX в. Восточный вопрос превратился в одну из основных проблем международной жизни. Для России Восточный вопрос был особенно актуален. В результате Русско-турецких войн 1768—1774 и 1787—1791 гг. России удалось решить одну из своих важнейших внешнеполитических задач — добиться выхода к Черному морю, ликвидировать крымскую угрозу и получить возможность освоения плодородных земель Северного Причерноморья. Однако Восточный вопрос для России все еще стоял очень остро, что стало особенно очевидно в начале XIX в.

В результате сельскохозяйственного освоения Северного Причерноморья (Новороссии) экспорт хлеба и другой продукции становился все более важной составляющей российской экономики. Этот экспорт осуществлялся в основном через недавно основанные черноморские порты (Одесса, Николаев, Херсон и др.).

Однако торговля со странами Европы шла через Черноморские проливы — Босфор и Дарданеллы. Черноморские

проливы — во многом уникальное с географической точки зрения место, имеющее особое значение для России. Их не случайно сравнивали с легкими нашей страны. Владеющий ими мог «задушить» Россию, перекрыв ей самый удобный выход в Мировой океан.

Несмотря на успехи России в войнах с Турцией, во второй половине XVIII в. Проливы продолжали находиться в руках османского султана. Турки, таким образом, получали возможность не только препятствовать русской внешней торговле, но и могли нанести ей более существенный урон. Согласно условиям Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г., подтвержденного условиями Ясского мирного договора 1791 г., русские торговые корабли получили право свободного прохода через Проливы в Средиземное море. Но Османская империя могла в любой момент перекрыть этот путь.

Одновременно стоял вопрос о безопасности южных границ России. Завоевав берега Черного моря, Россия должна была теперь думать об их обороне, что требовало огромных средств (содержание Черноморского флота, прибрежных крепостей и укреплений, большой армии на юге). Но эта проблема могла бы быть решена и более дешевым способом: стоило лишь установить контроль над Черноморскими проливами, и вопрос о безопасности южных границ был бы во многом решен. Однако Россия долгое время не могла добиться даже права прохода через Босфор и Дарданеллы своих военных кораблей.

Правда, в 1798 г. Турция, нуждавшаяся в помощи России для борьбы с Францией, заключила с ней договор, по которому русские военные корабли наконец получили право проходить по Проливам в обе стороны. Однако эти условия действовали лишь до 1806 г., когда началась очередная Русско-турецкая война.

Таким образом, во внешней политике России проблема выхода к Черному морю переросла в проблему контроля над Черноморскими проливами.

Путь к Босфору и Дарданеллам лежал через Балканский полуостров. Здесь у России был весомый козырь. Балканские народы, находившиеся уже много столетий под игом турок-османов, мечтали об освобождении. Эти народы уже давно надеялись на помощь со стороны России. Ведь подавляющая часть жителей Балкан были православными, а среди них большинство составляли славянские народы. Необходимость помощи православным и славянам со стороны России — единственной православной славянской державы — была совершенно естественна. Еще в XVIII в. в России разрабатывались планы либо воссоздания дружественной ей Византийской империи, либо также дружественных независимых православных балканских государств. Это могло бы решить и вопрос о Проливах, и вопрос безопасности южных границ страны.

Однако для России путь на Балканы был очень непрост. Естественным было желание османских правителей сохранить свою власть над балканскими народами, отразить натиск России. Несмотря на упадок Османской империи, она все еще оставалась серьезной силой. Мужество турецких воинов, их религиозный фанатизм, мощные крепости, обширные и труднодоступные пространства — все это и многое другое стояло на пути русских армий в случае их движения к Проливам.

Однако главные препятствия для подобного движения уже давно находились вне границ Османского государства. Дело в том, что ведущие европейские державы вовсе не желали, что бы Восточный вопрос разрешился в пользу России или балканских народов. В своих отношениях с Турцией

Россия должна была очень зорко следить за реакцией на них стран Европы.

Обострение Восточного вопроса, приведшее в конце концов к Восточной войне, было связано с еще одним обстоятельством. С начала XIX в. османские владения на Балканах становятся ареной все более разгорающейся национально-освободительной борьбы угнетенных народов.

В 1821 г. греческие подданные Порты подняли восстание против осман. Европа, всегда озабоченная чужими делами более, нежели своими, и привыкшая из всего извлекать практическую выгоду, развернула весьма шумную кампанию в защиту повстанцев, расписывая жестокость турецкой солдатни.

Восстание против турецкого владычества готовилось греками уже давно. Первая тайная греческая политическая организация — гетерия, главной задачей своей провозгласившая необходимость добиться независимости от Порты, была создана Ригасом Валестинлисом еще в 1797 г. Она строилась по основополагающим принципам тайных структур: а) главная управа, известная весьма малому числу членов; б) чиновники, подчиняющиеся данной управе, именуемые эфорами. Их деятельность заключалась в выполнении разного рода поручений; в) две степени, на которые были разделены остальные члены организации.

На два отдела разделялась и первая степень: в одном из них находились воины, т.е. члены гетерии, поклявшиеся сражаться за отечество и обязавшиеся являться с оружием в руках, в другом — не могущие воевать непосредственно, но готовые жертвовать своим имуществом, называвшиеся гражданами.

Во второй степени объединялись правители, отдававшие в распоряжение родины и имущество, и себя. У них было право принимать в организацию и граждан, и воинов. Гражд-

дане имели право принимать в общество только таких же граждан, воины — никого.

Люди, составлявшие низшие степени, знали только своего правителя, их принявшего, а последний — другого правителя, служившего для него водителем. Из высшей второй степени в правители попадали только при наличии предварительного одобрения Верховной управы, которое доходило до граждан через непрерывную промежуточную цепочку правителей, находящихся между ней и низшей степенью.

Члены Верховной управы выдавали себя за частных правителей и передавали рядовым членам распоряжения управы.

Русский философ и дипломат К. Леонтьев, многие годы живший в блистательной Порте, со знанием дела писал: «Греческие биографы его (Ригаса. — Ю.Л., В.А.) утверждают, что он, не находя еще возможности выделить хоть часть своих соотичей в особое национальное государство, действовал в духе космополитических идей XVIII в. То есть он хотел поднять в Турции движение против деспотизма и неравенства вообще и призывал к восстанию против султана и его пашей не одних только греков и даже не одних только христиан, но и ту значительную часть мусульманского населения, которая представлялась ему также страдающей от самовластия пашей и янычар. Рига-Фереос был напитан теми самыми идеями личного равенства и личной легальной свободы, которые выразились французской революцией XVIII в. Имя его у греков было, я сказал, весьма популярно. Значит, эти либерально-эгалитарные идеи предшествовали в умах эллинских “предтечей” мыслям об эмансипации собственно национальной.

Другими словами: последняя возросла на первых; она была подготовлена ими. Общелиберальные веяния XVIII века проникли еще заранее и в греческие умы, хотя, быть может, и смутно».

Тайная организация Ригаса просуществовала совсем недолго. Уже в 1798 г. он был арестован австрийцами и выдан туркам, быстро казнившим его. Последними словами Ригаса были: «Семя брошено, наступит время, когда моя нация пожнет обильные плоды!»

Впоследствии возникают еще общества, ставившие аналогичные цели. Наиболее известным из них стало общество «Филики Этерия» (т.е. «Дружеское общество»), подготовившее и возглавившее восстание 1821 г. Оно было основано в Одессе в 1814 г. и получило известность в России под названием Гетерия. Основателем ее считался купец с острова Патмос Эммануил Ксантос.

Итальянский историк Дж. Берти считает, что центр Гетерии — как и предыдущих греческих тайных организаций — находился в Италии, в провинции Виченце. Таким образом, Гетерия возникла под влиянием и воздействием людей, связанных с тайными революционными организациями в Испании, Германии и с итальянскими карбонариями.

В записке «О составленном проживавшими в Вене греками тайном обществе Гетерия...» говорилось: «Они (т.е. основатели «Филики Этерии». — Ю.Л., В.А.) путеводимы были в составлении сего общества лицами, к революционным европейским сектам принадлежащими, правила и статут коих они приняли».

В начале руководство Гетерии обратилось с просьбой возглавить их движение к графу Иоанну Каподистрии, одному из двух (наряду с Нессельроде) руководителю внешнеполитического ведомства России. Но тот отказался, после чего гетеристы обратились к князю Александру Ипсиланти, сыну бывшего валашского государя, генерал-адъютанту Александра I и генерал-майору русской службы.

Каподистрия, тот самый, о котором Сен-Симон говорил, что почти всегда можно столкнуться с этим именем «при подрывных действиях и тайных происках», пока отходит в тень. Однако известно, что впоследствии Ипсиланти напишет императору Николаю I о том, что именно по настоянию графа он взял на себя руководство Гетерией и греческим повстанческим освободительным движением. Каподистрия же, уволенный в отставку, жил с 1822 г. в Женеве, бывшей в то время европейским центром всех заговоров.

Так, после 14 декабря 1825 г. правительство Пьемонта намекало Петербургу, что нити заговора, вполне вероятно, тянутся в Женеву. При этом прозрачно давая понять, что властям не стоит особенно доверяться политической бдительности русской миссии в Берне. Берн этих лет — центр дипломатической деятельности в России, где Каподистрия и Лагарп, известный революционный деятель и бывший воспитатель Александра I, пользовались наибольшим влиянием и всеобщей известностью.

Пока же, в 1820 г., Ксантос, обращаясь к Александру Ипсиланти, сказал, «что великое разумножение членов Этерии до высшей степени возбудило дух свободы между греками, и если не найдется способного мужа для направления сего пламенного чувства, то все племя греческое, тяготимое турецким игом, подвергнется истреблению: ибо скоро и противу своей воли обнаружится сей тайный замысел».

Александр Ипсиланти был родом из фанариотов, то есть представителей греческой аристократии из числа богатых семей, проживавших в квартале Фанар и перешедших на службу к туркам.

Именно фанариоты более ста лет были господарями, или — вернее — откупщиками Молдавии и Валахии. Однако

Ипсианты был сыном бывшего господаря и греком. И он дал свое согласие.

Знакомство и достаточно частые встречи с будущими участниками 25 декабря определило тесный контакт Кишиневской управы декабристов с Гетерией, что способствовало демократизации «Филики Этерии». Так, из бывших 8 степеней посвящения были оставлены лишь пять: «...первая заключала в себе людей необразованных и могущих только служить простыми воинами (побратимы); вторая — имела также людей необразованных, но приносящих денежные пособия (рекомендованные); третья — содержала тех, кто не только собою и имуществом жертвовали, но еще обязывались собирать некоторую часть войска (иереи); четвертая — включала в себя людей, способных по образу воспитания к занятию мест высших (пастыри); и, наконец, к пятой степени принадлежали люди, избранные в предводители народа и Этерии (“Незримая власть”))».

Вошедшие в общество давали клятву: «1) отнюдь не открывать тайн общества; 2) быть верным Отечеству; 3) строго и беспрекословно повиноваться повелениям, кои даны будут именем основателей общества, если бы даже эти повеления включали в себя убийство сородича или родного брата; 4) сверх того, им поставлено было в обязанность не спрашивать о месте пребывания главной управы и 5) не открывать место предводителя».

По многим российским городам возникли комитеты Этерии: Москва, Киев, Петербург, Харьков, Кишинев, Севастополь, Измаил, Херсон, Таганрог, Вознесенск, Воронеж, Николаев, Феодосия, Нежин и др. В Европе происходило нечто подобное: туда засылались эмиссары общества, которые должны были действовать по своему усмотрению,

одновременно поддерживая постоянную связь с главным комитетом.

Русский дипломат Е. Ковалевский писал: «Этерии — известно — покрыли, как сетью, всю Европу и перешли в Малую Азию». Ему вторит П. Пестель, в силу своей службы тесно общавшийся с главой Гетерии и лицами, близкими к ней: «Если существует 800 тысяч итальянских карбонариев, то еще значительно может быть число греков, объединенных во фратриях общей политической целью».

Любопытно, что незадолго до восстания 1821 г. Пестель по распоряжению начальства делал подробные карты турецкого приграничья и получил благодарность за проделанную работу.

Новые комитеты имели определенные обязанности: сохранять в тайне цели общества; надзирать за надлежащим использованием собранных средств; информировать главный комитет о числе завербованных, их поведении, социальном положении; расширять их число; собирать деньги на нужды Гетерии; рассылать пропагандистов взглядов сообщества.

Предполагалось также и несение ими и контрразведывательных функций. В частности, ими был убит Кириаκος Камаринос — глава Гетерии с Мореи. Так как Ипсиланти все время утверждал, что действует по воле Александра I (хотя тот уже несколько лет назад, впервые узнав о подобной организации, начал обсуждение со своим окружением вопроса «О средствах предохранить по мере возможности восточных христиан от бедствий, коими угрожало им это роковое предприятие») и даже показывал сподвижникам — дело происходило уже в Греции в 1821 г. — письма, посылаемые ему якобы как уполномоченному российского двора, Камаринос был послан от морейцев убедиться во всем этом непосредственно в Петербурге.

По приезду из России он принялся громко говорить, что на русских надежды нет, и, дабы гетеристов не постигло разочарование, и их планы не стали известными — его убили в Галаце... Одним словом, обычная история торжества корпоративной этики, отбрасывающей все нормы общечеловеческой морали. Ибо носители подобной этики лучше всех прочих знают, что нужно для всеобщего счастья. И, не задумываясь, готовы насильно загонять туда всех. Ведь великая цель оправдывает любое, даже и самое сильнодействующее средство! Не говоря уже о такой мелочи, как и «ложь во спасение».

Правда, данные события происходили немного позднее. Пока же пора сомнений еще не пришла — в Гетерию вступали тысячами. Не исключая и русских: в Кишиневе хороший знакомый Ипсиланти В. Горновский создает так называемый гетеристский уланский полк. Кроме него членами общества стали также губернский секретарь Ющенко и частный пристав Ренийской городской полиции отставной поручик В. Салтанов. О нем позднее стало известно, что у него совсем иные фамилия и биография.

Шла полным ходом подготовка к восстанию. Ускорению этого процесс а способствовали восстания революционеров в Юго-Восточной Европе, революции в Неаполе и Пьемонте, революционный переворот в Испании, все возрастающие связи гетеристов и карбонариев. Сыграло свою роль и восстание Семеновского полка в Петербурге, солдаты которого были замучены муштрой нового командира. До него здесь всегда были гуманные офицеры, исповедовавшие демократические, просветительские формы общения с подчиненными.

Хотя жажда просвещения иногда переходила все же необходимые в армии рамки уставных отношений; иерар-

хию начальник — подчиненный. Косвенным подтверждением этому может служить тот факт, что в 1820 г. в полковом госпитале лежало большое количество венерических больных.

Промедление становилось преступлением, и 22 февраля Ипсиланти во главе гетеристов-воинов перешел Прут.

В России все сочувствовали восставшим грекам, а оказание им помощи могло бы стать серьезным шагом в укреплении позиций России на Балканах. Однако император Александр I, узнав о начале вооруженной борьбы, исключил Ипсиланти из русской службы и записал: «Если мы ответим туркам войной (как это предполагал Каподистрия), Парижский главный комитет восторжествует и ни одно правительство не останется на ногах. Я не намерен делать простор врагам порядка». Ипсиланти был запрещен въезд в Россию.

Эта удивительная позиция правителя России объяснялась тем, что реальные интересы страны, как не раз бывало в российской истории, были принесены в жертву отвлеченным идеям. В 1815 г., создавая Священный союз, Александр I заложил в качестве одной из основ послевоенного устройства Европы принцип сохранения существующих в европейских странах систем правления, подчинения подданных их правителям. Все потрясения внутри государств, восстания, революции рассматривались как угроза сохранению мира на континенте. В этой идее, несомненно, сказалась оценка событий, связанных с Французской революцией конца XVIII в. После ужасов и утрат времен Наполеоновских войн, которые стали следствием революции, такой подход казался оправданным.

В Священный союз вступили все европейские государства. Англия, не став членом союза, поддерживала тогда его

принципы. Однако в реальной политике, как вскоре выяснилось, большинство стран легко нарушали концептуальные основы Священного союза, если это противоречило их интересам. По иному действовал Александр I. Идеи ряда западноевропейских мистиков, положенные русским государем в основу написанного им «Акта Священного союза», стали для русского царя основой внутренней и внешней политики. Тут уж ни о каких национальных интересах речь не шла. Поэтому и выступление греков Александр I оценил как бунт против «законного правителя» — турецкого султана.

Разумеется, на позицию императора влияло опасение революционных тенденций, связанных с выступлением повстанцев. Многие в Европе были убеждены, что восстание Гетерии — часть единой акции освобождения европейских народов от гнета тираний. Никто не сомневался также и в том, что греческую революцию вдохновлял известный Парижский комитет, состоявший из франко-итальянских заговорщиков. Одним из лидеров этого комитета был Ф. Буонаротти, патриарх и координатор европейского революционного дела, друг и соратник Г. Бабефа. Неаполитанский дипломат Лудольф писал 24 июля 1821 г.: «Не лишено оснований подозрение, что и греческое восстание является результатом происков заговорщиков и мятежников, центр которых находится во Франции». В другой раз он же напишет: «Бесспорно, что революционеры всех стран одинаково смотрели на события в Испании, Португалии, Италии и Греции, считая, что эти страны делают их общее дело в борьбе с несправедливостью». По его мнению, греческая революция также была «результатом скрытых происков тайных обществ».

П.И. Пестель в своей докладной записке о воспитании Этерии писал, что «волнение в княжествах Балканского

полуострова и предприятие князя Ипсиланти может рассматриваться как результат давно составленного и зрело обдуманного плана, который захватил всю Грецию... Албанцы и сербы всецело разделяют намерения и планы греков. У них одни и те же интересы и дело у всех у них общее».

Тем временем события развивались естественным образом — когда до рядовых гетеристов-повстанцев начала доходить правда о позиции Александра I, на помощь которого они только и надеялись, множество их отшатнулось от Этерии. Как заметил К. Леонтьев, греки и болгары большей частью занимались религией для политики, Россия же — наоборот. И это, то есть чуждые политические цели и религиозный либерализм, привело к тому, что у Ипсиланти не было поддержки в народе (пик его — это шеститысячное повстанческое войско). Тот же Леонтьев заметил: «Либералы сильны лишь оппозицией и фразами в мирное время. У либералов XVIII в. были новые идеи, старые ненависти и материальные интересы на подачку простому народу. Есть ли все это у нынешних либералов?»

Данный вопрос носит риторический характер, и в силу этого распространим на времена после искомого переломного XVIII столетия. Но, видимо, Ипсиланти тоже трудно было бы на него ответить — уже 19 июня 1821 г. он был разбит у реки Ольты у монастыря Дрогошан турками...

В конце своего правления Александр начал склоняться к изменению своей позиции по отношению к греческим повстанцам. Сказывалось негодование общественного мнения внутри страны. Еще большее значение имели действия турецкого правительства, наносившие реальный урон России. Так, османы закрыли Черноморские проливы для торговых судов под флагом России (на таких судах часто

плавали греки), ввели свои войска в Дунайские княжества. Резко упал авторитет России на Балканах. Огромный ущерб был нанесен российской экономике. Однако предпринять реальные шаги в Восточном вопросе Александр I так и не успел.

Ситуация изменилась со вступлением в 1825 г. на престол императора Николая I. Чуждый мистическим увлечениям старшего брата, новый император стремился к решению Восточного вопроса в интересах своей страны. Решительные действия вполне отвечали энергичной, властной натуре царя.

Император Николай I пришел к власти в тот момент, когда революционные выступления в Италии и Испании были подавлены. Поэтому появлялась возможность воспользоваться греческим восстанием с чисто внешнеполитическими целями, не боясь внутривосточных последствий. Это осознавалось и другими правителями в Европе. Так что если вначале лишь Россия проявляла активность в Восточном вопросе, заключив с уже начинающей осознавать свое подлинное место в европейской политике Портой в октябре 1826 г. Аккерманскую конвенцию, по которой было узаконено покровительство России Дунайским княжествам и Сербии, а также необходимость принудительных мер против Турции в защиту греков. Вслед за Россией подоспели и всегдашние европейские лидеры — Англия и Франция. К 1827 г., таким образом, обстановка для Порты в значительной мере изменилась и усложнилась. Реальностью стала коалиция Англии, Франции и России. В защиту Греции, для ослабления, а если удастся — и расчленения — Турецкой империи. Ради контроля над всеми желанными Черноморскими проливами и усиления движения и влияния на восток. И ныне настало время вмешаться.

Первоначально Николай I склонен был обеспечить реализацию потребностей России не столько военными, сколько дипломатическими методами. В сфере взаимоотношений с ведущими державами Европы по поводу Восточного вопроса Николаю I удалось первоначально добиться серьезных успехов.

Среди этих держав особое место занимала держава Габсбургов, которую обычно называют Австрийской империей. В ходе ряда Русско-турецких войн Австрия выступала как союзник России. Но союзник ненадежный и ревнивый, думающий о своих выгодах и всегда готовый подставить подножку. И, разумеется, Австрия постоянно стремилась расширить свои владения и влияние на Балканах и всячески препятствовала продвижению туда России. Так было в XVIII в.

Однако в начале XIX в. Австрия оказалась в очень сложной ситуации в связи с экспансией наполеоновской Франции. В эти годы без помощи России ей бы не удалось сохранить свой суверенитет. После разгрома Наполеона Россия оставалась главным союзником Австрии в рамках возникшего в 1815 г. Священного союза. Правда, противоречия на Балканах никуда не исчезли. Однако в конце 40-х годов XIX в. Австрийская империя вновь оказалась в серьезной зависимости от России. Общеευропейская революция 1848—1849 гг. поставила империю Габсбургов на грань гибели. В 1849 г. восставшая Венгрия объявила о своей независимости. Имперские войска терпели постоянные поражения от венгерской армии. Император Франц-Иосиф обратился за помощью к Николаю I. Начался венгерский поход русской армии под командованием фельдмаршала И.Ф. Паскевича. Позже этому же военачальнику суждено было сыграть существенную роль и в начальный период Крымской войны.

Биография

Паскевич Иван Федорович

(08.05.1782—01.02.1856)

Сын богатого полтавского помещика Паскевич в 1793 г. был определен в Пажеский корпус, состоял лейб-пажом императора Павла I. В 1800 г. был произведен в поручики лейб-гвардии Преображенского полка. В 1805 г. Паскевич был переведен в распоряжении генерала И.И. Михельсона, командовавшего русской армией на западной границе. В Русско-турецкую войну 1806—1812 гг. Михельсон стал главнокомандующим русскими войсками. Вместе с ним на войну отправился Паскевич. За боевые и дипломатические заслуги (поездки в Константинополь с различными поручениями) Паскевич был награжден золотой саблей с надписью «За храбрость».

После смерти Михельсона Паскевич остался при преемнике его князе А.А. Прозоровском. При штурме Браилова Паскевич был ранен пулей в голову. В 1809 г. он был произведен в полковники, а год спустя он стал командиром Витебского пехотного полка. За бои под Варной Паскевич получил орден Св. Георгия 4-й степени, а за сражение при Батине был произведен в генерал-майоры.

В Отечественную войну 1812 г. Паскевич отличился в сражениях под Смоленском, Бородином, Малоярославцем и Вязьмою, участвовал в заграничных походах русской армии 1813—1814 гг. Он обнаружил способность быстро и правильно оценивать стратегическую и тактическую обстановку, храбрость (в Бородинском сражении в штыковой атаке под ним была убита лошадь, другую также сразило

французское ядро), выдержку, заботу о солдатах, умение сохранить войска в трудных ситуациях. Он умел прекрасно организовывать и обучать войска, проявляя большую трудоспособность и горячую ревность к службе. Александр I охарактеризовал Паскевича, как «одного из лучших генералов армии» во время представления его своему брату Николаю. С этого времени и началась тесная дружба будущего российского императора с Паскевичем. В 1821 г. он был назначен начальником 1-й гвардейской пехотной дивизии, в которой проходили военную практику великие князья Николай и Михаил, командуя бригадами. Впоследствии Николай Павлович, уже став императором, часто называл Паскевича «отцом-командиром».

В 1826 г. Паскевич был послан на Кавказ для командования русскими войсками в русско-иранской войне 1826—1828 гг. Здесь он сменил А.П. Ермолова. В сражении под Елисаветполем, где генерал впервые командовал русскими войсками, персы были разбиты. В 1827 г. он овладел Эриванью и рядом других крепостей. 10 февраля 1828 г. был подписан Туркманчайский мирный договор, по которому в России отходили Ереванское и Нахичеванское ханства (Восточная Армения). Паскевич был возведен в графское достоинство с титулом «Эриванский».

Сразу после окончания одной войны Паскевичу пришлось участвовать в другой — Русско-турецкой 1828—1829 гг. Она велась быстро, смело и решительно. В 1828 г. был взят Карс, в 1829 г. — Эрзерум. Как по замыслам, так и по результатам, война 1828—1829 гг. была лучшим из военных предприятий

Паскевича, все победы которого были одержаны с малыми силами против превосходящих сил противника. После войны Паскевич получил чин генерал-фельдмаршала.

В 1849 г. Паскевич принимал участие в подавлении венгерской революции. Он предложил императору Николаю I, воспользовавшись обстоятельствами, занять Галицию и Буковину. Но предложение Паскевича принято не было.

Уже в очень почтенном возрасте Паскевич в начале Крымской войны (которая тогда еще лишь была Русско-турецкой), в 1854 г. был назначен главнокомандующим русскими войсками на западной границе и Дунае, объединив под своим началом Южную и Западную армии. 72-летний возраст существенно сказывался на его здоровье и энергии. Первоначальный план кампании 1854 г. — смелый переход через Балканские горы — под влиянием Паскевича был существенно изменен на более осторожный, в основе которого лежало занятие крепостей в низовьях Дуная.

Опасения за тыл со стороны Австрии только внешним образом оправдывали этот план Паскевича. За этой ширмой он, по мнению многих участников войны и военных историков, искусно скрывал свою боязнь потерять в новой войне свою прежнюю славу.

Только 8 мая 1854 г. начались осадные работы против Силистрии. 22 мая фельдмаршал Паскевич проезжал по линии фронта боевого порядка. Пущенное из крепости ядро разорвалось рядом с ним. В результате взрыва он был тяжело контужен и уже

не мог самостоятельно передвигаться. Доставленный в русский лагерь, он был затем переправлен для лечения в Яссы.

С отъездом Паскевича осада Силистрии пошла успешнее, но уже в июне по приказу Паскевича она была прекращена. Русские войска перешли на левый берег Дуная и приступили к очищению Дунайских княжеств. Паскевич скончался 1 февраля 1856 г.

Однако пока до этих событий было еще далеко. В 1849 г. в Венгрии И.Ф. Паскевич действовал смело и решительно. Повстанцы были очень скоро разгромлены, Австрийская империя — спасена.

После венгерского похода, после того, как австрийский фельдмаршал Кабога смиренно кланялся Паскевичу в ноги, моля о помощи против повстанцев, а австрийский император Франц-Иосиф по той же причине целовал руку Николаю I, русский император окончательно пришел к выводу, что Австрия — традиционно трепетно следившая за активизацией России на Балканах — ему более не помеха в делах с Турцией. Эта уверенность подкреплялась и мнением российского канцлера графа К.В. Нессельроде, считавшего, что лишь России и Австрии свойственен истинно-монархический дух и оттого эти две страны — естественные союзницы в большинстве вопросов, в том числе и Восточном.

Не меньшее значение для России имела и позиция в Восточном вопросе других европейских держав, прежде всего, самых сильных — Франции и Великобритании.

Франция в ходе Русско-турецких войн XVIII в. выступала как союзник Турции и противник России. В конце того столетия Франция попыталась захватить турецкие владения — Ионические острова, Египет, Сирию. Однако затем

она переключилась на завоевания в Европе. Казалось, что интересы Франции с тех пор были далеки от ситуации вокруг Черноморских проливов. Николай I надеялся, что несмотря на традиционное союзничество Франции с Турцией, она не сможет помешать ему в решении Восточного вопроса.

Император Николай I, помнивший свое пребывание в Париже после заграничных походов 1813—1814 гг., был уверен, что ни одно правительство Франции не захочет, да и не сможет, противостоять России. И действительно позиция Франции в период правления в ней королей Людовика XVIII и Карла X (до 1830 г.) была в целом благоприятной для России. Отношение к Николаю I короля Луи-Филиппа (1830—1848), хотя и было гораздо более сдержанным, чем у его предшественников на троне, также не вызывало особых опасений.

Ставший с конца 1848 г. президентом Французской Республики Луи Наполеон Бонапарт тоже поначалу не вызывал у царя претензии и подозрений. Трансформация президента Бонапарта в императора Наполеона III (1852 г.) вызвала у него лишь неудовольствие с точки зрения титулатуры, решительность же, проявленная при перевороте, лишней раз подтвердила, что новый властитель Франции на поводу у «черни» идти не собирался. И тем импонировала российскому императору. К тому же теперь новому французскому императору предстояло разбираться с делами внутренними, до дел же внешних, судя по всему, у него должны были дойти руки не скоро.

Оставалось договориться с Великобританией — и никто более не будет стоять между Россией и Портой, давно заслужившей свою судьбу.

Англия к середине XIX в. превратилась в главного противника России в решении Восточного вопроса. Правда,

Николай I имел опыт успешных для него отношений с Великобританией в этом вопросе. Еще в 1827 г. Россия, Англия и примкнувшая к ним Франция подписали в Лондоне конвенцию, содержащую обязательство трех держав добиваться автономии Греции «общими или отдельными» усилиями. Оговорка о «раздельных» усилиях означала дипломатическую победу царя — он мог действовать, не считаясь с позицией Англии.

Успеху англо-русско-французских переговоров 1827 г. способствовало всеобщее возмущение общественности Европы зверствами, которые творили османы в Греции. Турецкое правительство проигнорировало требования Лондонской конвенции о предоставлении автономии Греции. Тогда было принято решение послать к берегам Турции эскадры участников конвенции для оказания давления на Порту в этом вопросе. Именно тогда произошло боевое крещение П.С. Нахимова.

МЕСТО ДЕЙСТВИЯ

Важнейшие события Крымской войны, связанные с деятельностью П.С. Нахимова, происходили в Крыму. Крымский полуостров с самых ранних времен являлся одним из регионов, связанных с важнейшими событиями российской истории. Крым издавна являлся перекрестком исторических дорог различных племен и народов. Здесь обитали легендарные киммерийцы, тавры, скифы, сарматы, греки, евреи, армяне, римляне, готы, гунны, хазары, болгары, авары, печенег, половцы. Примерно с IX в. в Крыму появились и восточные славяне. Известно, что славянский первоучитель и создатель нашего алфавита Кирилл именно там читал Евангелие и Псалтырь, написанные «русскими письменами».

О походе в Крым некоего легендарного новгородского князя Брамлина (Бравлина) в конце VIII — начале IX в. рассказывает «Житие святого Стефана Сурожского». Интерес к полуострову проявили первые русские князья Олег и Игорь. По договору князя Игоря с Византийской империей 944 г. он имел право защищать Корсунь (Херсонес) от живших поблизости «черных болгар». Договор запрещал русскому князю иметь в Корсунь волости, а также «да не имеет власти князь русский воевати на тех странах, а та страна не покоряется вам». Следовательно, Византия опасалась проникновения русских в Крым.

В этот период вся территория Крыма (Таврика, как называли его в то время), за исключением принадлежавшего Византии Херсонеса, контролировалась Хазарским каганатом. Однако, скорее всего, именно в период правления Игоря район Таманского полуострова начинает попадать в зависимость от Руси. После разгрома князем Святославом Игоревичем в 965—968 гг. Хазарского каганата на Таманском полуострове окончательно сложилось Тмутараканское княжество.

Ставшая частью «Повести временных лет» так называемая «Корсунская легенда» повествует о крещении князя Владимира Святославича в Крыму. Взяв византийский город Херсонес после долгой осады, русский князь именно здесь принял святое крещение. Там же крестилась и княжеская дружина. Из Крыма на Русь Владимир привез священнослужителей, которые и крестили жителей Киева и других русских городов. Отсюда же на Русь доставили многие необходимые для богослужения предметы — книги, иконы, церковную утварь.

После похода Владимира влияние Византии в Таврике постепенно падает, а Русское государство, напротив, укреп-

ляет свои позиции. По-видимому, тогда к Тмутараканскому княжеству отошли земли в Восточном Крыму, где был расположен город Корчев (от слова «корча» — кузница) — современная Керчь.

Появление в середине XI в. в Северном Причерноморье половцев, а также начавшийся распад Руси способствовали ослаблению связей русских земель с Крымом. Так, после 1094 г. в русских летописях исчезают всякие упоминания о Тмутаракани. Последний раз о ней говорится в знаменитой поэме «Слове о полку Игореве». Однако известно, что русские купцы постоянно бывали в Крыму.

В XIII в. на Крымский полуостров пришли монголы. В 1444 г. вследствие распада Золотой Орды здесь формируется Крымское ханство. В этот же период происходило и становление единого Русского государства. Главнейшей задачей этого государства являлось тогда освобождение от ордынского ига. Против претензий ханов Большой Орды восстановить свою власть над Крымом боролись и крымские ханы. Борьба с Большой Ордой сделала Москву и Крым естественными союзниками. В 1474 г. великий князь московский и всея Руси Иван III и крымский хан Менгли-Гирей заключили союзный договор. Они совместно противостояли Большой Орде и ее главному союзнику — Великому княжеству Литовскому.

Когда в 1480 г. хан Большой Орды Ахмат двинул к границам Руси свое огромное войско, Менгли-Гирей совершил крупный набег на Великое княжество Литовское и страшно опустошил земли вокруг Киева. Великий князь литовский не рискнул оставить свои владения и оказать помощь Ахмату. В итоге полуторамесячных упорных и ожесточенных боев на реке Угре в сентябре — октябре 1480 г. (получивших наименование «Стояние на Угре») Русь свергла ордынское

владычество. Этому в весьма значительной мере способствовало Крымское ханство.

Союзные отношения между Крымским ханством и Русским государством сохранялись до начала XVI в. Совместными усилиями сторон Большая Орда была окончательно уничтожена.

В 1505 г. ушел из жизни Иван III, создатель Российского государства, получивший от современников прозвище Великий. В 1515 г. скончался хан Менгли-Гирей. Н.М. Карамзин писал о нем: «Испытав непостоянство судьбы, умный, добрый Менгли-Гирей хотел взять меры на случай новых превратностей и заблаговременно изготовить себе убежище. Сия печальная мысль расположила его к верному дружеству с Иоанном».

Последующие отношения России и Крымского ханства складывались чрезвычайно напряженно, поскольку крымские ханы (ставшие вассалами могущественной Османской империи) стремились воссоздать Золотую Орду, захватив Казань, Астрахань, а то и саму Москву. Крымское ханство претендовало также на получение ордынской дани (как от Московского государства, так и от Великого княжества Литовского). Огромный ущерб русским землям наносили постоянные набеги крымцев. Главной их целью был захват пленников для дальнейшей продажи их в рабство. В этих условиях одной из важнейших внешнеполитических целей России в XVI—XVII вв. стала защита своих южных рубежей.

Основным способом решения этой задачи долгое время оставалось строительство пограничных укреплений — засечных черт. Они представляли собой систему крепостей, стен, валов, лесных завалов (засек), тянувшуюся на многие сотни верст. Особенно грандиозные работы начались в 1635 г.

и закончились в 1653 г. Была создана знаменитая Белгородская засечная черта, Крайней западной точкой ее была крепость Ахтырка (неподалеку от нынешнего Харькова). Далее укрепления шли через Белгород, Воронеж, Тамбов и в Симбирске подходили к Волге. Преодолеть эту линию укреплений легкая татарская конница уже не могла.

Новый этап русско-крымских отношений был связан с воссоединением Украины с Россией в 1654 г. По Крыму тогда поползли слухи о близком конце и ханства, и даже мусульманской веры. «Сказывали волхвы их, абызы, — писали в своем отчете русские послы к хану, — что де идет Крымскому юрту кончина, и немного де быть им на Крымском юрте...что им быть в своей вере и владеть Крымом немного, лет семь, или восемь, а то все будет вера православная». Россия на юге от обороны постепенно переходит в наступление на Крымское ханство и Османскую империю. Его целью являлись полное искоренение угрозы опустошительных набегов, хозяйственное освоение плодородных земель Северного Причерноморья и обретение выхода к Черному морю.

Войны России с Турцией и Крымом конца XVII — начала XVIII в. продемонстрировали возросшую военную мощь России, но шли с переменным успехом. После неудачи Прутского похода Петр I вынужден был отказаться от территорий на подступах к Крыму, завоеванных в результате Азовских походов.

Поводом к очередной войне стали набеги крымских татар в 1735 г. на Украину и поход крымского хана через русские земли в Дагестан и Закавказье. В ходе Русско-турецкой войны 1735—1739 гг. русские войска под командой фельдмаршала Бурхарда Кристофа (Христафора Антоновича) Миниха действовали в Молдавии, взяли крепость Кинбурн в устье Днестра и Очаков, генерал П.П. Ласси взял Азов и Таганрог, брал

Перекоп, трижды переходил через Сиваш и входил в Крым, два раза брал Бахчисарай. Хан Каплан-Гирей вынужден был скрываться в горах. Крымское ханство впервые оказалось уязвимым для российских ударов. Однако русские войска не могли удержать Крым и устье Днепра из-за удаленности баз снабжения армии, недостатка воды, жары и начавшейся эпидемии. По условиям Белградского мира Россия закрепляла за собой Запорожье, Азов и Таганрог.

Решающей для судеб Крыма стала Русско-турецкая война 1768—1774 г. Она началась с набега на Россию хана Крым-Гирея в январе 1769 г. Это был последний крупный поход крымцев. Крым-Гирей с 70-тысячным войском нанес удар по пограничным крепостям Бахмуту и Елисаветграду, разорил земли в верхнем течении рек Ингул и Ингулец. Однако командующий 2-й русской армией генерал П.А. Румянцев разгромил Крым-Гирея.

Вскоре П.А. Румянцев был назначен командующим 1-й армией. Осенью 1769 г. он овладел Яссами и Бухарестом, а в 1770 г. разгромил турок в сражениях при Мертвой могиле, Ларге и Кагуле. Русский флот в том же году одержал знаменитую победу в Чесменской бухте. В 1771 г. 2-я русская армия под командованием генерала князя В.М. Долгорукова подошла к Перекопу. После решительного штурма крепость в июне 1771 г. пала. Русские войска устремились в Крым. Преодолевая ожесточенное сопротивление крымской конницы, отдельные отряды 2-й армии заняли к концу июля весь полуостров, захватив все крепости. Успешные действия войск Долгорукова в Крыму были невозможны без содействия моряков воссозданной Азовской флотилии. В июне 1771 г. адмиралу А.Н. Сенявину удалось обратить в бегство турецкую флотилию из 30 боевых и транспортных судов. Тем самым была сорвана попытка высадить десант в Крыму.

Под контролем Долгорукова крымская знать впервые с XV в. самостоятельно избрала нового хана без оглядки на Османскую империю. На христианских церквях Кафы подняли колокола и установили кресты, что раньше было запрещено.

В 1772 г. между Крымским ханством и Россией был подписан договор о дружбе и союзе. Договор провозглашал независимость ханства. России передавались крепости Керчь, Кинбурн и Еникале. 10 июля 1774 г. в небольшой болгарской деревушке с турецким названием Кючук-Кайнарджи («маленький горячий источник») П.А. Румянцев и представитель турецкого султана подписали мирный договор. По его условиям Крымское ханство признавалось независимым. Турецкий султан сохранял право духовного главы мусульман Крыма. Русские торговые корабли получали право свободного прохода через Босфор и Дарданеллы, русские купцы могли свободно торговать во всех турецких портах, а турецкие — в России.

Кючук-Кайнарджийский договор позволил России приступить к более интенсивному освоению Северного Причерноморья, получившего название Новороссии. Инициатором и руководителем этого освоения стал фаворит Екатерины II Г.А. Потемкин. В 1775 г. он был назначен наместником и генерал-губернатором Новороссийской, Азовской и Астраханской губерний. Ему же были подчинены все казачьи войска.

Однако в Стамбуле, да и в Крыму, многие не смирились с условиями Кючук-Кайнарджийского договора. Крым стал ареной ожесточенной борьбы между различными группировками знати. Некоторые ханы пытались занять престол с помощью османских войск. Так, один из таких отрядов высадился сразу после подписания Кючук-Кайнарджийского договора под Алуштой. Русский отряд под деревней Шума

разгромил турок. В этом бою получил тяжелейшее ранение в глаз командир гренадерского батальона М.И. Кутузов.

Посаженный на престол при поддержке России хан Шагин-Гирей пытался проводить реформы с целью европеизации ханства, но он был высокомерен и жесток, вступил в конфликт со многими знатными родами и мусульманским духовенством. В Крыму вспыхнул мятеж. Опасаясь резни, с полуострова переселились 31 тыс. греков и армян, что для земледелия Крыма стало полной катастрофой. Переселенцев поселили на побережье Азовского моря. По приказу императрицы Екатерины II им было выделено 100 тыс. руб. для компенсации потерь.

Обстановка в ханстве еще более накалилась. Шагин-Гирей при поддержке Турции был свергнут и бежал в Керчь под защиту русского гарнизона. Потемкин, давно говоривший о необходимости присоединения Крыма к России, решил воспользоваться ситуацией. В одной из записок императрице Потемкин писал: «Татарское гнездо в сем полуострове от давних времен есть причиною войны, беспокойств, разорений границ наших, издержек несносных, которые уже в царствование Вашего величества перешли только для сего места более двенадцати миллионов, включая людей, коих цену положить трудно...»

Потемкин послал в ханство войска, восстановившие Шагин-Гирея на троне. Хан развернул широкий террор против своих противников, что грозило новой вспышкой недовольства. Потемкин в записке к Екатерине II писал в этот период: «Ежели не захватить ныне, то будет время, когда все то, что ныне получили даром, станем доставать дорогой ценою... Крым положением своим разрывает наши границы... Приобретение Крыма ни усилить, ни обогатить Вас не может, а только покой доставить... С Крымом достанете

и господство в Черном море...» В декабре 1782 г. Екатерина подписала рескрипт Потемкину о необходимости присоединения Крыма «при первом к тому поводе».

8 апреля 1783 г. в Петербурге был издан манифест, провозгласивший присоединение Крымского ханства к России. К августу процесс присоединения был завершен. Началось быстрое заселение и освоение и этих территорий.

Подготовка к присоединению Крыма проходила в обстановке секретности, все европейские страны были поставлены перед свершившимся фактом и вынуждены были признать расширение границ России. Стамбул признал манифест о присоединении Крыма 10 июня 1783 г.

По указу Екатерины II от 2 февраля 1784 г. на территории Крымского ханства учреждалась Таврическая область (преобразованная в 1802 г. в губернию), область (губерния) делилась на 7 уездов, из которых большинство располагалась на полуострове (Симферопольский, Левкопольский, Феодосийский, Евпаторийский, в 1837 г. из Симферопольского выделился Ялтинский уезд).

Императорским указом 22 февраля 1784 г. татарской знати были даны права российского дворянства. Муллы и другие духовные лица были освобождены от налогов, а простые татары и ногайцы были приравнены по своему положению к различным категориям крестьян Российской империи. Но крепостного права в Крыму практически не было: к 1861 г. в Таврической губернии насчитали всего 5100 крепостных, т.е. 4 % всего сельского населения. Татары имели право собственности на движимое и недвижимое имущество. Поселяне, обрабатывающие помещичьи наделы, могли оставить их после выполнения договорных работ.

В начале мая 1783 г. перед Ахтиарской бухтой появились корабли под русским флагом. Это была эскадра Азовской

флотилии под командованием участника Чесменского сражения вице-адмирала Ф.А. Клокачева. «При самом входе в Ахтиарскую гавань, — писал он, — дивился я хорошему ее с моря положению, а вошедши и осмотревши, могу сказать, что во всей Европе нет подобной сей гавани — положением, величиною и глубиною. Можно в ней иметь флот до 100 линейных судов. Словом сказать, лучшее нельзя найти к содержанию флота место... Без собственного обозрения нельзя поверить, чтоб так сия гавань была хороша». Именно здесь началось строительство нового города, получившего в 1784 г. название Севастополь — «Знаменитый город».

Впечатляющие успехи России на юге были продемонстрированы во время знаменитого путешествия Екатерины II в Новороссию и Крым в 1787 г. Вместе с императрицей ехали не только многочисленные придворные, но и дипломаты и многие другие иностранцы, включая австрийского императора Иосифа II. Царица и ее спутники могли видеть возникшие в еще недавно пустынных степях города и села, засеянные пшеницей поля, пасущиеся стада скота. Несмотря на легенду о «потемкинских деревнях», достижения России оказались несомненными и очевидными. Особенно большое впечатление произвел Черноморский флот, мощь которого была продемонстрирована императрице в Севастополе.

Известия о поездке Екатерины стали последней каплей для османских политиков. Не смирившаяся с потерей Крымского ханства, подталкиваемая враждебными России европейскими державами, Турция решила нанести удар Российской империи и восстановить свои позиции на севере. Началась очередная Русско-турецкая война (1787—1791).

Османский флот направился к берегам Крыма, имея на борту не только французских, но и английских офицеров. В сентябре 1787 г. турецкая армия высадилась на

Кинбурнской косе. Обороной мыса Кинбурн командовал генерал А.В. Суворов. Он был тяжело ранен, но лично повел солдат в атаку, десант был смят и отбит, но флот продолжал блокировать побережье Крыма. Победа русского флота под командованием Ф.Ф. Ушакова у острова Фидониси в 1788 г. сняла блокаду побережья Крыма, затем последовали победы у острова Тендра в Керченском проливе в 1790 г. и у мыса Калиакрия в 1791 г. Морские победы Ф.Ф. Ушакова сорвали попытки турок высадить десант на крымском побережье.

Решающее значение в войне имело взятие Г.А. Потемкиным крепости Очаков в конце 1788 г. А.В. Суворов нанес поражение туркам под Фокшанами и Рымником в 1789 г. Русские войска вышли к Дунаю и 22 декабря 1790 г. овладели Измаилом.

Турция вынуждена была просить мира, который был заключен в Яссах 29 декабря 1791 г. По условиям Ясского мира к России отходило побережье Черного моря до Днестра, султан отказывался от притязаний на Грузию и Крым, полностью подтверждал Кючук-Кайнарджийский договор. Россия решала проблему выхода к Черному морю.

После присоединения к России Крым из враждебного плацдарма на южной границе России, из постоянного очага грабительских набегов стал важным опорным пунктом России на Черном море, прочно обеспечивающим использование южных морских путей. В XIX в. происходил довольно быстрый рост населения Крыма за счет главным образом переселенцев. По переписи 1897 г. на полуострове проживали примерно равное количество русских и крымских татар. События Крымской войны были самым тяжелым испытанием для всех жителей полуострова.

СТАНОВЛЕНИЕ ГЕРОЯ

Павел Степанович Нахимов родился 30 июня 1800 г. в селе Городок Вяземского уезда Смоленской губернии в семье отставного майора. Он был предпоследним из восьми детей небогатого помещика, секунд-майора Степана Михайловича Нахимова и Феодосии Ивановны Нахимовой (урожденной Козловской). Считается, что предки будущего адмирала по отцовской линии были выходцами из Малороссии.

После получения домашнего начального образования отец решил отдать сына в Морской шляхетский корпус. В 1813 г. Павел подал прошение о зачислении себя кандидатом для поступления. Но из-за нехватки мест поступить сразу не удалось. Лишь спустя два года его включили в списки воспитанников корпуса, находящегося на петербургском Васильевском острове. Нахимов был произведен в гардемарины. Перед зачислением в корпус летом 1815 г. он совершил плавание в качестве волонтера на бриге «Симеон и Анна». В 1816 г. гардемарин Нахимов вновь плавал на этом бриге в Финском заливе.

В 1817 г. на фрегате «Феникс» под командой одного из лучших морских офицеров того времени Дохтурова, в числе немногих лучших учеников, Нахимов впервые отправился в плавание к берегам Швеции и Дании. Вскоре после возвращения он был произведен в унтер-офицеры, а в феврале 1818 г. выдержал экзамен на мичмана шестым по выпуску и был назначен во 2-й флотский экипаж. В нем он служил на берегу в течение двух лет. В 1820 г. Павел Нахимов плавал по Балтике на тендере «Янус».

В начале своей морской карьеры плавание молодого офицера ограничивалось Балтийским морем и сухопутным

«хождением» из Кронштадта в Архангельск в команду строившегося там судна и обратно. И лишь в 13 марта 1822 г., получив назначение на фрегат «Крейсер», Нахимов смог принять участие в кругосветном плавании. Оно продолжалось с 24 июня 1822 г. по 7 августа 1825 г.

Руководил походом Михаил Петрович Лазарев, уженискавший европейскую известность своими кругосветными плаваниями. Будущие герои Крымской войны П.С. Нахимов, В.А. Корнилов и В.И. Истомин по праву считали его своим главным учителем морской науки. Кругосветное путешествие продолжилось более трех лет. Фрегат «Крейсер» предназначался для охраны российских владений в Северной Америке, а следовавший с ним шлюп «Ладога» — для доставки грузов на Камчатку и на Аляску. Осенью 1823 г. «Крепость» прибыла в Ново-Архангельск — столицу Русской Америки.

Современники считали, что попасть в экипаж корабля, отправляющегося в кругосветное плавание, в то время без протекций было почти невозможно. Однако известно и то, что у юного Павла Нахимова никакой протекции не имелось. Очевидно, молодой мичман обратил на себя особое внимание начальства. По воспоминаниям сослуживцев, Нахимов с первых дней плавания нес службы практически по 24 часа в сутки, «никогда не вызывая упреков за желание выслужиться со стороны товарищей, быстро уверовавших в его призвание и преданность самому делу». Отношение Нахимова к службе можно охарактеризовать словами знаменитого историка Е.В. Тарле: «Никакой жизни, помимо морской службы, он не знал и знать не хотел и просто отказывался признавать для себя возможность существования не на военном корабле или не в военном порту. За недосугом и за слишком большой поглощенностью морскими интересами он забыл влюбиться, забыл жениться. Он был

фанатиком морского дела, по единодушным отзывам очевидцев и наблюдателей».

Во время плавания П.С. Нахимов был произведен в лейтенанты (март 1823 г.). В ноябре 1823 г. во время похода вдоль берегов Северной Америки лейтенант с риском для жизни участвовал в попытке спасения матроса, упавшего за борт. Вот как развивались эти события по описанию очевидцев.

При сильной боковой качке за борт упал канонир Давыд Егоров. Фрегат был на полном ходу. Пока его привели к ветру, он успел отойти от выпавшего за борт артиллериста довольно далеко. За борт выбросили множество предметов, в том числе небольшую лестницу, за которую Егоров ухватился. При сильном волнении спускать шлюпку было опасно. Оставалось посадить в нее 6 матросов-гребцов и офицера и обрубить снасти, на которых она висела, в тот момент, когда корабль наклонится на сторону, где была подвешена шлюпка. По свидетельству Завалишина, чья вахта была в этот момент, Нахимов по его просьбе отправился на шлюпке, хотя был старше Д.И. Завалишина (известного декабриста и автора «Записок») и на баке имелся подвахтенный мичман. До плавающего в океане человека осталось метров 10, когда тот выпустил лестницу из рук. Что это было — судорога или нападение акулы, осталось неизвестным. Когда шлюпка со спасателями пыталась пристать обратно к борту фрегата, ее разбило и Нахимов с гребцами едва успели схватиться за снасти и взобраться на палубу.

В октябре 1824 г. «Крейсер» был сменен прибывшим из России шлюпом «Предприятие», обогнул мыс Горн, зашел в Бразилию и прибыл в Кронштадт 5 августа 1825 г. За это плавание Нахимов получил орден Владимира 4-й степени.

После отпуски Нахимов был назначен на 74-пушечный корабль «Азов», который в то время строился на Архан-

гельских верфях. Командиром корабля стал известный мореплаватель, первооткрыватель Антарктиды М.П. Лазарев, который также участвовал в заключительной стадии строительства судна. В качестве пробного плавания «Азов» осенью 1826 г. сделал переход из Архангельска в Кронштадт. Здесь П.С. Нахимов был переведен в 13-й флотских экипаж.

В 1827 г. «Азов» был включен в состав русской эскадры, которой предстояло совместно с английской и французской эскадрами действовать у берегов Греции, добиваясь исполнения Турцией Лондонской конвенции. Перед отплытием из Кронштадта на палубе «Азова» побывал Николай I и приказал в случае начала военных действий поступить с противником по-русски.

К юго-западному побережью Греции приблизилось три эскадры: русская под командованием контр-адмирала Л.М. Гейдена (первоначально Д.Н. Сенявина), английская вице-адмирала Э. Кодрингтона и французская контр-адмирала А.Г. де Риньи. На западном побережье Пелопонесса, в Наваринской бухте Ионического моря находилась важнейшая военно-морская база османов.

Эскадра Гейдена — при начальнике штаба М.П. Лазареве — в составе «Азова», «Иезекииля», одинаковых с ними «Гангута» и «Александра Невского», 4 фрегатов: «Константина», «Елены», «Проворного», «Кастора» и корвета «Гремящего» прибыла в Средиземное море на соединение с эскадрами англичан и французов.

Эскадры воссоединились у берегов Греции у острова Занте 2 октября. Общее командование принял английский вице-адмирал Эдуард Кодрингтон; Гейден, как старший по чину, и де Риньи поступили в его распоряжение.

Выполняя волю своих дворов, командующие британской и французской эскадрами старались не вступать в сражение

с турецким флотом. Русская же эскадра в любом случае намеревалась атаковать флот турок, даже самостоятельно, а это могло повысить престиж России в глазах мировой общественности, возмущенной зверствами турок в Греции. Командующим союзными эскадрами не оставалось ничего другого, как следовать в фарватере русской политики.

Под командованием Кодрингтона до образования единой англо-французско-русской эскадры находились 3 линейных корабля, включая 84-пушечный флагман «Азия», 3 фрегата, один шлюп, 4 брига. Суммарное количество орудий — 456. Под началом французского адмирала были 3 линейных корабля, 2 фрегата, один бриг, одна шхуна. Общее количество пушек — 352; у Гейдена — 490 орудий. Таким образом, объединенная эскадра имела 1300 орудий.

Турецко-египетский флот на первый взгляд казался значительно более мощным: 5 линейных кораблей, 15 фрегатов, 26 корветов, 11 бригов, 5 брандеров несли на своих палубах 2106 пушек. Флот султана сосредоточил свои силы в Наваринской бухте — на западе Мореи, — что дополнительно усиливало его артиллерию за счет пушек Наваринской крепости и орудий на острове Сфактерия.

Приблизительно подобным было и соотношение в живой силе — не считая гарнизонов крепостей и 25-тысячного регулярного турецко-египетского войска, собранного главнокомандующим Ибрагим-пашой — порядка семнадцати с половиной тысяч у Кодрингтона и 21 960 человек у неприятеля.

Необходимо добавить к кораблям турок еще 31 транспорт — теперь все! Конечно, если не считать того, что подданные повелителя правоверных и не собирались выходить из бухты в открытые воды, батареи же на острове Сфактерия и другие береговые укрепления, вкупе со стоящими тут

же брандерами, закупоривали узкую горловину бухты, тем самым принуждая противника, входящего в нее кильватерной колонной по одному кораблю, проходить фактически сквозь строй плотного огня почти в упор.

И все же союзники были настроены весьма решительно. Впрочем, как и их противники. Последняя попытка мирного разрешения конфликта — ультиматум союзного командования, требовавший прекращения военных действий против греков, — была оставлена османами без ответа. Вслед за чем объединенная эскадра решила войти в Наваринскую бухту.

Союзники начали втягиваться внутрь бухты утром 8 (20) октября 1827 г. Турецко-египетский флот располагался здесь громадным полукружьем в три линии: первую образовывали линейные корабли. Один конец полукруга упирался в Наваринскую крепость, другой — в батареи острова Сфактерия. На них шел Кодрингтон, ведя англо-французскую эскадру двумя правыми колоннами. Спустя короткое время русский адмирал должен был ввести свои корабли левой колонной.

Английские суда миновали горловину бухты беспрепятственно, французский же корабль — пятый в линии — неприятель обстрелял, но ответа не получил: союзники втянулись внутрь в полной тишине. И так же тихо «Азия» и следовавший за флагманом в кильватере еще один линейный корабль англичан бросили якоря недалеко от двух же судов турок.

И почти сразу же от османского полукружья отделился брандер и начал красться к одному из французов. Английский вице-адмирал отдает приказ — перехватить брандер при помощи шлюпки. Приказ начинает исполняться, но неудачно — командир шлюпки застрелен стрелками, скрывавшимися внутри неприятельского суденышка.

Видя это, «Азия» открывает плотный артиллерийский огонь по упрямо двигающемуся брандеру. Его команда, запалив свой корабль, прыгает за борт, и плавучий факел по инерции несет на французский корабль «Тридант». Он уже начинает гореть, но тут множество английских и французских шляпок оттаскивают прочь полыхающего османа.

Тогда же Кодрингтон предпринимает последнюю попытку избежать кровопролития и направляет парламентаря на корабль египетского адмирала. Но тот не добирается до цели — его расстреливают на ходу. Был убит английский лейтенант Фиц-Рой. И одновременно египетский флагман открывает огонь по английскому. «Азия» тут же отвечает — и жребий уже брошен, обратной дороги отныне нет. Наваринское сражение началось — победить или умереть! Третьего не дано.

Объединенному флоту с самого начала сражения везет: египетский флагман — большой двухпалубный фрегат — после считанных залпов неприятеля начинает чересчур сотрясаться от каждого попадающего в него ядра, затем резко крениться и неправдоподобно быстро идет на дно. Вскоре англичане и французы уже в гуще битвы, а русская эскадра под развещающимися андреевскими флагами лишь появляется в бухту. Впереди — «Азов», несущий адмиральский флаг.

«Азов» этот строился по чертежам известного инженера Курочкина, но и его командир Лазарев внес в него достаточное количество усовершенствований, подходя к делу как практик и особое внимание уделяя боевой мощи корабля и удобной, максимально удобной при жестко заданных объемах планировке внутренних помещений. На «Азове» командир поддерживает строгую дисциплину... До последних дней даже проводилось ежедневное учение по пушкам. Здесь раз и навсегда заведенный порядок, обязательный для

всех. Ныне всему этому дается самый главный экзамен. Ради подобных мгновений строятся корабли, воспитываются матросы, седеют капитаны.

На юте русского флагмана — Гейден, Лазарев и старший офицер флагмана капитан-лейтенант Баранов. Перед их глазами разворачивается величественная картина кровопролитного сражения.

Прямо напротив них — тройная боевая линия турецко-египетского флота. На ее флангах догорают напрасно запаленные брандеры. Пронзительный, с четко выраженным серным запахом плотный дым стелется по бухте. Под полузфемерным покровом этой своеобразной завесы «Азов» увлекает русскую эскадру вперед.

Когда его мощный корпус выныривает из пелены на всеобщее обозрение, противник несколько мгновений находится в явном недоумении, но потом — видимо вспомнив предыдущие русские уроки, уроки Спиридова, Ушакова, Сенявина, сосредотачивает почти всю огневую мощь на русском флагмане.

Барабанные перепонки разрывает канонада. Будь у офицеров и матросов «Азова» хоть одно свободное мгновение — осмотреться, — то они запросто могли бы прийти к выводу, что все ядра турок летят именно в них. Что фактически почти соответствовало бы действительности. Ибо неприятель кроме обстрела «Азова» корабельными пушками присовокупил к нему и залпы береговых батарей. Со всех сторон бухты черными молниями пролетали ядра, сходясь в одной точке — на русском флагмане.

Он же, упорно и не особенно убыстряя ход, руководимый железной волей Гейдена и Лазарева, шел на предопределение ему диспозицией боя место. Шел, имея в кильватере всю остальную русскую эскадру.

«Азов» первым становится на якорь в заранее намеченной точке бухты, за ним — все остальные. И сразу же все они, до этого не отвечавшие ни на какие укусы турок, мощновесомо включаются в общую симфонию боя.

И вновь «Азов» подает наглядный пример изумительной точности, быстроты и слаженности действий. Тренировки и учения, настойчиво внедряемые Лазаревым, не пропали даром: залпы следуют один за другим — сплошным ревущим потоком.

Наводчики, не видя из-за порохового дыма и дыма горящих турецких судов перед собой цели, умудряются в считанные секунды — по указаниям сидящих на марсах и салингах сигнальчиков — так корректировать прицел, как будто противник у них сидит на открытой ладони, просматриваемый со всех сторон.

Ядра с «Азова» влетают в густое марево дыма, хмари и копоты, а в ответ оттуда доносятся хруст сминаемых в щепки бортов, вопли ужаса, боли и отчаяния, взрывы. Иногда вылетают огненные сполохи возгорающегося и догорающего противника.

Будто бы в подтверждение действенности артиллерийских залпов «Азова» из-за непроницаемой завесы, разделяющей противников и позволяющей лишь ощущать присутствие неприятеля, практически не видя его, на русский флагман несется кажется горящий весь целиком огромный турецкий корабль.

Для артиллеристов с «Азова» это приятное зрелище — как-никак дело, можно сказать, собственных рук, но в то же время и чрезвычайно опасное: турок, судя по всему, нацелился непременно разделить свою судьбу с лазаревским кораблем.

Лазарев же ловким маневром уклоняется от подобной чести, и турка несет дальше, на следующий в боевом построении

нии русских за «Азовом» корабль — «Гангут». Но и командир «Гангута» Авинов не растерялся. По его приказу вытравляют несколько саженой якорной цепи — и неприятель пролетает мимо. А через минуту-другую взрывается, осыпав русских грудой горящих обломков.

Однако принимать последнее «прости» от противника особенно и некогда — бой в самом разгаре. Осман гораздо больше, так что поверженного врага замечать некогда — еще слишком много их в строю. Еще слишком длинен и мощен этот строй.

Русский флагман сражается сразу с пятью неприятельскими кораблями, тем самым давая большую возможность для маневра остальным судам эскадры Гейдена. Да и кораблям союзников.

Сражение вступает в ту фазу самоотрешенности, когда человек — если он настоящий воин — забывает себя, перестает ощущать свое тело, не чувствует ран, не замечает течения времени. Все его мысли сосредотачиваются на одном — на победе. Так происходит сейчас и на «Азове», где над всем доминирует воля его командира. Пример командира в этом случае значим, но не определяющ.

Каждый решает в такой момент свою судьбу сам. Решает всей предыдущей своей жизнью, сформировавшей — иль нет — в человеке потребность и стремление к высокой жертве во имя общего дела.

Каждый решает сам, но когда перед глазами пример твоего командира — все же легче сделать достойный выбор.

Азовцам повезло — на капитанском мостике их корабля стоял Лазарев. Как всегда спокойный, внимательный, сосредоточившийся только на ходе боя. Не видящий ничего, кроме него. Но замечающий все, до него касаемое. Сейчас Лазарев успевает командовать не только своим флагманом,

но и координировать усилия всей русской эскадры. А вокруг него разворачиваются такие картины, что никакие слова не способны их описать, сравнительно небольшое пространство корабля все целиком, без остатка, превращается в буквальном смысле в ад.

Сплошняком изломанные, исковерканные и пробитые борта, разбрызганная кругом кровь, сочащаяся по шпигатам и впитывающаяся в палубу, тут же — куски человеческой плоти, еще подрагивающей, рядом — умирающие и уже отошедшие; нечеловеческие усилия, чтобы потушить зашедшийся веселым, сразу большим огнем — следствие особых раскаленных ядер турок — борт, и не меньше усилия в трюме — дабы сдержать благодетельную на палубе, а тут смертельно опасную воду, хлещущую из расположенных ниже ватерлинии пробоин.

Над всем же этим — эпическое спокойствие команды, вершащей свой ратный труд. Артиллерист лейтенант Бутенев ранен в руку — осколок ядра размозжил ему кость выше локтя. Отвергая уговоры, он покинет свой пост только после сердитого приказа командира корабля. Старшему офицеру «Азова» Баранову картечь на излете, срикошетив, вышибла передние зубы и сильно зацепила ногу. Наскоро перебинтовавшись, он командовал боем до конца, поминутно стирая с губ кровавую пену.

Лазарет и ставшая в эти часы операционной каюткомпания не успевают принимать тяжелораненых. Раненые же легко просто остаются в строю, забывая зачастую сделать перевязку.

Но и прошедшие лазарет норовят вновь подняться на палубу — ведь там дерутся их друзья, с кем не раз делились радостью и горем. Теперь же пришло время разделить и судьбу.

Вся команда целиком вела себя выше всяческих похвал: сигнальщики на марсах, обдуваемые всеми ветрами боя, спускались со своего поднебесья только в одном случае — мертвыми. Артиллеристы творили чудеса. Брандерная команда лейтенанта П.С. Нахимова ежеминутно бросалась в кипящую картечью воду и без раздумий своими шляпками блокировала вражеские фелюги. Ни один брандер, с помощью которых турки надеялись сжечь «Азов», до флагмана не дойдет.

Всего «Азов» уничтожил 5 кораблей противника, включая его флагман. Сам «Азов» также получил сильные повреждения, 153 пробоины, две пушки были сбиты, от зажженного фитиля стал взрываться порох, начался пожар. Однако, проявив исключительное самообладание, моряки быстро справились с пламенем.

Таким же образом вел себя и весь флот. Командир «Иезекииля» капитан 1-го ранга Свинкин с перебитыми картечью ногами все четыре часа боя переползал туда, где, как он считал, он сейчас нужнее всего. Корабль эскадры де Риньи «Бреславль» в один из самых трудных моментов боя закроет собой русский флагман, приняв на себя часть предназначавшихся ему ядер...

Битва начинала подходить к концу — военное счастье, кураж и запасы отваги объединенного турецко-египетского флота истощились.

Первая их боевая линия теряла вымпел за вымпелом. Брандеры были понапрасну сожжены. Свои транспорты неприятель тоже зажег сам — в тщетной надежде укрыться в спасительном дыму.

Вторая линия неприятельских кораблей начинает оттаскиваться поближе к желанной суше. Однако удастся это далеко не всем — часть их добивают еще на подходе к берегу.

Заключительные штрихи сражения — дравшийся с «Гангутом» фрегат, закрыв борта, с неспущенным флагом, уходит под воду. Вскоре взрывается и возносится прямо к затененному клубами дыма багровому солнечному диску 64-пушечный турецкий корабль. И наконец «Азия» Кодрингтона топит 80-пушечный линейный корабль.

Бой завершился — в шесть часов вечера склянки «Азова» пробили отбой. И Гейден, и Кодрингтон, и де Реньи отмечали с редким в подобных делах единодушием, что ярче других проявили себя в Наваринском бою Лазарев и его «Азов». Действительно, факты — вещь упрямая: за четыре часа боя, который османы сами себе накликали, расстреляв английского парламентаря, русский флагман потопил у противника два фрегата, корвет, сбил 80-пушечный корабль, который бросился на мель и там взорван; истребил двухдечный фрегат, на котором турецкий главнокомандующий Тагир-паша нес свой стяг. В общем же союзники оставили турецкому адмиралу 8 корветов, 16 бригов и 23 транспорта, истребив все остальное. Такие победы не даются легко — на эскадре Гейдена выбыло из строя почти 300 человек. А больше всех на флагмане — на «Азове». Его и наградили щедрее всех — он первым из всех боевых российских кораблей получил кормовой георгиевский флаг и вымпел.

Двухцветную ленту ордена Святого Георгия — черно-оранжевой расцветки. Цвет порохового дыма и огня, коим никогда не сломить россиян. Цвета русской победы...

20 сентября 1826 г. император Николай I осматривал эскадру, стоявшую близ Кронштадта. При посещении флагмана — линейного корабля «Азов» — он особое свое внимание обратил на искусно выложенные из ружейных замков драгоценные для каждого русского моряка наименования «Гангут», «Ревель», «Чесма». После последнего слова столь же

искусно была выложена буква «и». Заметив это, император спросил командира корабля Лазарева:

— Что сие означает?

— Сия буква, ваше величество, означает продолжение выше выставленных имен.

— А что же будет дальше?

— Имя первой победы российского флота!

— Надеюсь, что в случае каких-либо военных действий поступлено будет с неприятелем по-русски!..

Через несколько месяцев к выше названным словам прибавлено было имя «Наварин», над «Азовом» и отныне и навсегда заполоскался Георгиевский флаг — первый в российском флоте — а буква «и» была перенесена далее.

Для П.С. Нахимова Наваринское сражение явилось первым боевым крещением. В нем он командовал батареей на «Азове». О действиях лейтенанта Нахимова в ходе сражения в представлении, написанном после боя, было сказано: «Находился при управлении парусов и командовал орудиями на баке, действовал с отличною храбростию и был причиною двухкратного потушения пожара».

После победы при Наварине русская эскадра отошла на Мальту, где стояла на рейде Ла-Валетты до апреля 1828 г.

За Наваринское сражение Нахимов был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени, британским орденом Бани, французским орденом Спасителя. Он также был произведен в капитан-лейтенанты и назначен командовать корветом «Наварин» — трофейным турецким кораблем, ранее называвшимся «Нассабих Сабах» (Восточная звезда), вооруженным 20 орудиями. «Командиром же на сей корвет, — сообщал в адмиралтейство граф А.П. Гейден, — я назначил капитан-лейтенанта Нахимова, как толкового офицера, который по известному мне усердию и способ-

ности к морской службе в скором времени доведет оный до лучшего морского порядка и сделает его, так сказать, украшением вверенной мне эскадры». Помимо Нахимова на «Азове» в ходе Наваринского сражения проявили себя мичман В.А. Корнилов и гардемарин В.И. Истомин.

В Ла-Валетте П.С. Нахимов привел в совершенство свой первый корабль. В 1829 г. «Наварин» принимал участие в блокаде Дарданелл и в пленении уцелевших после наваринского разгрома турецких кораблей.

Русско-турецкая война 1828—1829 гг. закончилась Адрианопольским миром. По нему к России переходила дельта Дуная, часть кавказского побережья Черного моря от Тамани до поста Святого Николая (южнее Потти), Ахалцихский пашалык в Грузии. Фактически признавалась власть России над Черкессией — так называли тогда территорию на западе Северного Кавказа к югу от реки Кубань. Для защиты восточного побережья Черного моря вдоль кавказских берегов началось строительство укрепленных пунктов. В 1838 г. на берегах Цемесской бухты был основан Новороссийск, вокруг возводимых прибрежных укреплений возникали селения Туапсе, Кабардинка, Архипо-Осиповка, Сочи, Гагра, Лазаревское и др.

В мае 1830 г. русская эскадра вернулась в Кронштадт.

В течение двух лет Нахимов командовал «Наварином», по-прежнему плавая по Балтийскому морю, конвоировал торговые суда. 31 декабря 1831 г. он получил в свое командование фрегат «Паллада», который еще необходимо было достроить и оснастить на Охтинской верфи. Этим и занимался будущий адмирал весь 1832 г. и первую половину 1833 г. Помимо этого в 1832 г. он состоял членом комитета по предотвращению эпидемии холеры в Кронштадте.

Командуя кораблем «Паллада», Нахимов сумел завоевать доверие самого Николая I. В августе 1833 г. в туманную ненаст-

ную ночь на «Палладе», идущей в составе 2-й балтийской дивизии, заметили, что вся эскадра, шедшая под командованием Ф.Ф. Беллинсгаузена, скоро может наскочить на камни. Несмотря на то, что Нахимов дал флагману сигнал: «Флот идет к опасности», ответа не последовало. Желая спасти «Палладу», Нахимов самовольно вышел из линии, сломав походный порядок. Флагман все же обратил внимание на «Палладу» и приказал переменить курс. И все же несколько кораблей наскочили на камни и едва не затонули. За проявленную инициативу Нахимов не только не был наказан, но даже удостоился императорской похвалы: «Я тебе обязан сохранением эскадры. Благодарю тебя. Я никогда этого не забуду».

НА ЧЕРНОМ МОРЕ

В январе 1834 г. П.С. Нахимов, по ходатайству М.П. Лазарева, был переведен в Севастополь, произведен в капитаны 2-го ранга и назначен командиром корабля «Силистрия».

Сам М.П. Лазарев был назначен на должность начальника штаба Черноморского флота в феврале 1832 г. Ни для кого — тем более для Лазарева — не было великой тайной, что должность эта весьма временная, и что в ближайшем будущем его ждет занятие поста главного командира Черноморского флота. Пока же эту должность занимал, мучаясь от старости, адмирал А.С. Грейг, тем не менее все же не покидающий — и по-прежнему желающий — своего поста. Назначение престарелому адмиралу молодого, энергичного начальника штаба должно было тонко, но прозрачно намекнуть престарелому адмиралу на возможность давно заслуженного отдыха. Вдали от повседневных забот и хлопот.

Спустя короткое время после столь значительного для дальнейших судеб Черноморского флота назначения, в том

же 1832 г., в Турецкой империи разразилась гражданская война, грозившая перерасти в общеевропейскую. Наместник Египта Мехмет-Али начал боевые действия против султана. Удар египетской армии был столь успешным, что Османская империя затрещала по всем швам. И, казалось, уже завтра начнется давно ожидаемый дележ турецкого наследства.

Однако Стамбул не был намерен так легко сдаться на милость судьбы. Он предпринял весьма неожиданный и сильный ход — обратился за помощью против собственного вассала к Николаю I, государю державы, традиционно считающейся главным противником Турции.

Но российский император, не одобрявший ни в каком виде попытки подданных к изменению существующего положения дел, видя в них зачатки распада всего общественного организма, и не готовый к вооруженной борьбе с общеевропейской коалицией на развалинах Порты, дал свое согласие.

Помощь предусматривалась по широкому кругу вопросов: защите Проливов и Константинополя, противодействию перехода египетских войск на европейский берег. И все иные меры и способы помощи, которые могли бы понадобиться турецкому правительству.

Возглавить морскую эскадру, действующую в рамках этого весьма широкого круга вопросов, предписывалось М.П. Лазареву.

23 ноября 1832 г. состоялось его назначение в экспедицию — с сохранением должности начальника штаба Черноморского флота. Поэтому он одновременно с формированием эскадры в помощь султану Махмуду II продолжал заниматься и делами всего флота.

А заняться было чем, ибо на Черноморском флоте сложилась не совсем типичная для российских военно-морских

сил ситуация, которую во многом сотворила молодая жена старого адмирала Грейга — Юлия Михайловна, «прелестная Юлия», как ее называли офицеры. Кто искренне, кто иронически-желчно.

Жена главного командира Черноморского флота — «первая дама королевства» в Севастополе — вкупе с обер-интендантом флота контр-адмиралом Н.Д. Критским, иными интендантами, помельче, поставщиками материалов и купцами, сотворила хорошо сплоченную банду казнокрадов, в буквальном смысле растаскивающих все, что попадется на глаза.

А Грейг же, уставший от жизни, на все закрывал глаза, желая и требуя лишь одного — дабы его не тревожили. Его и не трогали, проворачивая все за его спиной и прикрываясь его авторитетом. Лазарев, найдя поддержку среди молодых энергичных офицеров, многих из которых он знал по Наварину и другим делам, повел борьбу с этими метастазами, бомбардируя донесениями Петербург и тут же, в Севастополе, делом доказывая, на что способны энтузиасты, а не проворовавшиеся у казенного корыта чинуши.

Борьбу эту пришлось, правда, временно отложить — русский посланник в Турции и главнокомандующий всех русских вооруженных сил в Константинополе А.П. Бутенев срочно затребовал эскадру. Ибо египетские войска, несколько раз разгромив турок, приближались к столице Порты. И 8 февраля 1833 г. Лазарев привел в Константинополь 9 кораблей, среди которых был и его флагман — 84-пушечный линейный корабль «Память Евстафия» с командой в 835 человек.

Приход российской эскадры лишний раз подтвердил, что сила — всегда сила. Она, как известно, солону ломит. Исходя из этого, послы Англии и Франции не могли спокойно смотреть на столь грозный символ русского могущества — их корабли, — боясь, что содержание сего зрелища может

отвратить султана от его обязательства и любви к их странам. Они категорически потребовали вывода русских кораблей из Босфора, в противном случае угрожая поддержкой египетскому вассалу султана — паше Мехмету-Али.

Стамбул принял ультиматум из дипломатических соображений — не желая обострения отношений с европейскими дворами. И попросили Лазарева уйти из Проливов. Об этом же, также предвкусывая возможные осложнения не только с европейскими странами, но и с самой Портой, просили Лазарева и Бутенев, и командующий десантными войсками в Турции генерал-лейтенант Муравьев. Но Лазарев был непреклонен и никуда подаваться из Проливов не желал.

Первое время он ссылался на противные ветры, разывавшиеся в Черном море и препятствующие его выходу из Босфора. Это была версия для турок. Когда же свои принялись стращать его всеевропейской войной против России и монаршим гневом, направленным лично на него, строптивого адмирала, то Лазарев прямо заявил, что не может уйти, так как не способен действовать во вред интересам России. А в чем здесь ее интересы, он видит весьма ясно. И надеется, что остальные тоже не слепцы.

Да, к тому же адмирал видел, что султан с выводом эскадры проявляет не собственную, а заемную, европейскую активность. И, стиснув зубы, решил ждать — что-то должно было произойти. И оказался прав — он дождался, что посланники перехитрили сами себя, решив поставить на всех лошадей сразу.

Французский посол Руссен, недавно подписавший документ, говоривший, что Франция обязуется поддерживать Порту, теперь написал письмо, из которого было ясно, что правительство Франции намеревается уступить трон в Стамбуле Мехмету-Али. Бумагу эту перехватили и доставили

султану. Уязвленный и напуганный, он снова бомбардирует Лазарева своими чиновниками, у которых теперь иная просьба — не выводить эскадру из Проливов.

Русский адмирал на этот раз искренне обещает удовлетворить эту просьбу и сообщает, что для ее лучшего выполнения он даже затребовал подкреплений. Спустя малое время, 24 марта, действительно подошла эскадра контр-адмирала Кумани, а затем и третья — контр-адмирала Стожевского, еще более усилив плохое настроение европейских дипломатов.

Вскоре, 2 апреля 1833 г., Лазарев получает чин вице-адмирала. Теперь он объединяет под своим командованием 10 линейных кораблей, 5 фрегатов, 2 корвета, один бриг, 2 бомбардирских судна, 2 парохода и 4 транспорта. Здесь же размещен 10-тысячный десант.

Столь весомая сила обратила намерения Мехмета-Али в сторону, противоположную войне, и 26 июня в местечке Ункяр-Искелесси был подписан мирный договор. В соответствии с ним Порта обязывалась закрывать Дарданеллы для враждебных России сил. Босфором же русские могли пользоваться по собственному усмотрению. Россия и Турция обязывались помогать друг другу в случае нападения третьих держав и при внутренних беспорядках. Договор этот заставил европейских дипломатов призадуматься.

Турецкий же султан награждал помогавших ему сохранять престол: все русские морские офицеры получили по золотой памятной медали, матросы — по серебряной. Лазареву вручили высший орден Порты — орден Луны и громадную, густо обсыпанную крупными бриллиантами, медаль, смотрящуюся весьма солидно.

8 октября 1833 г. Лазарев вступил в исполнение обязанностей командира Черноморского флота, в какой он и был утвержден 31 декабря следующего, 1834 г.

Об этом времени сохранились воспоминания адмирала И.А. Шестакова, одного из воспитанников и последователей Лазарева, сына старинного друга Михаила Петровича, брата его адъютанта. Ивану Алексеевичу было доступно многое в том миропонимании Лазарева, которое для прочих так до конца и не прояснилось. Поэтому на его свидетельства стоит сослаться, и к ним, изреченным, прислушаться.

Итак, одним из неотложных дел по воссозданию подлинной боеспособности Черноморского флота посчитал Лазарев преследование греческого засилья — были корабли, где вся кают-компания разговаривала лишь по-гречески, «там с большею ревностью, что нестрогие принципы местного греческого общества возмущали его как человека». Греки, по словам Шестакова, буквально «вползли» во флот, но, поскольку они «отделяли подданство от племенного происхождения», в военных делах полной веры им не было. «Поставленное между опасностью очутиться покинутым в час нужды, — объяснял мемуарист действия Лазарева, — теми, на кого рассчитывало, или необходимостью принять общую меру, всегда несправедливую и вдобавок оставляющую невосполнимые пробелы, и выгодую иметь в своем распоряжении людей народных душою, никакое правительство не задумается употребить все возможные меры и средства к слитию расчлененных племен в одну национальность — и слово “обрусение”, отданное ныне на поругание нашими злоумышленниками-консерваторами простякам-либералам, имеет глубокое значение. Это инстинктивный вопль государственного организма, полного средств и воли жить и чужающего, как в его жизненные силы всачиваются по капле губительные соки.

Массам, ищущим благосостояния за пределами отечества, свойствен партикуляризм. Через многие только поко-

ления исчезает мало-помалу мысль о прежнем отечестве и зарождается привязанность к новому; но в промежуточный период царствует индифферентизм, при котором человек, считая себя свободным от всяких политических обязательств, прячется от них за наружную преданность новому правительству, обеспечивающему его спокойствие, и преследует исключительно себялюбивые цели. Так было с греками, едва полвека переменявшими свои опасные жилища на новый мирный приют в крае, купленном русской кровью, приобретенном способностью, энергиею, стойкостью, готовностью к жертвам, короче, лучшими качествами коренного русского люда».

Чистка назрела и из-за массового казнокрадства — вспомним «прелестную Юлию» и Критского. Шестаков по этому поводу меланхолически отмечал: «Соблазнительная близость арсенала и адмиралтейства, доставлявших огромные средства, вместе с властью распоряжаться рабочею государственною силою, смешали понятия о частной собственности с казенною и ввели тот губительный для России коммунизм, против которого и теперь еще как-то слабо ведут войну».

Давно уже привыкший во всех случаях действовать решительно, командир Черноморского флота, военный губернатор Севастополя и Николаева не колебался и ныне. Все ненужное флоту российскому было с одного выброшено. И заменено надлежащим. Именно поэтому благодарная память потомков хранит имена тех, кто отдал всего себя державе, хранит имена лазаревцев: Нахимова, Корнилова, Истомина, Путятина, Лесовского, Унковского, Шестакова, Бутакова, Попова.

Он строил множество малых кораблей и назначал их командирами совсем зеленых мичманов. Хлебнув роман-

тики, приперченной ответственностью, молодой офицер уже никогда не был в силах расстаться с морем. Не бояться доверять и не стесняться спрашивать за порученное — таков был девиз Лазарева.

Адмирал ввел очень строгую службу, во время которой не терпел фрондирующей самостоятельности, но допускал разбор действий начальствующих лиц в часы досуга — на «мысе свободных размышлений», как тогда называли обрыв бульвара, — и преимущественно на Графской пристани. Уметь командовать и подчиняться, считал он, — двойное достоинство человека военного. И оно неразделимо.

Отсюда его строгость, отсюда жесткое требование выполнения приказа — без рассуждения, без рассуждения по сути, но с непременным поиском оптимального решения. Отсюда и назначение лишь оперяющихся подчиненных на самостоятельные участки деятельности.

Эта метода была не академической блажью-экспериментом, а суровой необходимостью. Постройка малых судов — не для тренировок зарождающихся адмиралов, а для прозаической крейсерской службы, крейсерства.

Крейсерство служило фактически единственным способом противодействия усилиям Турции и Англии активизировать на Кавказе борьбу против присоединения его к России. Горцы на Черноморском побережье Кавказа от своих далеко смотрящих вперед доброхотов получали все необходимое, дабы развернуть борьбу за независимость: соль, огнестрельное оружие и даже будущих предводителей из числа польских эмигрантов и иных племен авантюристов. За один лишь 1830 г. к побережью прибыло до двухсот английских и турецких судов с подобного рода военными грузами.

Так что вскоре было решено — помимо крейсерства — начать строительство охранной береговой линии побережья,

включающей в себя ряд укреплений, крепостей, фортов вдоль всего восточного берега Черного моря — до границы с Турцией. Лазарев предложил десантировать строительные отряды и отряды охранения точно на место постройки. С ним согласились, и он получил себе еще одну головную боль.

С этого времени на него возлагалась помимо реорганизации крейсерской службы от Анапы до границы с Портой и борьбы с контрабандистами и работорговцами еще и подготовка высадки десантов. И десанты начали высаживаться. А крейсерская служба укреплялась.

Это была очень тяжелая служба. Так, тендер «Струя» ушел под воду под массой льда. Был такой ветер, что рядом стоящие суда видели лишь пламя выстрелов со «Струи», не слыша их.

Почти все тридцатые годы при крейсерстве даже офицеры питались чайками и катранами — небольшими черноморскими акулами.

Буйволы в основном почитались роскошью. Равно как и парусные бани — единственное развлечение моряков еще в 1837 г. Лишь со следующего года удалось наладить выдачу матросам теплой одежды, лимонного и имбирного соков. В таких условиях вымирали целые команды.

И быстро удалялись с флота те, кто не выдерживал этого нечеловеческого напряжения — у командующего не было времени на долгие душевспасительные разговоры. Зато оставшиеся знали, зачем они здесь. И что они здесь. Перед глазами был пример Лазарева, и лишние слова становились не нужны. Лишь дела.

Сам командующий успевал везде: за четыре года — с 1836 по 1839-й, когда строительство линии было закончено — было осуществлено восемь крупных десантов. И пять

из них — под непосредственным командованием Лазарева, рассчитывающего все с математической точностью и не допускающего ни единой ошибки.

Офицеры, матросы и солдаты десанта до мельчайших деталей знали свои обязанности и работали без малейших сбоев, без суеты. Практически молча. Так, при Туапсинском десанте 12 мая 1838 г. высадка отряда в девять тысяч при активном противодействии горцев заняла менее четырех часов.

И это противодействие не ограничивалось лишь моментом десантирования: горцы постоянно совершали нападения на черноморские гарнизоны. В марте 1840 г. несколько тысяч неприятеля обложили Михайловское укрепление, в котором находилось двести пятьдесят человек. Гарнизон дрался до предпоследнего человека.

Последний — канонир Архип Осипов, — спустившись в пороховой погреб, взорвал его, погибнув вместе с тремя тысячами черкесов. Блокгауз Вельяминовского гарнизона джигиты подожгли, обложив его хворостом. Гарнизон сторел, не сдавшись.

На линии люди умирали не только от пуль и огня, но и от болезней — на всем побережье к 1845 г. подобного рода потери составили 2427 человек.

Таковы были условия службы. Чем возможно облегчить их, спасти кого можно, кому можно помочь — такие задачи стояли перед флотом и его командиром. Помимо множества иных.

Вот поэтому с таким тщанием отбирались здесь люди, и отобранные были на вес золота. Строились корабли, доки, пристани, строились целые улицы и города.

Лазарев считал, что неразвитый всесторонне человек не может быть хорошим моряком. И почти сразу же новый

командующий затевает переустройство Морской библиотеки. В 1844 г. она была закончена, но вскоре сторела. Лазарев всегда был сдержан в своих чувствах, старался не выплескивать их на окружающих. Но тут он так написал об этом Николаю I, что тот срочно приказал возобновить библиотеку в прежнем виде, для чего отпустил сорок тысяч рублей.

Адмирал сделал из подчиненных своих младших друзей, с которыми он был добр, искренен, с которыми он делился своими планами и надеждами. И они — в свою очередь — никогда его не подводили, отвечая преданностью за все то, что делал он лично для них и для флота, который — и для них тоже — был целью и смыслом жизни.

Сделано же было немало — к концу 1850 г. флот на Черном море состоял из 212 кораблей: 16 линейных, 8 фрегатов, 13 военных пароходов, 55 легких парусных судов, 33 гребных судов, 14 портовых пароходов и еще 70 подсобных судов. Шло строительство еще двух линейных кораблей и одной шхуны.

Изданы были атлас Черного и Азовского морей, русская карта Средиземного моря. Велись работы по укреплению Севастополя как крепости: возводились батареи, сухие доки, новые казармы для матросов. Возникали новые улицы Севастополя. Организовано водоснабжение Николаева.

Черноморский флот отныне был грозной силой, не дающей спокойно уснуть в Европе многим. И отныне же на долгие годы ко всякому слову из Севастополя, касаемо морской практики и судостроения, прислушивались особо. Особо почтительно и особо внимательно.

Прибыв на Черное море, Нахимов до осени 1836 г. руководил в Николаеве постройкой, оснащением и вооружением своей «Силистрии». В сентябре — октябре 1836 г. на этом корабле он совершил переход Николаев — Очаков — Севастополь. Теперь Нахимов осваивал Черное море, как когда-то

осваивал Балтийское. В 1837 г. он крейсировал в Черном море, в декабре этого года стал капитаном 1-го ранга.

Непрерывные плавания в течение многих лет, многие лишения, связанные с крейсерством в далеких морях и при переходах через океаны, участие в боевых действиях, напряженная работа подорвали здоровье П.С. Нахимова. Он никогда не обращал внимание на советы докторов, переносил на ногах многие болезни. В результате здоровье капитана 1-го ранга оказалось подорванным и серьезное лечение стало совершенно необходимым. По ходатайству начальника Главного морского штаба А.С. Меншикова с марта 1838 г. по август 1839 г. Нахимов находился в отпуске по болезни.

В марте — июле 1840 г. ему пришлось заниматься переброской к берегам Кавказа отряда генерала А.Н. Раевского. В мае Нахимов командовал левым флангом гребных судов при высадке русских десантов в районе Туапсе и ряде других мест. В июле — августе он участвовал в оборудовании Новороссийской бухты, крейсерстве между Анапой и Новороссийском. В этом крейсерстве русским кораблям удалось уничтожить турецкий бриг, доставлявший оружие горцам. В 1841 г. «Силистрия» под командованием Нахимова плавала в Одесу, затем в Новороссийск. В 1842, 1843, 1844 гг. плавания «для практики и эволюции», переброски войск продолжались. Каждое лето в 1840-е гг. Нахимов крейсировал у кавказских берегов, предотвращая контрабандную перевозку оружия для воюющих горцев и вывоз с Кавказа невольников, захваченных турками.

В июле 1844 г. нахимовская «Силистрия» содействовала отражению нападения горцев на форт Головинский на кавказском побережье.

Немалой была заслуга Нахимова и в строительстве Новороссийского порта, где он руководил работами по

оборудованию бухты. Почти ежегодно Нахимов занимался перевозкой войск из Одессы в Севастополь или из Севастополя в Одессу.

С годами рос и приобретенный им опыт, что позволило Лазареву доверять Нахимову командование значительными флотскими соединениями. 13 сентября 1845 г. Нахимова производят за отличие по службе в контр-адмиралы. Если прежде он командовал лишь одной «Силистрией», то теперь получает назначение командиром 1-й бригады 4-й флотской дивизии и командует уже отрядом судов, крейсирующих по Черному морю. С 1847 г. он становится вторым флагманом практической эскадры, имея собственный флаг на корабле «Ягудиил».

1852 год становится для Нахимова своеобразным предвестником будущей славы. 30 марта он назначается командующим 5-й флотской дивизией. Штандарт Нахимова развевается уже на линейном корабле, имя которого будет неразрывно связано с героической обороной Севастополя, — «Двенадцать апостолов». 2 октября ему присваивается звание вице-адмирала.

«К этому времени, — говорится в статье Г. Тимченко-Рубана в «Русском биографическом словаре», — вполне установилась военно-морская репутация Нахимова. Умом и волею он был беззаветно предан морскому делу. Убежденный холостяк, человек спартанских привычек, ненавидевший роскошь, он не имел никаких личных интересов, был чужд всякого эгоизма и честолюбия. Простодушный и всегда скромный, Нахимов избегал показной стороны и на службе, и в общественной жизни. Но все, знавшие адмирала, не могли не понимать, какое величие души, какой сильный характер таил он в себе под своим скромным и простодушным видом.

На берегу Нахимов был старшим товарищем своих подчиненных, был «бабьком» матросов, их жен и детей. Помогал словом и делом, а нередко и своими средствами офицерам; вни-

кал во всякие нужды низшей морской братии. В Севастополе на Графской пристани почти ежедневно можно было видеть адмирала, являвшегося в сопровождении адъютанта своего к ожидавшей его толпе просителей — отставных матросов, убогих стариков, женщин, детей. Не за одной помощью материальной обращались эти люди к “матросскому батьку”, просили подчас и только одних советов по всяким делам своим, просили третейского суда по ссорам и семейным неурядицам.

На море, на корабле, Нахимов был, однако, требовательным начальником. Строгость его и взыскательность за малейшее упущение или вялость на службе не знала пределов. Самые близкие его береговые приятели и собеседники не имели ни минуты нравственного и физического покоя на море: требования Нахимова возрастали в степени его привязанности. Его постоянство и настойчивость в этом отношении были истинно поразительны. Но в минуты отдыха от служебных занятий, за обеденным столом в адмиральской каюте Нахимов снова делался добродушным собеседником. Служебные неприятности скоро забывались, и недовольство начальником никогда не было продолжительным. Впрочем, выговоры и замечания Павла Степановича не были тягостными: они всегда носили отпечаток добродушия.

Требовательный к подчиненным, Нахимов еще более был требователен к себе, был первым работником на эскадре, служил примером неутомимости и преданности долгу службы. Плавая на “Силистрии” в составе эскадры, Нахимов потерпел однажды аварию. Во время эволюции флота шедший контргалсом и очень близко к “Силистрии” корабль “Адрианополь” произвел столь неудачный маневр, что столкновение оказалось неизбежным. Быстро оценивший обстановку, Нахимов спокойно отдал команду к удалению людей от наиболее опасного места, а сам остался именно на этом месте,

на юте, в который ударил вскоре “Адрианополь”, сорвавший с “Силистрии” значительную часть рангоута и огромный катер. Осыпанный обломками, но не изменивший позы, Нахимов только по счастливой случайности остался невредимым, а на упреки офицеров в неосторожности наставительно ответил, что подобные случаи представляются редко и что командиры должны ими пользоваться, дабы судовая команда видела присутствие духа в своем начальнике и проникалась к нему уважением, столь необходимым на случай боевых действий. Близко изучивший технику кораблестроения, вложивший в нее много личного творчества, Нахимов и как кораблевожатый не имел соперников. Его детища: корвет “Наварин”, фрегат “Паллада” и корабль “Силистрия” — были постоянно теми образцами, на которые все указывали и которым все стремились подражать. Всякий моряк, встречаясь в море с “Силистрией” или входя на рейд, где она красовалась, принимал все меры, чтобы показаться в возможно лучшем, безукоризненном виде зоркому командиру “Силистрии”, от которого не мог скрыться ни один шаг, ни один малейший недостаток, так же как и лихое управление судном. Его одобрение почиталось за награду, которую каждый черноморский моряк старался заслужить. Все это привело к тому, что Нахимов приобрел репутацию моряка, все мысли и действия которого были направлены постоянно и исключительно на общую пользу, на неутомимое служение родине».

НАКАНУНЕ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

В Адрианопольском договоре 1829 г. между Российской и Османской империями оговаривалась свобода прохождения Черноморских проливов торговыми судами всех стран. Результатом войны стало и провозглашение сначала автоно-

мии, а затем и независимости Греции. Автономию в составе Османского государства получила также Сербия. Были расширены автономные права Валахии и Молдавии. Таким образом, Николай I восстановил позиции России на юге, подорванные во второй половине царствования Александра I.

В 1833 г. Николаю I удалось развить свой успех договором в местечке Ункяр-Искелеси. Русский же военно-морской флот получал право свободного прохода через Проливы при любых обстоятельствах. Таким образом, Россия практически брала Проливы под свой контроль. Это был грандиозный успех российской дипломатии, достижение, к которому Россия стремилась не одно десятилетие. Причем в отличие от соглашения 1798 г. теперь сроки действия прав России не оговаривались. Ни до, ни после 1833 г. нашей стране не удавалось решать вопрос о статусе Черноморских проливов столь благоприятным для себя образом. Ункяр-Искелесийский договор не случайно называют кульминацией дипломатических успехов России.

Условия Ункяр-Искелесийского договора вызвали взрыв возмущения в Англии. Россия начинала реально угрожать ее интересам в Османской империи. Уже давно происходило активнейшее проникновение английского капитала в эту страну, которая попадала во все большую зависимость от «царицы морей» и «мастерской мира». Так, англо-турецкая торговая конвенция 1838 г. полностью открыла рынок Турции для английских товаров.

Отношения России и Англии резко обострились. Особенно тревожной оказалась ситуация после инцидента со шхуной «Виксен», который произошел в 1837 г. Подстрекательный английский правительством, капитан этой шхуны Дж. Белл привез к берегам Черкессии соль, порох и оружие для продажи их горцам, ведущим войну с Россией. Белл

нарушил таможенно-карантинные правила, введенные Россией на восточном побережье Черного моря. Однако Черноморский флот надежно охранял кавказские берега. «Виксен» был задержан, груз конфискован, а капитан с экипажем — арестованы. Это вызвало бурю негодования в Англии, оппозиционные депутаты от партии тори (консерваторов) в парламенте требовали немедленно начать войну с Россией. Однако правившие тогда в Великобритании либералы понимали авантюристичность подобных действий и смогли урегулировать отношения с Россией.

Тем не менее Николай I не мог не понимать, что в лице Англии он имеет серьезного противника, который в конечном счете вмешается в Восточный вопрос в своих интересах. К Англии могли присоединиться и другие ведущие державы. И тогда царь решил договориться с Англией. Вскоре он согласился на пересмотр условий так встревожившего всю Европу русско-турецкого договора, заключенного в Ункяр-Искелеси. Причем согласился русский император довольно легко.

Конечно, Россия не могла оставаться в полной изоляции: Николай понимал, что условия Ункяр-Искелесийского договора не соответствуют реальному соотношению сил. Соперничать с Англией — мощной промышленной державой, тем более если у нее будут союзники, Россия была не в состоянии. А если так — то нужно идти другим путем.

У императора возник новый план решения Восточного вопроса, при котором Англия должна была стать союзницей России. Для этого он добровольно согласился на значительные уступки возможной союзнице, надеясь на ответную благодарность. В 1841 г. была подписана Лондонская конвенция. Теперь не одна Россия, а все страны, подписавшие данную конвенцию (Англия, Франция, Россия, Австрия и Пруссия), брали на себя обязанность обеспечивать целост-

ность Османского государства в обмен на согласие ее правительства установить особый порядок пропуска кораблей через Босфор и Дарданеллы.

В конвенции говорилось: «пока Порты находится в мире», Проливы закрыты для военных судов всех европейских держав. Таким образом, Черноморский флот России вновь оказывался запертым во внутренней для России акватории. Одновременно оговорка о «мирном состоянии Порты» предполагала возможность пропуска в Черное море боевых кораблей любых стран в случае войны. Это резко снижало безопасность России на юге.

После подобных уступок в столь принципиальных вопросах Николай I надеялся на реализацию своего нового плана решения Восточного вопроса в союзе с Англией. Речь шла о разделе «наследства больного человека». Так царь называл Османскую империю.

В общих чертах план, в возможности реализации которого Николай не сомневался, заключался в следующем. К Англии должны отойти Египет, Сирия, остров Крит. Россия на земли Турции не претендовала. («Для меня было бы неразумным желать больше территории или власти, чем я обладаю», — это слова Николая I.) Российская империя рассчитывала (но не настаивая на этом) лишь на небольшие территории в районе Черноморских проливов. На Балканах же создаются независимые государства местных народов. «Все христианские области Турции по необходимости станут независимыми, вновь станут тем, чем были, княжествами, христианскими государствами, и, как таковые, вернуться в семью христианских стран Европы», — так говорил император в беседе с английским послом в России. Новые балканские государства будут настроены благожелательно к России и обеспечат благоприятный для нее режим Черноморских проливов.

Казалось бы, план Николая I должен был устроить всех. Англия будет удовлетворена новыми богатыми колониями, а Австрия и Франция не вмешаются в силу своих внутренних проблем, связанных с революциями 1848—1849 гг. Английские дипломаты искусно поддерживали иллюзию царя на возможность реализации его проекта. Они намекали, что вопрос о разделе Турции обсуждается и вот-вот будет решен в духе идей Николая I. На самом деле Великобритания «тянула время». Ее замыслы были совершенно иными.

Англия не собиралась «делить» Турцию. В недрах ее кабинета министров к началу 50-х гг. XIX в. окончательно созрели планы, в скором времени сформулированные министром иностранных дел лордом Г. Пальмерстоном: «Моя заветная цель в войне, начинающейся против России, такова: Аландские острова и Финляндию отдать Швеции; часть остзейских провинций России у Балтийского моря передать Пруссии; восстановить самостоятельное королевство Польское как барьер между Германией и Россией. Валахию, Молдавию и устье Дуная отдать Австрии... Крым, Черкессию и Грузию отторгнуть от России; Крым и Грузию отдать Турции, а Черкессию либо сделать независимой, либо передать под суверенитет султана».

Так что раздел англичанами планировался, — но иной державы — России. Имея под своим фактическим контролем всю Османскую империю, Англия не собиралась жертвовать целым ради нескольких, хоть и соблазнительных, кусков. Предложенные же царем Египет, Сирию и Крит Британия намеревалась в случае необходимости приобрести в будущем и так, без любезной помощи России.

Позже, когда в России стала известны замыслы английского премьера, там появились (напечатаны анонимно в газете «Северная пчела») очень популярные в свое время ироничные стихи:

Вот в воинственном азарте воевода Пальмерстон
Поражает Русь на карте указательным перстом...

Досталось в этом бессмертном творении малоизвестного поэта В.П. Алферьева и союзникам англичан:

Вдохновлен его отвагой и француз за ним туда ж,
Машет дядюшкиной шпагой и кричит: «Allons, courage!»

Однако России очень скоро стало не до иронии...

Воинственные русофобские настроения, широко проповедуемые большинством политических деятелей, публицистами, прессой, охватили широкие слои английского общества. Одновременно всячески муссировались доводы о военной слабости России, о многократном военном превосходстве Великобритании. В Петербурге получали сведения об этих настроениях, но до поры до времени не придавали им большого значения. Царь полагал, что британское правительство не пойдет на поводу у общественного мнения. Но это была ошибка.

Ошиблись и с Францией — новому императору французам Наполеону III нужна была маленькая, победоносная война вдали от своих границ, которая бы подняла дух нации, отвлекши ее внимание от дел внутренних, и позволила бы приобрести любовь войска, как справедливо считал Наполеон III, главного гаранта его правления. Только война могла покончить с угрозой выступления загнанных в подполье противников государственного переворота 2 декабря 1852 г. («18 брюмера Луи Наполеона»), только она могла прочно укрепить власть новой династии в стране. Кроме того, новоиспеченному императору было важно взять реванш за поражение своего дяди Наполеона I в России

в 1812 г. и тем самым значительно поднять свой престиж среди соотечественников и подданных. Новоиспеченный император также имел огромную поддержку со стороны проникнутого идеями русофобии и реванша общественного мнения своей страны.

Ради борьбы с Россией Наполеон III был готов временно подружиться хоть с кем. Например, с Англией, с которой, как искренне считал Николай I, Наполеон III, в память о Наполеоне I, никогда договориться не сможет. Но Франция, переступив в этом вопросе через себя, смогла. Расчет Наполеона III был прост: он должен победить в войне, победоносной для него война будет лишь в том случае, если его союзником будет Англия, а Англия хочет воевать только с Россией. Отсюда и неизбежность англо-французского союза. Правда, согласие это оказалось непрочным — уже в ходе войны стали припоминаться старые противоречия и недоразумения. Но дело было сделано — два главных государства в Европе образовали коалицию, заключив в 1853 г. секретный договор против России.

Австрия также не испытывала восторга, глядя на сильную Россию, доминирующую в европейской политике, особенно — на Балканах. Влияние России после Адрианопольского мирного договора 1829 г. в Молдавии и Валахии наносило весомый ущерб австрийской торговле, уменьшая восточный рынок сбыта ее товаров. Кроме того, если бы исполнились мечты Николая I о разделе Турции, российские земли и российская сфера влияния охватили бы Австро-Венгрию с востока, юго-востока, юга и севера, по сути дела, лишив ее политической самостоятельности и выбив из круга ведущих европейских держав.

Да и славянские народы Австрии — чехи, словаки, хорваты, русины, поляки — при подобном развитии событий

(появлении новых независимых славянских государств) получили бы дополнительный стимул вспомнить о своих общих с Россией корнях и о своем праве на свободное существование. Что вело уже к распаду Австрийской империи. И Австрия также сделала свой выбор. Не вступив в войну, она будет постоянно висеть дамокловым мечом над русскими армиями. Соображения же о «благодарности», которую должна была испытывать Австрия к России, как во все времена, оказались быстро отброшенными. Можно было возмущаться, как это делал Ф.И. Тютчев в одном из своих политических стихотворений:

И как не грянет отовсюду
 Один всеобщий клич тоски:
 Прочь, прочь австрийского Иуду...
 Прочь их с предательским лобзаньем,
 И весь апостольский их род
 Будь заклеямен одним прозваньем:
 Искарriot, Искарriot!

Однако благодарность — не свойство политики.

Были, разумеется, свои цели, заставлявшие желать войны с Россией, и у Османской империи. Она планировала вернуть потерянное в столкновениях с северным соседом в XVIII — начале XIX в. — Крым и остальное Северное Причерноморье, кавказское побережье, Грузию, установить свою власть над всем Кавказом, а там, чего не бывает, подумать и о Поволжье... Подобные настроения делали османов также весьма воинственными.

Таким образом, все внешнеполитические расчеты Николая I оказались полностью беспочвенными. Однако выяснилось это несколько позже. Европейские противники

России действовали скрытно, подталкивая царя первым вступить в игру.

И Николай I решился одним ударом разрубить многовековой узел противоречий на Востоке и Западе, твердо поставив свою державу на первое место в Европейском и Азиатском доме.

Война, когда она желанна, начинается быстро и просто. Но даже при такой простоте нужен повод. Пусть даже почти несущественный. Таковой нашелся.

СПОР О «СВЯТЫХ МЕСТАХ»

В самом начале 50-х гг. XIX в. между православной и католической церквями возник спор о палестинских святынях, т.е. о том, какой из церквей принадлежит право владеть ключами от Вифлеемского храма, обладать иными христианскими святынями в Иерусалиме и его окрестностях, ремонтировать храмы. Поначалу спор проходил незаметно даже для турок: всем в Европе было не до того. Но вот во Франции появился новый император — Наполеон III, увидевший в этом религиозном споре хороший повод для международного конфликта. А где конфликт — там и война. Весьма нужная императору. Наполеон III выступил защитником католицизма на Востоке. (Бонапарт, еще будучи президентом, делал заявления в пользу претензий католиков на первенство в «святых местах» с целью заручиться поддержкой со стороны католической церкви в борьбе за власть во Франции.)

Это сразу дало возможность туркам более четко выразить свою позицию в данном споре. Вслед за Францией и Портой свое слово сказала и Россия. Николай I тоже увидел в этом споре повод для начала решения Восточного вопроса. Кроме

того, уступить в споре о святых местах Россия просто не имела возможности. Согласно всем договорам с Турцией конца XVIII — первой половины XIX в., она являлась покровительницей христиан — православных подданных султана. Капитуляция перед католиками означало признание перед всеми православными Балкан и Востока своей слабости, что подорвало бы влияние России на Востоке.

Французские послы в Стамбуле Ш.-Ж. Лавалетт, а затем сменивший его де Лакур требовали от султана Абдул-Меджина предоставить преимущество католикам перед православными в Иерусалиме. При этом французы ссылались на факт завоевания «святых мест» крестоносцами, на франко-турецкий договор 1740 г. и т.д. Разумеется, русский посол В.П. Титов выступил с протестом. Он ссылался на Кючук-Кайнарджийский договор 1774 г., последующие договоры, а также на то, что храм Гроба Господня был восстановлен, после того как практически полностью сторел во время пожара 1808 г., исключительно на средства России и православных христиан Востока.

Тем не менее Турция под нажимом Франции, к которой присоединилась впоследствии и Англия, решила пойти на обострение отношений с Россией. Спор о «святых местах» был решен в пользу католиков. В январе 1853 г. в Иерусалиме в Вифлеемской пещере у входа в нишу, где были ясли Иисуса Христа, была торжественно водружена католическая серебряная звезда (с отчеканенным французским гербом). Католическому епископу были переданы ключи от главных ворот храма Гроба Господня и от восточных и северных ворот Вифлеемского храма. Все это было обставлено как полное торжество католичества перед православием.

В ответ на этот открытый вызов со стороны Франции в феврале 1853 г. Николай I отправил в Стамбул чрезвычай-

ное посольство во главе со своим другом и доверенным лицом князем А.С. Меншиковым. Имя этого человека неразрывно связано с историей Крымской войны.

Биография

Меншиков Александр Сергеевич
(15.08.1787 — 19.04.1869)

Александр Сергеевич был правнуком знаменитого фаворита и сподвижника Петра Великого светлейшего князя А.Д. Меншикова, названного А.С. Пушкиным «счастья баловнем безродным» и «полудержавным властелином». Он стал последним мужским представителем династии Меншиковых.

Военную службу А.С. Меншиков начал в 1809 г. В Отечественной войне 1812 г. он участвовал в должности квартирмейстера дивизии. С 1813 г. князь состоял в свите Александра I, после окончания Наполеоновских войн не раз сопровождал императора в заграничных поездках. С 1817 г. Меншиков, получивший чин генерал-адъютанта, исполнял обязанности генерал-квартирмейстера Главного штаба. В 1821 г. из-за противоречий с всесильным временищиком А.А. Аракчеевым ушел в отставку. На службу он вернулся в 1826 г. Николай I отправил его с чрезвычайной миссией в Иран, однако вскоре началась русско-иранская война и Меншиков оказался в тюрьме, где пробыл до 1827 г.

По возвращении в Россию князь представил императору проект реорганизации управления морским ведомством. После этого царь назначил его начальником Главного морского штаба и членом кабинета министров. Во время Русско-турецкой

войны 1828—1829 гг. Меншиков успешно руководил действиями Черноморского флота. В 1828 г. флот под его командованием обложил и вскоре взял Анапу. Затем была блокирована Варна на противоположном берегу Черного моря. Однако Меншиков был ранен пушечным ядром в обе ноги и был вынужден покинуть театр военных действий.

С 1830 г. Меншиков стал также членом Государственного совета, а с 1831 г. занял и должность генерал-губернатора Финляндии.

Человек умный, блестяще образованный, честный (особенно поражало современников то, что он не брал взятки и не разворовывал казны), Меншиков отличался остроумием. Его шутки, устные рассказы пользовались большой популярностью, их любил слушать Николай I. Однако князь был крайним циником, ни к чему не относился серьезно. Не будучи специалистом ни в одной области, он без всяких колебаний брался за все дела, которые поручал ему император. В результате его деятельность очень часто заканчивалась полным провалом. Именно этим завершилась его миссия в Стамбул в 1853 г. Назначенный вскоре командующим сухопутными и морскими силами в Крыму, он действовал крайне неудачно. 15 февраля 1855 г. он был отстранен от командования. С декабря 1855 по апрель 1856 г. Меншиков являлся губернатором Кронштадта, затем был отправлен в отставку.

Говоря о неудаче миссии А.С. Меншикова в Константинополе, следует иметь в виду, что он ехал туда вовсе не с намерением завершить дело миром. Николай I, очевидно, уже принял решение о войне с Турцией.

Посольство Меншикова потребовало от султана восстановления прав православия в Палестине, отставки министра иностранных дел Фуад-паши, настроенного весьма профранцузски, и подписания международного акта, фиксирующего право России на покровительство единоверцам и обязательство султана уважать права православной церкви. Турции предлагалось заключить с Россией антифранцузский союз.

Ведя переговоры с турками и французами, Меншиков фактически имел дело с английским послом Ч. Стрэтфордом. В Константинополе Стрэтфорда именовали вторым султаном. Турецкие дипломаты действовали строго по инструкциям англичанина. Посол посоветовал султану принять два первых требования, но не соглашаться с выполнением третьего: никаких обязательства России Турция давать не хотела. Все послы западных держав поддержали турок. Поняв, что попал в западню, Меншиков стал формулировать требование во все более мягкой форме. Но все было напрасно. В мае 1853 г. русское посольство покинуло столицу Османской империи. Произошел разрыв дипломатических отношений между двумя странами.

Вскоре был опубликован манифест Николая о защите православной церкви в Турции и о занятии Дунайских княжеств — Молдавии и Валахии. 27 сентября 1853 г. последовал ответный ход Порты, до этого выжидавшей (и опиравшейся в своем выжидании на послание официального английского лица султану: «Не мешайте занятию княжеств, оставайтесь спокойны и выжидайте: Европа вмешается в дело, и вы выиграете его»). Стамбул выдвинул свой ультиматум, потребовав в течение 18 дней вывести русскую армию из княжеств. Еще не истек этот срок, как султан бросил свою армию на русских на Дунае и в Закавказье.

Каждый считал свои цели достигнутыми: Европа втянула Россию в войну, из которой, как надеялись европейские правительства, Николаю I так просто не выбраться. А тот был доволен, что агрессором (пусть и формально) выступила Турция, с которой надлежит решительно разобраться. Порта же, уповая на единодушные заверения европейских держав, надеялась также решить свои старинные вопросы с Россией.

СИЛЫ СТОРОН

Однако о том, что предстоит воевать не только с Турцией, в России все поняли почти сразу. Еще до султанского ультиматума англо-французская эскадра подошла к Дарданеллам. Наличие этой силы, готовой вмешаться в войну, сразу же начала сказываться на действиях русской и турецкой сторон.

Вместе Турция, Англия, Франция, а также примкнувшее к ним позже Сардинское королевство обладали крупными вооруженными силами. По численности их сухопутные армии превосходили действующую русскую армию. А превосходство союзников в военно-морских силах было подавляющим. Еще более заметной была разница в техническом оснащении армии и флота сторон.

Развитая военная промышленность Англии и Франции обеспечивала их армии и флоты новейшей техникой и оружием. Быстро шло перевооружение. Вместо гладкоствольных ружей войска получали нарезное стрелковое оружие. К началу Восточной войны почти вся английская армия и значительная часть французской были вооружены штуцерами — нарезными винтовками. Штуцера имели дальность огня в 1200 шагов.

Турецкая армия также в значительной степени оснащалась оружием и военной техникой из Англии и Франции. Многочисленные инструкторы и советники, инженеры из этих стран уже много лет обучали турецкие войска, сооружали укрепления, разрабатывали военные планы. Многие иностранцы открыто командовали вооруженными подразделениями Османской империи.

Однако турецкая и английская армия имели и серьезные недостатки, связанные, прежде всего, с системой их комплектования, а также с командным составом, организацией управления и пр. Лишь французская армия могла считаться современной и оказалась, как показали дальнейшие события, самой боеспособной.

Русская армия имела значительную численность. Она по праву считалась одной сильнейших в мире, высочайшие боевые качества русских солдат не подвергали сомнению даже самые ярые противники России. Однако слабая производственная база не давала возможности обеспечивать армию современным оружием. Гладкоствольные русские ружья стреляли всего на 300 шагов и обладали меньшей меткостью по сравнению со штуцерами. Современники горько иронизировали: «Из такого ружья в дом не попадешь», «наименьшей опасности при стрельбе подвергается тот, в кого целятся...» Всего 4 % русских солдат имели нарезные штуцеры.

Комплектование русской армии осуществлялось на основе введенных еще Петром Великим рекрутских наборов. Этот способ имел как положительные стороны, так и не менее серьезные недостатки, главными из которых была невозможность быстро увеличить численность войск в военное время, а также длительность подготовки новых солдат. Были, как выяснилось в ходе Крымской войны, существенные

недостатки в стратегии и тактике, подготовке войск к современному бою, в командном составе.

Начиная военное противоборство с Россией, политики Лондона и Парижа рассчитывали, прежде всего, на свой военный флот. Наибольшее значение в развитии флотов имело применение силы пара для движения кораблей. В течение многих веков парус являлся главным двигателем кораблей. Замена его силой пара знаменовала собой начало коренного перелома в кораблестроении и военно-морском деле. Корабли с паровой машиной приобретали принципиально новые боевые, технические и мореходные качества.

Еще в начале XIX в. началась постройка первых судов с паровыми двигателями установками. В 1807—1820 гг. пароходы появились в Англии, Франции, России, США. Первый русский пароход «Елизавета» начал совершать регулярные рейсы между Петербургом и Кронштадтом в 1815 г. Спустя несколько лет паровой двигатель впервые был применен и на небольших военных кораблях: в 1817 г. на Ижорском заводе был построен для Балтийского флота пароход «Скорый», в 1820 г. в состав Черноморского флота вошел военный пароход «Везувий», построенный в Николаеве.

Как и всё новое, паровые суда не сразу завоевали всеобщее признание. Долгое время они имели небольшую мощность, движителем у них являлись гребные колеса, расположенные по бортам, что создавало большие проблемы в боевом использовании таких кораблей. Установка паровых машин на крупных военных кораблях была сопряжена с большими техническими сложностями. Вплоть до 40-х гг. XIX в. видные военно-морские деятели во многих странах считали, что основой боевой мощи флотов останутся парусные линейные корабли, вооруженные 100—120 орудиями крупного калибра. На колесных пароходах же можно было установить не более 10—20 орудий.

Однако с каждым днем научно-технические достижения открывали все новые возможности в области военного судостроения.

Военные пароходы начали строить из железа, а вместо гребных колес появились винтовые движители, укрытые под водой. Это в корне меняло характеристику парового судна, делало его превосходство над парусником подавляющим.

Именно такие корабли стали составлять основу военно-морских флотов Англии и Франции. Первые винтовые корабли стали строить в 30—40-е гг. XIX в. В 1851—1853 гг. на верфях в Англии были спущены на воду первые паровые линейные корабли «Агамемнон», «Кресси», «Веллингтон», «Санспарайль», «Ройял Джорж», во Франции — «Наполеон», «Монтебелло», «Шарлеман», «Жан Барт» и др. Всего в английском и французском флотах к 1854 г. имелось свыше 100 паровых кораблей различных классов. Резервом союзников являлся и их огромный торговый флот, в котором также было уже множество пароходов.

Некоторые шаги в этом направлении делались и в России. По инициативе командующего Черноморским флотом М.П. Лазарева в Николаеве были заложены и построены первые в России железные военные пароходы: в 1838 г. — «Инкерман», в 1846—1849 гг. — «Бердянск», «Таганрог», «Еникале», «Казбек», «Тамань». В состав Черноморского флота вошли и первые пароходо-фрегаты. Они имели и парусное оснащение, и паровую машину мощностью до 700—900 лошадиных сил.

Однако все эти новые суда составляли незначительную часть военно-морских сил России. На Николаевском заводе производились лишь небольшие паровые машины. В Севастополе «пароходное заведение» было заложено только в 1853 г., уже после разрыва дипломатических отношений

с Турцией. Возможности ремонта кораблей были очень ограничены. Угля тогда добывалось так мало, а его подвоз был так сложен, что даже немногие пароходы русского Черноморского флота испытывали постоянный недостаток в топливе.

Основной костяк русского военно-морского флота продолжали составлять парусные корабли различных классов. Русский флот мог выдержать противоборство с любым из парусных флотов, но не мог сравниться по своей боевой мощи с паровым флотом вражеской коалиции. В русском флоте к началу войны не было ни одного винтового корабля. Имевшиеся к этому времени на Черноморском флоте 6 пароходо-фрегатов и около 20 малых пароходов имели на вооружении в общей сложности 95 орудий, т.е. уступали по своей огневой мощи даже одному крупному кораблю противника.

НАЧАЛО БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ НА ЧЕРНОМ МОРЕ

11 октября 1853 г. отряд русской Дунайской флотилии был обстрелян турецкими батареями с крепости Исакча. В ночь на 15 октября турецкие войска атаковали гарнизон поста Святого Николая на черноморском побережье Кавказа и захватили этот район. Так начались боевые действия в очередной русско-турецкой войне, которая позже стала и Крымской и Восточной.

И на Дунае и на Кавказском театре военных действий турки сразу попытались взять инициативу в свои руки. Особенно серьезные планы строились ими на Кавказе. Здесь они рассчитывали на относительную незначительность русских сил и на наличие серьезного союзника в их тылу — имама

Шамиля на востоке Северного Кавказа и горцев Черкессии — на западе. На активности действий на Кавказе настаивали также и английские советники султана. С помощью Турции Великобритания мечтала превратить Кавказ в сферу своего влияния.

В Батуме османами были сосредоточены войска и небольшие суда для удара по русским прибрежным опорным пунктам (Сухум, Поти, Гагры, Сочи, Туапсе). Однако без поддержки более серьезных морских сил турки действовать не могли. В Черном море была сформирована эскадра из лучших и самых быстроходных кораблей под командованием контр-адмирала Осман-паши. Фактическим командующим этой эскадры стал английский капитан А. Слейд, имевший в турецком флоте чин контр-адмирала. Задачей эскадры была борьба с русским Черноморским флотом и перевозка турецких войск в Закавказье. Для поддержки этой эскадры англо-французский флот перебазировался от Дарданелл к Босфору.

Однако решительные действия русского Черноморского флота очень быстро поставили крест на замыслах Порты и ее западных покровителей. Еще до получения известий об объявлении войны Турции основные силы флота вышли из Севастополя для разведки и поиска сил противника в Черном море. Эскадрой парусных кораблей командовал вице-адмирал П.С. Нахимов, пароходным отрядом — начальник штаба флота вице-адмирал В.А. Корнилов.

Имена этих двух адмиралов даже в наше время знает, пожалуй, каждый более-менее образованный житель России. Даже портреты этих людей многие наши сограждане до сих пор могут узнать, что называется, в «лицо». Этим людям суждено было стать символами Крымской войны, символами героизма и самопожертвования. Они упоминаются в любом

отечественном учебнике по истории, они стали героями фильмов, снятых в свое время о событиях середины XIX в., им поставлено немало памятников в разных городах России.

Биография

Корнилов Владимир Алексеевич
(1806—5.10.1854)

Отцом В.А. Корнилова был отставной флотский офицер, и, возможно, этим и был определен выбор карьеры. В 1821 г. Корнилов был определен в Морской корпус в Петербурге и через два года был произведен в мичманы. Окончив обучение, Корнилов остается на Балтийском море.

В 1827 г. он получил назначение на только что отстроенный корабль «Азов», которым командовал капитан 1-го ранга М.П. Лазарев. Лазарев сразу обратил внимание на толкового молодого офицера, посчитав, что тот имеет «все качества отличного командира военного судна». Поэтому, получив назначение на Черное море, он перевел туда же Корнилова, в то время уже лейтенанта.

Боевое крещение Корнилов получил в Наваринском сражении в 1827 г. Затем он отличился в период Русско-турецкой войны 1828—1829 гг. Позже он продолжал плавать на Балтийском и Черном морях, командуя различными кораблями.

В 1834 г. Корнилов был назначен командиром только что отстроенного брига «Фемистокл», а в 1837 г. он получил в командование корвет «Орест». Вскоре Лазарев назначает Корнилова начальником своего штаба, и в 1840 г. Корнилов получает чин капитана 1-го ранга. Руководство штабом Корнилов

совмещал с командованием 120-пушечным кораблем «Двенадцать апостолов», который стал образцовым кораблем Черноморского флота. Корнилов разработал свою систему обучения матросов и офицеров, которая была основана на лучших военно-педагогических принципах Суворова и Ушакова. В то же время Корнилов принимал участие в военных действиях при занятии Туапсе, при высадках десанта в Субами и Шахе.

В 1846 г. Лазарев отправил Корнилова в Англию для наблюдения за строительством 4-х паровых кораблей Черноморского флота. В 1848 г., вернувшись в Россию, Корнилов был произведен в контр-адмиралы.

Чин вице-адмирала он получает в 1852 г. и с этого времени фактически становится командиром Черноморского флота (занимая должность начальника штаба флота). Корнилов добивался замены парусного флота паровым, занимался перевооружением кораблей. Но до начала войны времени у него практически не было.

В 1853 г., понимая, что война неизбежна, Корнилов начал активно готовиться к военным действиям. В частности, он руководил работами по возведению батарей для защиты входа на севастопольский рейд, а когда начались военные действия, Корнилов постоянно сам выходил в море на пароходах, дабы осмотреть турецкое побережье и произвести необходимые рекогносцировки.

Во время Крымской войны 1853—1856 гг. он становится одним из организаторов и руководителей обороны Севастополя. Он сумел создать береговую

линию укреплений, усилив ее артиллерийскими батареями и переведя на сушу флотские экипажи.

5 октября 1854 г. Владимир Алексеевич Корнилов находился на Малаховом кургане и был смертельно ранен ядром, в день 1-й бомбардировки Севастополя.

Черноморский флот был готов к боевым действиям. Поэтому не случайно война с Турцией началась для него с серьезных побед.

Неудачи турок на Черном море начались со сражения русского парусного фрегата «Флора» с тремя турецкими пароходами, высланными в качестве разведчиков к кавказскому побережью. Почти семь часов длился бой корабля под командованием капитан-лейтенанта А.Н. Скоробогатова с турками. Получив серьезные повреждения, турецкие разведчики отступили. Этому сражению суждено было стать первым и единственным в истории морским боем, в котором парусный флот одержал победу над паровым.

Вскоре на море произошло еще одно сражение, которое также вошло в историю с определением «первое».

Не обнаружив противника, Корнилов на пароходо-фрегате «Владимир» (командир Г.И. Бутаков) в начале ноября двинулся на соединение с эскадрой Нахимова.

Биография

Бутаков Григорий Иванович
(27.09.1820—31.05.1882)

По окончании морского корпуса Бутаков два года плавал в Балтийском море, а в 1837 г. был переведен мичманом на Черноморский флот. На Черном море он служил вплоть до 1860 г. Бутаков вскоре обратил на

себя внимание адмирала М.П. Лазарева и был назначен к нему личным флаг-офицером. Первое боевое крещение Бутаков получил в 1838 г., плавая на корабле «Силистрия» и с морским десантом принимая участие в делах против горцев у абхазских берегов.

В 1843 г. он получил звание лейтенанта, а в 1856 г. — капитан-лейтенанта. В 1850 г. ему было поручено привести из Англии в Черное море строящийся там пароход «Дунай». Бутаков отлично справился с заданием, так как прекрасно знал судоходные пути — к этому году им лично была составлена первая систематическая лоция Черного моря.

Следующим его отличием стало участие в битве с турецким пароходом «Первас-Бахри» во главе парохода «Владимир». За это он и был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени.

Затем он также участвовал в Синопской битве, за что получил чин капитана 2-го ранга.

Когда началась Крымская война, Бутаков оставался командиром на пароходе «Владимир». На нем он неоднократно производил смелые рейды по Черному морю, несмотря на соседство англо-французского флота. С началом осады Севастополя, командуя фрегатом «Херсонес», Бутаков принимал участие в отражении всех неприятельских штурмов. Орудия его парусного фрегата поддерживали огонь береговой артиллерии во время атак неприятеля. За проявленное мужество он был произведен в капитаны 1-го ранга, пожалован званием флигель-адъютанта, награжден орденом Св. Анны 2-й степени с мечами, орденами Св. Владимира 3-й и 4-й степени и золотым оружием.

После гибели адмирала Корнилова Бутаков был назначен начальником штаба Черноморского флота, что говорит о признании его выдающимся боевым офицером.

После Крымской войны в возрасте 36 лет он был произведен в контр-адмиралы, вошел в свиту императора и стал военным командиром и губернатором города Николаева.

В 1860 г. его снова переводят на Балтийский флот и вскоре посылают в Англию для изучения опыта броненосного судостроения. Вернувшись в Россию, Бутаков активно стал заниматься развитием русского парового флота, так как события последней войны показали, что русский флот сильно отставал от иностранных флотов. Большинство прекрасных боевых морских офицеров не знали особенностей парового флота, а на одном героизме трудно продвинуться вперед. Поэтому создание новой паровой школы для подготовки личного состава стало необходимостью, и Бутаков с первых дней стал уделять много времени этому вопросу. Кроме того, он обратил особое внимание на тактическую подготовку флота. Все это дало современникам право назвать Бутакова «учителем и основателем броненосной школы». Он довел выучку своей эскадры до такой высоты, что к нему на учебу стали присылать моряков представители иностранных держав. Несмотря на мирное время, Бутаков проводил учения на флоте, приближенные к боевой обстановке. Для практики он ввел таранные бои на специально приспособленных для этого судах, устраивал стрельбы по щитам, прикрепленным на буксире, а для новичков проводил

обстрел по шлюпкам, чтобы будущие моряки привыкали к разрыву снарядов.

В 1866 г. Бутаков был произведен в звание вице-адмирала и возглавил эскадру броненосных судов на Балтийском море. Он очень много работал над теорией военно-морского дела, а его практические пособия по праву считались «Библией для моряков». В 1869 г. император Александр II, присутствуя на смотре кораблей Балтийского флота, остался весьма доволен и пожаловал Бутакову звание генерал-адмирала. Звание адмирала Бутаков получил в 1878 г., а в 1881 г. стал главным командиром Санкт-Петербургского порта.

Незадолго до своей кончины он стал членом Государственного совета. 31 мая 1882 г. Г.И. Бутаков скончался.

Именно в 1853 г. имя Бутаков стало известно всей России.

5 ноября на горизонте с «Владимира» заметили дымок какого-то парохода. Корнилов приказал двигаться навстречу этому дымку. Неизвестное судно попыталось уйти, но потом повернуло навстречу «Владимиру», подняв турецко-египетский флаг. Русские произвели два выстрела, в ответ раздался бортовой залп. Так начался первый в мировой истории морской бой паровых кораблей.

«Владимир» столкнулся с 10-пушечным пароходо-фрегатом «Перваз-Бахри» («Владыка морей»). Бой длился три часа. Капитан Бутаков полностью использовал преимущества своего судна — большую скорость и отсутствие у противника кормовых орудий. Турецкие моряки сопротивлялись отчаянно, но превзойти русских они не смогли. В донесении о битве Корнилов писал: «Капитан, офицеры и команда

парохода «Владимир» вели себя самым достойным образом. Капитан-лейтенант Бутаков распоряжался как на маневрах, действия артиллерии были быстры и метки». В результате противник понес огромные потери, судно вскоре было выведено из строя. Позже Бутаков писал: «Посланные овладеть призом нашли на нем страшную картину разрушения и гибели: обломки штурвалов, компасов, люков, перебитые снасти, перемешанные с оружием, трупами, ранеными, кровью, каменным углем... Паровая и дымовая трубы, как решето...» После гибели капитана турки спустили флаг.

На «Перваз-Бахти» в плен было захвачено 93 человека из 151 члена экипажа, остальные погибли. Потери на «Владимире» составляли 2 человека погибшими и два ранеными, на судне обнаружили только две пробоины от ядер. Мастерство Бутакова позволило одержать победу малой кровью. Плененный турецкий корабль был приведен на буксире в Севастополь, но из-за серьезнейших повреждений через два дня во время шторма затонул у стенки порта.

Первый бой паровых кораблей положил начало разработке новой тактики зарождавшегося парового флота. После победы в этом бою В.А. Корнилов писал: «Имею теперь полное понятие о сражении пароходов между собою, об особой тактике, которую они должны соблюдать». Он подчеркивал такие важные качества паровых кораблей, как большая маневренность, скорость и независимость от погодных условий. «Быстрота, с которой пароходы могут переноситься с места на место, и определительность их плавания, — указывал он, — особенно благоприятствуют внезапным атакам». Вместе с тем Корнилов отмечал и существенные недостатки колесных паровых судов: они «слабы бортовыми орудиями и должны принимать все меры к сбережению машины от повреждений».

НАХИМОВ В СИНОПЕ

С 17 по 24 сентября 1853 г. эскадра вице-адмирала П.С. Нахимова осуществила переброску войск 13-й дивизии из Севастополя в район Анакрия — Сухум. Адмирал был награжден за это орденом Св. Владимира 2-й степени. Турки, однако, не теряли надежды поднять горцев побережья на выступление против русских и продолжали снабжать их оружием.

В начале ноября 1853 г. турецкая эскадра заняла оборону в бухте города Синоп, превратив ее в свою опорную базу. Начальник штаба Черноморского флота контр-адмирал В.А. Корнилов предложил начальнику Главного морского штаба князю А.С. Меншикову захватить Синоп и в свою очередь сделать его опорной базой русского флота.

Несмотря на то что сам Меншиков стоял за нападение лишь на отдельные корабли противника, Корнилов сумел доказать, что находящаяся в Синопе турецкая эскадра готовится идти к кавказским берегам. Уничтожить вражескую эскадру должен был Нахимов. Ему было приказано наблюдать все турецкое побережье Малой Азии (Анатолии) от порта Амастро (на западе) до мыса Керемпе (на востоке).

Перед выходом в море 11 октября 1853 г. Нахимов издал приказ, в котором говорилось: «При встрече с турецкими военными судами первой неприязненный выстрел должен быть со стороны турок, но то судно или суда, которые на это покусятся, должны быть немедленно уничтожены... Имея таковой отряд под командой, мне ничего не остается более желать, как скорейшего разрыва со стороны России с Турцией, и тогда я убежден, что каждый из нас исполнит свое дело».

На третий день похода эскадра Нахимова подошла к азиатским берегам. 26 октября Нахимов получил письмо

от Корнилова, в котором говорилось, что ему разрешается брать и разрушать турецкие корабли. А еще несколько дней спустя он наконец узнал, что война объявлена.

Вскоре на Черном море произошло главное сражение начального периода Крымской войны. Однако оно вошло в историю уже не с эпитетом «первое», а с эпитетом «последнее» — последняя в мировой истории битва парусных флотов.

Эта битва случилась 18 ноября 1853 г. в бухте города Синоп на южном побережье Черного моря. После Синопской битвы вся Россия узнала имя вице-адмирала П.С. Нахимова, командующего 5-й флотской дивизией Черноморского флота.

Как только Нахимову стало известно о начале войны с Портой, он отдал по своей дивизии приказ: «Война объявлена; отслужить молебствие и поздравить команду!» А вскоре — другой, в котором есть слова: «Уведомляю господ командиров, что в случае встречи с неприятелем, превышающим нас в силах, я атакую его, будучи совершенно уверен, что каждый из нас сделает свое дело». Теперь пришло время подтвердить эту уверенность подобным делом.

Свыше месяца в условиях осенней штормовой погоды русские корабли под командованием Нахимова находились в плавании, вдали от своих баз, в напряженной обстановке, когда с часу на час могла произойти встреча с турецким флотом. Еще накануне выхода в море Нахимов в своем приказе говорил: «При встрече с турецкими военными судами первый неприязненный выстрел должен быть со стороны турок, но то судно или суда, которые на это покусятся, должны быть немедленно уничтожены».

Командующий эскадрой получал постоянную информацию об обстановке от Корнилова. Учитывая незначительный

численный состав нахимовской эскадры, особую тревогу вызывали у Корнилова действия англо-французского флота, находившегося всего в двухдневном переходе от района плавания русских кораблей. В одном из сообщений он писал Нахимову: «Предостерегаю от англичан: Вам известно, как они решительны, когда дело идет об истреблении чужих кораблей поодиночке; я все опасаюсь, что они выскочат из Босфора, чтоб на Вас напасть».

В Севастополе получили сведения, что у Босфора «собирается эскадра для Батума», предназначенная для высадки десантов у Сухума и Поты. Эти данные были немедленно сообщены Нахимову. 3 ноября адмирал объявил по эскадре приказ: «Имею известие, что турецкий флот вышел в море в намерении занять принадлежащий нам порт Сухум-Кале... Неприятель иначе не может исполнить свое намерение, как пройдя мимо нас или дав нам сражение... Я надеюсь с честью принять сражение».

Вскоре русскому командованию стало известно, что в Синопской гавани, лучшей на берегу Анатолии (Малой Азии), расположенной буквально напротив Севастополя — через Черное море, закрытой от пронзительных северных ветров длинным полуостровом, возвышающимся над морской поверхностью и защищенной шестью береговыми батареями с мощными орудиями (более мощными, чем корабельные), укрылась эскадра Осман-паши и Слейда в составе 7 фрегатов, 3 корветов, 2 пароходов и 2 транспортов и шлюп.

Нахимов, незадолго до этого сам руководивший десантированием на Кавказ целой дивизии, лучше других представлял всю хрупкость нынешнего равновесия сил в этом районе (да равновесия-то и не было — сил у турок было здесь значительно больше), и соответственно — все последствия

появления там новых войск неприятеля, готовых к отправлению на эскадре Осман-паши.

Подойдя вечером 8 ноября с тремя кораблями и бригадой до Синопа, Нахимов обнаружил на его рейде четыре судна. Но атаковать их помешала буря, разметавшая эскадру. Нахимов решил блокировать турок в бухте, несмотря на то, что кораблей у него было меньше и стоял сезон штормов. После одного из штормов, отправив поврежденные суда в Севастополь, русский адмирал вообще остался с тремя кораблями против двенадцати турецких. Но Осман-паша не решился воспользоваться благоприятным моментом и превосходством своих сил, выжидая еще более благоприятный.

Осман-паша, сообщив о появлении русских в Константинополь (причем он преувеличил в своем донесении силы Нахимова в три раза), остался вместе со своими судами на рейде. В Константинополе же решили, что под прикрытием береговых батарей турецкая эскадра будет чувствовать себя в безопасности, а погода сейчас все равно не позволит послать подкрепление из Константинополя. Кроме того, турецкое командование было уверено, что ввиду союзных флотов, находящихся в Проливах, русские не осмелятся напасть на эскадру в Синопе.

До Синопского сражения в европейской военно-морской науке господствовала мысль о неприступности береговых укреплений противника без численного превосходства в корабельной артиллерии. Именно потому Нахимов не втягивался в сражение, дожидаясь подкреплений

16 ноября подошли шесть линейных кораблей и два фрегата во главе с адмиралом Ф.М. Новосильским. Нахимов решил, что ждать более нельзя. 17 ноября 1853 г. он отдал приказ атаковать противника.

В приказе Нахимов подробно расписал план будущего сражения и закончил его следующими словами: «В заклю-

чение я выскажу свою мысль, что все предварительные наставления, при переменившихся обстоятельствах, могут затруднить командира, знающего свое дело, и поэтому я предоставляю каждому совершенно независимо действовать по усмотрению своему, но непременно исполнить свой долг».

Сам он так и собирался поступить, с давних времен считая, что и в морском деле «близкое расстояние от неприятеля и взаимная помощь друг друга есть лучшая тактика».

План предстоящего сражения, разработанный Нахимовым, был проникнут решительностью и активностью. Им предусматривалось, что корабли должны прорываться на вражеский рейд в строю двух кильватерных колонн; построение эскадры в этот строй уменьшало время прохождения кораблей под огнем неприятельских судов и батарей, а также облегчало развертывание эскадры в боевой порядок при постановке на якорь. Нахимовым была тщательно разработана диспозиция эскадры во время боя, даны четкие указания о приготовлении к сражению, постановке кораблей на якорь, ведении артиллерийского огня, выборе целей, выделении фрегатов для наблюдения за пароходами. Командующий эскадрой учел такие преимущества противника, как наличие паровых судов и сильных береговых батарей, отличные условия его базирования и др.

Будучи уверен в высоком боевом мастерстве черноморских моряков, в их умении до конца использовать артиллерийские средства кораблей, командующий эскадрой не предусматривал жесткой регламентации, а, наоборот, поощрял личный состав на самостоятельные инициативные действия.

Утром 18 ноября двумя колоннами русская эскадра вошла в Синопскую бухту. Последний приказ Нахимова гласил: «Россия ожидает славных подвигов от Черноморского флота; от нас зависит оправдать ожидания». Правую колонну

возглавлял сам Нахимов, находившийся на линейном корабле «Императрица Мария», левую — Новосильский, находившийся на «Париже».

Осман-паша упустил момент для нанесения удара по подходившим на короткую дистанцию русским судам. Но еще до схождения противников друг с другом в 12 часов 28 минут раздался первый пушечный выстрел с флагманского корабля «Ауни-Аллах». Затем начали стрелять и другие турецкие суда и береговые батареи.

Несмотря на повреждения, нанесенные неприятельским огнем, Нахимов не отвечал на него до тех пор, пока его эскадра не стала на шпринг (якорь), развернувшись бортом к противнику. Ситуация во многом напоминала сражение при Наварине, где, однако, береговые батареи принимали участие лишь на самом начальном периоде — при входе в бухту союзного флота. При Синопе русским кораблям на протяжении всего сражения пришлось драться как с кораблями, так и с береговыми батареями противника.

Русская эскадра вошла в Синоп, имея 716 корабельных орудий против 472 турецких. Но у османов были береговые батареи и возможность свезти часть орудий с кораблей на берег (ибо Осман-паша расположил свои корабли одним бортом ко входу в бухту, что давало возможность орудия другого борта расположить на берегу). Турецкие корабли находились под защитой береговых орудий, расположившись вогнутой дугой, повторяя очертания набережной.

Нахимов вел эскадру двумя колоннами, сам будучи на переднем корабле со стороны, ближней к флоту неприятеля и его береговым батареям (сам Нахимов к концу боя будет весь в крови — лицо, мундир, а его любимое пальто, которое он перед боем повесит рядом с собой на гвоздь, будет все изодрано турецким ядром).

Русские вошли в бухту и сразу попали под огонь артиллерии противника. Осман-паша, надеясь выбить как можно больше матросов врага, приказал сосредоточить огонь не по палубам, а по рангоуту (мачтам и парусам), когда, по его расчетам, там будет много русских моряков, которые должны убирать паруса перед тем, как становиться на якорь. Но русский адмирал был человек опытный, знал, что подобная стрельба — традиционная тактика османов, и заранее велел убирать паруса с мачт прямо с палубы, используя для этого канаты. Кроме того, его корабли стали становиться на якоря, не крепя парусов. Так первые залпы турок принесли минимальные потери и не особенно серьезные разрушения.

Вскоре русская эскадра, подойдя к противнику на 300—400 м, открыла ответный убийственный огонь. Однако и огонь противника усиливался. На русских кораблях появились первые повреждения; флагманский корабль Нахимова «Императрица Мария», принявший основной удар противника, почти лишился возможности передавать сигналы, связь между ним и эскадрой была затруднена. Но, несмотря на это, флагман уверенно продолжал идти вперед и стал приближаться к турецкому адмиральскому фрегату «Ауни-Аллах». Подойдя к нему на расстояние около 400 м, Нахимов приказал стать на якорь. Матросы во главе с штурманом И. Некрасовым мастерски выполнили этот маневр. Вслед за флагманским кораблем П.С. Нахимова становились на якорь и другие корабли.

Под жестоким обстрелом сотен неприятельских орудий русская эскадра успешно прорвалась на рейд Синопа, все корабли заняли свои места в точном соответствии с планом атаки. На рейде между противниками разгорелся ожесточенный артиллерийский поединок. Грохот шестисот орудий потряс бухту, скрывшуюся в сплошных облаках порохового

дыма. «Гром выстрелов, рев ядер, откат орудий, шум людей, стоны раненых, — вспоминал участник сражения, — все слилось в один общий адский гвалт».

На русские корабли обрушивалась огненная лавина снарядов. Теперь неприятель стал бить не по мачтам русских кораблей, а стремился поразить их батарейные палубы. После нескольких залпов турецкие артиллеристы пристрелялись и их снаряды стали весьма удачно накрывать цели.

В ответ на непрерывную пальбу с турецких судов и батарей русские корабли обрушивали по врагу до 200 снарядов в минуту. Четкая и слаженная работа артиллеристов, самоотверженно действовавших на батарейных палубах кораблей, обеспечивала мощный огонь русской артиллерии. Возле каждого орудия дружно действовали орудийные расчеты: один подносил ядра, другой заряжал орудие, третий метко палил по врагу.

Корабль «Императрица Мария», несмотря на страшные повреждения рангоута и такелажа, вошел в бухту и с самого начала сражения сосредоточил огонь по неприятельскому адмиральскому фрегату «Ауни-Аллах». Русские моряки умело действовали под жестоким огнем неприятеля. Лейтенанты П. Прокофьев и Д. Бутаков, отмеченные Нахимовым за «личную храбрость и распорядительность во время боя», умело руководили огнем корабельной артиллерии. Не выдержав обстрела, «Ауни-Аллах», несмотря на поддержку других турецких фрегатов, корветов и батарей, продрейфовал к западной части Синопской бухты и был выброшен на берег. Неприятельская эскадра по истечении получаса сражения потеряла своего флагмана, лишилась основного руководства и управления.

Русский флагманский корабль подверг сильнейшему огню другой турецкий фрегат — «Фазли-Аллах». От метких

выстрелов этот фрегат загорелся и, объятый пламенем, сел на мель у стен турецкой крепости.

Корабль «Великий князь Константин» под командованием капитана 2-го ранга Л.А. Ергомышева вел огонь по береговой батарее и 60-пушечному фрегату «Навек-Бахри». Вскоре взрыв заглушил артиллерийскую канонаду. Один из снарядов «Великого князя Константина» попал в пороховой погреб неприятельского фрегата. «Навек-Бахри» взлетел на воздух. После этого «Великий князь Константин» сосредоточил огонь по фрегату «Несими-Зефер» и корвету «Неджми-Фешан». Эти корабли после перестрелки выбросились на берег.

Против двух береговых батарей, поддерживавших левый фланг турецкой боевой линии, сражался линейный корабль «Чесма». С каждым залпом русских артиллеристов на батареях увеличивались разрушения. Вскоре обе турецкие батареи были подавлены.

Суда второй колонны нахимовской эскадры противостояли правому флангу боевой линии неприятеля. Корабль «Париж», возглавлявший эту колонну, вел огонь по турецкому корвету «Гюли-Сефид», фрегату «Дамиад» и центральной береговой батарее. Пренебрегая опасностью, матросы во главе со шкипером И. Яковлевым быстро исправляли повреждения и заделывали пробоины. Раненые отказывались уходить с боевых постов. Когда осколок неприятельского снаряда, разорвавшегося на юте, ранил в лицо штурмана С. Родионова, охранявшего кормовой флаг корабля, он не покинул своего поста и продолжал стойко стоять у флага. Только после вторичного тяжелого ранения, когда вражеским снарядом Родионову оторвало руку, его унесли с верхней палубы.

Командир корабля «Париж» В.И. Истомин проявил «примерную неустрашимость и твердость духа, благород-

умные, искусные и быстрые распоряжения во время боя». Орудия «Парижа» безостановочно громили неприятельские суда. Через полчаса после начала сражения турецкий корвет «Гюли-Сефид» был уже сильно поврежден. Командир корвета Сали-бей оставил свой корабль. Вскоре на корвете возник пожар, огонь постепенно добирался до кюйт-камеры. В 1 час 15 минут раздался сильный взрыв и «Гюли-Сефид» взлетел на воздух.

Покончив с неприятельским корветом, «Париж» усилил огонь по фрегату «Дамиад». Снаряды русского корабля производили сильные разрушения; фрегат «Дамиад», не выдержав меткой прицельной стрельбы русских комендоров, обрубил цепь и вышел из боевой линии турецкой эскадры. Течением и ветром его отбросило к юго-западному берегу полуострова. Турецкая эскадра лишилась еще одного фрегата. После этого «Париж» направил свои орудия против фрегата «Низамие» под флагом адмирала Гуссейн-паши. И этот фрегат, имевший наиболее сильное артиллерийское вооружение из всех кораблей неприятельской эскадры, вскоре был вынужден спустить флаг.

Помимо трех вражеских кораблей моряки Истомина уничтожили центральную береговую батарею турок, которая оказывала сильное противодействие русской эскадре. Нахимов, наблюдая за ходом боя, высоко оценил умелые действия моряков под командованием Истомина. «Нельзя было налюбоваться, — доносил Нахимов, — прекрасными и хладнокровно рассчитанными действиями корабля “Париж”. Я приказал изъявить ему свою благодарность во время самого сражения, но не на чем было поднять сигнал: все фалы были перебиты». Адьютант Нахимова, подойдя на шлюпке к борту «Парижа» под обстрелом противника, передал благодарность командующего.

Так же успешно сражались и экипажи других русских кораблей. «Команда вела себя выше всякой хвалы. Что за молодецкая отвага, что за дивная хладнокровная храбрость! — писал мичман А. Сатин с корабля “Три Святителя”. — Как теперь вижу: стоит красавец комендор, знаменосец 32-го экипажа, Иван Дехта, и держит большим пальцем правой руки запал у только что выстрелившего орудия. Вырвало ядром рядом с ним двух человек, он бровью не пошевелил, только скомандовал, когда орудие было готово: “К борту!” И этот же самый Дехта, бледный как полотно, через две недели дрожащей рукой вынимал жребий на Георгиевский крест...»

Подвиг

Моряки нахимовской эскадры проявляли инициативу и находчивость в бою. В разгаре сражения на корабле «Три святителя» вражеским снарядом был перебит якорный канат, и корабль стал разворачиваться по ветру кормой к неприятелю. Мичман П. Варницкий бросился к баркасу, чтобы исправить повреждение. Но неприятельское ядро попало в баркас и ранило мичмана. Варницкий тотчас же перескочил в другую шлюпку, матросы налегли на весла, и через несколько минут повреждение было устранено, корабль вновь развернулся в нужном направлении и снова открыл огонь по противнику из всех орудий.

Турецкий снаряд разорвался на батарейной палубе линейного корабля «Ростислав». Огонь подбирался к кюйт-камере, где хранились запасы пороха. Дорога была каждая секунда. Мичман Н. Колокольцев бросился к пороховому погребу и, пренебрегая жизнью,

быстро ликвидировал опасность. Корабль был спасен. «За особенное присутствие духа и отважность, оказанные во время боя», адмирал Нахимов представил мичмана Колокольцева к боевой награде.

Линейный корабль «Три Святителя» вступил в борьбу с фрегатами «Каиди-Зефер» (54-пуш.) и «Низамие»; первыми неприятельскими выстрелами у него перебило шпринг, и корабль, повернувшись по ветру, подвергся меткому продольному огню одной из береговых батарей, причем сильно пострадал его рангоут. Снова заворотив корму, он очень удачно стал действовать по «Каиди-Зеферу» и другим судам и принудил их броситься к берегу.

Во время Синопского сражения русские корабли умело взаимодействовали между собой и помогали друг другу. Когда командир корабля «Ростислав» капитан 1-го ранга А.Д. Кузнецов заметил, что береговая турецкая батарея наносит сильные повреждения кораблю «Три святителя», то огонь «Ростислава» был сразу же перенесен на эту батарею. Совместными усилиями двух кораблей сильные береговые укрепления противника на правом фланге были подавлены.

Иная картина наблюдалась в турецкой эскадре. В самом разгаре сражения английский советник А. Слейд на пароходе «Таиф» снялся с якоря и ушел в Константинополь, поскольку опытный англичанин еще в начале боя понял, чем он кончится, и не желал разделить печальную судьбу своих сослуживцев, к которым он относился довольно прохладно. Бегство англичанина дало повод последовать его примеру турецким офицерам: оставил свой корабль Измаил-бей — командир парохода «Эрекли», Ицет-бей — командир корвета «Фейзи-Меабуд» и др. Спустя три часа после начала

сражения ни один из неприятельских кораблей не оказывал сопротивления русской эскадре. Вскоре были подавлены последние береговые батареи.

Первые турецкие залпы раздались в полпервого дня, а через два часа с небольшим уже все было почти кончено (а окончательно закончилось еще через час с минутами). За это время русская эскадра выпустит 16 800 снарядов с точностью, не ожидаемой противником, в разгар сражения делая до 200 залпов в минуту, чего ни один флот мира не мог повторить. Видимо, инстинктивно это чувствуя, население Синопа бежало в горы еще в самом начале боя, а ближе к его концу к бежавшим присоединятся и более тугодумные городские власти и сухопутный гарнизон.

Командам кораблей и войскам на них повезет значительно меньше: три четверти команд погибнет. Равно как и все корабли (кроме «Тайфа»), на которые еще перед боем Осман-паша и велел погрузить эти злополучные войска, уверенный в успехе, с приказом занять русские корабли после победы над ними.

Корабли Осман-паши один за другим взрывались, садились на мель, бросались — горящие — своими командами. В результате сражения все пятнадцать турецких кораблей и их береговые батареи были уничтожены.

Все вверенные Осман-паше войска были либо уничтожены, либо взяты в плен, включая и самого турецкого адмирала. Но убитых было гораздо больше, чем пленных, — бой был слишком горяч. Тем удивительнее, что эскадра Нахимова потеряла всего 38 убитыми и 240 ранеными. Даже не удивительнее, а поразительнее — ибо за этим стояли талант флотоводца, искусство командиров и высокая выучка экипажей.

В конце боя к Нахимову подоспело дополнительное подкрепление — на помощь пришел его командир, начальник

штаба Черноморского флота вице-адмирал В.А. Корнилов (пароходо-фрегаты «Одесса», «Крым» и «Херсонес»). Они сразу вступили в бой, но он уже затухал. Корнилову осталось лишь поздравлять своего подчиненного с блестящей победой. Оценивая значение победы, Корнилов отмечал в письме жене: «Имею времени только тебе сказать, что 18 ноября произошло сражение в Синопе. Нахимов с своей эскадрой уничтожил турецкую и взял пашу в плен. Битва славная, выше Чесмы и Наварина... Я с отрядом пароходов пришел вначале и потому был свидетелем великого подвига Черноморского флота. Ура, Нахимов! М.П. Лазарев радуется своему ученику!»

Один из офицеров Корнилова сделал зарисовку картины, раскрывшейся перед ними в Синопе: «Большая часть города горела, древние зубчатые стены с башнями эпохи Средних веков выделялись резко на фоне моря пламени. Большинство турецких фрегатов еще горело, и когда пламя доходило до заряженных орудий, происходили сами собой выстрелы, и ядра перелетали над нами, что было очень неприятно. Мы видели, как фрегаты один за другим взлетали на воздух. Ужасно было видеть, как находившиеся на них люди бегали, метались на горящих палубах, не решаясь, вероятно, кинуться в воду. Некоторые, было видно, сидели неподвижно и ожидали смерти с покорностью фатализма. Мы замечали стаи морских птиц и голубей, выделяющихся на багровом фоне озаренных пожаром облаков. Весь рейд и наши корабли до того ярко были освещены пожаром, что наши матросы работали над починкой судов, не нуждаясь в фонарях. В то же время весь небосклон на восток от Синопа казался совсем черным».

Уходя от турецких берегов, Нахимов направил письмо находившемуся в Синопе австрийскому консулу, в котором

объяснял причины нападения на турецкую эскадру, и просил сообщить о ней местным властям.

Русские корабли все нуждались в починке, но ни один из них не затонул. 20 ноября Нахимов закончил ремонтные работы и отошел от Синопа. Поврежденные русские суда вели на буксире пароходы.

После синопской победы П.С. Нахимов получил послание от Николая I:

«Высочайшая грамота

Нашему Вице-Адмиралу, Начальнику 5-й Флотской дивизии, Нахимову

Истреблением турецкой эскадры при Синопе вы украсили летопись Русского флота новой победой, которая навсегда останется памятной в морской истории

Статус военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия указывает награду за ваш подвиг, исполняя с истинной радостью постановление статуса, жалуем Вас кавалером Святого Георгия второй степени большого креста, пребывая к вам Императорскою милостью Нашею благосклонны.

На подлинной Собственной Его Императорского Величества рукою написано:

Николай

С.-Петербург, 28-го ноября 1853 года».

В рапорте А.С. Меншикову 29 ноября Нахимов писал: «Поставляя непрременным долгом своим свидетельствовать пред в. с-тью об отлично-усердной службе вообще гг.офицеров и команд на судах, состоявших в нынешнем лете под моим начальством, и о примерном мужестве, храбрости и искусстве, оказанных ими во время истребления отряда турецких судов и батарей в Синопе, имею честь покорнейше просить ходатайства в. с-ти о награде отличившихся гг.

флагманов, командиров судов и офицеров, как в прилагаемом у сего списке значится. Нижним же чинам вообще за истинно русскую храбрость и присутствие духа во время боя... почтительнейше прошу исходатайствовать денежное награждение для всех и знаки Георгия Победоносца... Осмеливаюсь присовокупить, что таковое ходатайство в с-ти поставляю выше всякой личной мне награды».

Ныне 1 ноября является Днем воинской славы России — Днем победы русской эскадры под командованием П.С. Нахимова над турецкой эскадрой у мыса Синоп.

22 ноября русская эскадра с триумфом возвратилась в Севастополь. Здесь эскадру Нахимова торжественно встречали моряки и горожане. Все были веселы и счастливы. За некоторым исключением, в которое входил и Нахимов.

Как вспоминали его сослуживцы, «Павел Степанович не любил рассказывать о Синопском сражении. Во-первых, по врожденной скромности и, во-вторых, потому, что он полагал, что эта морская победа заставит англичан употребить все усилия, чтобы уничтожить боевой Черноморский флот, что он невольно сделался причиной, которая ускорила нападение союзников на Севастополь».

Рассказывали, что о поэте, приславшем ему свою оду на Синопское сражение, адмирал сказал: «Если этот господин хотел сделать мне удовольствие, то уж лучше бы прислал несколько сот ведер капусты для моих матросов».

Нахимов оказался прав. Синопская победа сыграла большую положительную роль в плане улучшения обстановки на Кавказском театре военных действий. «Быстрое и решительное истребление турецкой эскадры, — писал Нахимов, — спасло Кавказ, в особенности Сухум, Поти и Редут-Кале; покорением последнего досталась бы в добычу туркам Гурия, Имеретия и Мингрелия». Однако эта победа

оказалась для России роковой в стратегическом плане. Известие о Синопе вызвала истерику в английской и французской прессе, встревожила правящие круги и заставила их действовать решительней. Так, в английских газетах эти события назвали «синопской резней».

Уже в январе 1854 г. в Варне Англия и Франция сосредоточили свою объединенную 70-тысячную армию, а менее чем через два месяца предъявили России ультиматум, требуя убрать русские войска из Дунайских княжеств. Они угрожали ударить по русской армии, к тому времени форсировавшей Дунай и успешно громившей турок на Балканах.

ДУНАЙСКИЙ ТЕАТР ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Как и в ходе предшествующих Русско-турецких войн, в 1853 г. первоначально казалось, что главные боевые действия и в этой войне развернутся на Балканском полуострове. Именно на Дунайском театре в начале войны турецкие войска первоначально попытались перейти в наступление. Численный перевес был на их стороне. Против 82-тысячной русской армии Порты двинула почти 150-тысячную армию во главе с Омер-пашой. Османы в нескольких местах предприняли попытки переправиться через Дунай. Однако большинство их атак были успешно отражены в ходе сражений в конце 1853 — начале 1854 г. Была уничтожена и турецкая Дунайская флотилия.

11 марта 1854 г. русские войска численностью в 45 тысяч человек форсировали Дунай в его верховьях у Браилова, Галаца, Измаила и начали штурм вражеских укреплений у крепости Тульчи в Северной Добрудже.

С началом войны Николай I издал манифест, в котором вспомнил слова своего старшего брата, произнесенные тем

в годину Отечественной войны: «С железом в руках, с крестом в сердце станем перед рядами врагов на защиту драгоценнейшего в мире блага безопасности и чести отечества».

Подвиг

Именно так — с крестом в сердце — и встал на обережение родной земли отец, Иоанн Пятибоков. Встал истово, и хотя руки его сжимали не оружие, он был так же, как и русские солдаты, страшен врагу, страшен своей любовью к родному очагу и своей готовностью положить живот в защиту его.

Протоиерей Пятибоков был к этому времени уже опытен в ратном служении, ибо начал службу младшим священником в Костромском егерском полку еще в 1848 г. Вместе с полком принял участие в Венгерском походе, и за усердную пастырскую деятельность во время этой военной кампании был назначен в 1850 г. в возрасте 30 лет старшим священником в Могилевский пехотный полк и — одновременно — благочинным 7-й пехотной дивизии. В этих качествах он и встретил начавшуюся Восточную войну, разделяя с могилевцами все тяготы ратной службы, все ужасы войны, видя образцы воинской доблести и сам в нужный момент проявляя доблесть. Самым ярким эпизодом которой был подвиг 11 марта 1854 г.

Его родной Могилевский полк был в составе отряда генерал-лейтенанта Ушакова, который в десять часов утра начал переправу через Дунай.

По переправе два батальона могилевцев во главе с командиром полка полковником Тяжельниковым двинулись вправо — для наблюдения за неприятельскими батареями, располагавшихся на высотах

Старой Тульчи. Сюда турки начали поспешно стягивать войска из ближайших окрестностей, сюда же двинулось и подкрепление из Исакчи.

Видя это, генерал Ушаков решил взять береговые батареи — дабы к ночи обеспечить безопасность своего правого фланга и самой переправы. Батальоны под командованием полковника Тяжельникова пошли вперед. Ближайший турецкий редут, занятый лишь неприятельской пехотой, был взят с ходу.

Однако вторая батарея турок — гораздо более укрепленная — решила так просто не сдаваться. Едва русские батальоны двинулись к ней, как турки открыли картечный огонь из 6 орудий и сильнейший огонь из ружей. Этот вал огня вырвался из обширного сомкнутого укрепления, когда могилевцам оставалось до батареи никак не менее ста саженей и оказался весьма губительным: первыми же выстрелами были ранены шедшие во главе штурмовых колонн полковник Тяжельников, командир 1-го батальона могилевцев подполковник Амонтов и прикрепленный к могилевцам капитан Генерального штаба Вагнер.

Батальон, оставшись без командиров, минутно замешкался, но тут капитан Домбровский и штабс-капитан Петров взяли командование на себя. Перестроив полубатальоны в ротные колонны, они повели солдат на штурм батареи со стороны реки. Одновременно 2-й батальон, взявший до этого первую турецкую батарею, во главе со своим командиром майором Богуславлевичем пошел на штурм центрального входа неприятельского укрепления.

Но и там, и там турки атаки отбили, хотя солдаты 1-го батальона и влезли уже было на вал. Все

же непосредственно от стен пришлось отступить, но недалеко. Почти что тут же — во рвах и за деревьями — батальоны залегли и затеяли с засевшими на батарее османами жаркую перестрелку, в чем пехоте помогли четыре орудия 2-й легкой батареи под начальством батарейного командира подполковника Храповицкого, также затеявшего с турками картечную дуэль.

Бой продолжался уже шесть часов — люди устали, измучились, количество убитых и раненых стремительно росло: все же русский отряд продолжительное время сражался с укрывшимися за укреплениями турками, сам же защищенный единственно своим мужеством. Наступал критический момент боя, чреватый разразиться непредсказуемым и необратимым.

Это почувствовал Ушаков, пославший на помощь могилевцам 3-й и 4-й их батальоны и три батальона только что переправившегося Смоленского пехотного полка. Это увидел и отец Иоанн, бывший все время в гуще боя. Увидел и понял, что настал его час, час, когда человек должен делом доказать свое право жить в этом мире не потупляя глаз. Если даже за это придется заплатить по самой высшей цене.

Утешив себя мыслью, что «благо положить живот свой за святую веру, царя и отечество на войне против врага и супостата, яко жертву Господу Вседержителю», отец Иоанн возложил на себя епитрахиль и, взяв в руки святой крест, встал в полный рост. Перед своими однополчанами. Перед вражеской батареей.

Но отец Иоанн не смотрел в сторону турецкого укрепления — он искал взглядом глаза своей много-

летней паствы. И когда все взоры обратились к нему, он осенил всех бывших здесь крестом и окропил святой водой. Вслед за чем страстно вскричал:

— С нами Бог, ребята, и да расточатся враги Его!.. Родимые, не посрадим себя! Сослужим службу во славу Святой Церкви, в честь государя и на утешение нашей матушке России! Ура!

С этими словами священник наконец повернулся лицом к вражескому укреплению и пошел на него. Солдаты ринулись следом, на ходу обгоняя своего духовного пастыря. Тем не менее отец Иоанн не особенно отстал — он в первых рядах вошел на укрепление осман, осеняя крестом все страны света.

Он был рядом с майором Богославлевым, возглавившим атаку могилевцев, которых подкрепили подоспевшие смоленцы. Рядом с майором он и получил две сильнейшие контузии — первая цепь атакующих всегда самая приметная. Контузии, а не раны, хотя отца Иоанна спасло лишь чудо: от святого креста, бывшего у него на груди, пуля отбила полностью правую перекрестную сторону, а епитрахиль, также бывшая на нем, была разорвана картечью.

И все же до конца боя — до полной победы — отец Иоанн оставался на своем пастырском посту, видный всем — и друзьям, и неприятелю.

Мужество пастыря, героизм солдат и офицеров не пропали даром — батарея была взята, и турки, уstraшенные тем, как она была взята, почти тотчас же без сопротивления позволили занять русским две береговые дунайские крепости — Тульчу и Исакчу. Беспристрастный же рапорт о сем бое могилевцев прямо говорил, кому обязаны были они данной викторией:

«По всей справедливости, с чувствами христианскими должно сознаться, что этой славной победой могилевцы обязаны влиянию счастливой звезды любимого полководца и благословению Господню, преподанному батюшкой. Крест, коим осенял отец Иоанн славных героев, имеет быть в память воинам Могилевского полка, как свидетель геройским подвигам его. Для всеподданнейшего доклада его императорскому величеству сей крест вместе с епитрахилью отправлен господину обер-священнику армии и флотов Кутневичу своевременно».

Побед в скором времени могло стать больше, что и заставило Англию и Францию поторопиться с ультиматумом. Не получив на него ответа, они в феврале 1854 г. объявили России войну. В это же время Австрия подписала с султаном договор о занятии своими войсками этих княжеств и расположила на их границах 300-тысячную армию. Австрию поддержала Пруссия.

Поначалу Николай I отверг и требования Австрии. 29 апреля русские войска на Дунае возобновили наступление. 5 мая была осаждена крупнейшая турецкая крепость Силистрия на южном берегу Дуная. Взятие этой крепости открывало кратчайший путь на Константинополь. Осадные работы проходили довольно успешно. Однако давление со стороны Австрии нарастало. Николай I поначалу не желал верить в серьезность намерений только что спасенной им империи Габсбургов. «Не верю!» — такие слова писал царь на полях донесений дипломатов. Однако вскоре ему пришлось поверить. 9 июня фельдмаршал И.Ф. Паскевич отдал приказ о снятии осады Силистрии и отходе войск за Дунай.

Теперь основные силы русской армии в Дунайских княжествах пришлось сосредоточить против нависшей с северо-запада австрийской армии. Против Омер-паши остались лишь заслоны. 23—25 июня 1854 г. почти 50-тысячный турецкий корпус атаковал 6-тысячный отряд генерала Ф.И. Соймонова у города Журжа на левом берегу Дуная. После упорного сражения Соймонов был вынужден отступить к Бухаресту. Вскоре из Варны союзники двинули против русских три французские дивизии, но эпидемия холеры, разразившаяся среди солдат, заставила их повернуть назад.

В конце концов Николай I был вынужден подчиниться Австрии и отдал приказ о выводе русской армии из Молдавии и Валахии. К сентябрю 1854 г. русские войска отошли за Прут. Австрийцы почти сразу же ввели свои войска в Дунайские княжества. Теперь, казалось, повода для военного противостояния больше нет. Но так казалось только России. Англия и Франция преследовали совсем иные цели, и для них все еще только начиналось.

В это время они ведут сложные дипломатические игры, целью которых было привлечение к коалиции против России Австрии, Пруссии, Швеции, Сардинии. Откликнулась позднее только последняя, пославшая в Крым подкрепление войскам союзников 15-тысячный корпус. Остальные напрямую войну России не объявляли, лишь нависая над ее рубежами и отвлекая этим значительные силы русской армии.

ФЛОТ СОЮЗНИКОВ НА ЧЕРНОМ МОРЕ

Англия и Франция располагали значительными силами, и они начали свою войну, собираясь разом военным путем решить систему взаимоотношений с Россией, то, что ранее проводилось в жизнь путем дипломатии, торговли, финансов.

Свое непосредственное вступление в войну против России Англия и Франция начала 10 (22) апреля 1854 г. с массовой бомбардировки чисто торгового порта Одессы и попытки высадить там десант. Высадка сорвалась благодаря героическим действиям батареи прапорщика Щеголева.

Корнилов назвал бомбардировку «чисто коммерческого города» «безуспешной, бесполезной и бесчеловечной». Общественность многих стран Европы разделяла эту точку зрения — и несколько английских и французских подданных, в это время находившихся в Одессе, в знак протеста даже отказались от своего гражданства. Но в их действиях преобладали эмоции, вполне уместные у простых граждан, но недопустимые в большой политике. В оценке же Корнилова — чисто военный подход, с позиции которого нападение на Одессу действительно было явно бесполезным.

Однако руководители стран союзников, планировавшие данную акцию, исходили из более перспективной логики — ибо войны и политика этой эпохи все более явственно (и чем дальше — тем больше) подчинялись экономике, становящейся поистине краеугольным камнем общества. Экономическая же целесообразность требовала именно нейтрализации Одессы, крупнейшего торгового порта России, через который шло более половины хлебного экспорта России (а хлеб в то время был главной статьей вывоза и основным источником поступления валюты для государства Николая I).

Приведем несколько цифр. С 1826 г. до 1851 г., т.е. незадолго до начала спора «о святых местах», через все российские балтийские и беломорские порты было вывезено около 30,5 млн четвертей (четверть = 128 кг) хлеба, а из черноморских за это же время — около 56,5 млн четвертей (и напомним: более половины из этих 56 млн — из Одессы).

И еще, из 30 млн, вывезенных через запад и север, лишь 4 млн составляют ценные сорта хлеба, а из 56 млн черноморских — 52 млн четвертей. Англия признавала, что из черноморских портов в 1852 г. получила 59 % всей завезенной в страну пшеницы. (Вообще, Англия, как и сотни лет назад — с допетровских времен, — весьма нуждалась в русском сырье, без которого уже практически обходиться ей было весьма сложно. Так, даже с началом войны она не прекратила закупок российских товаров через нейтральные страны: через Пруссию она получит в 1853 г. 54 центнера сала, а в 1854 г. — уже 253 955 центнеров; конопли: в 1853 г. — 3447 центнеров, в 1854 г. — уже 366 220 центнеров, льна: в 1853 г. — 242 383, в 1854 г. — 667 879 центнеров.)

Одесса играла еще особую роль в перспективных планах союзников и потому, что освободившиеся по Адрианопольскому мирному договору 1829 г. Молдавия и Валахия, также развернувшие обширную хлебную торговлю (ранее Турцией запрещалось вывозить зерно куда-либо, кроме Стамбула), находились под доминирующим влиянием России. Их крупнейшие хлебозакупочные организации в Браилове и Галене находились под заботливым присмотром России, контролировавшей устье Дуная и часть зерна направлявшей в Одессу, диктовавшей окончательные цены англичанам и французам (необходимо также заметить, что молдавско-валахская пшеница, хоть и уступала русской, все равно была значительно лучше той, что получала Англия из Канады, США и Пруссии, — так что выбора у англичан, по сути дела, и не оставалось).

Экономика властно диктовала наступившую войну еще задолго до ее начала — и это несмотря на то, что верховная власть, аристократия, придворные круги в Англии, Австрии, Пруссии, Швеции, Дании, не колеблясь, были на стороне

Николая I, как самодержца-личности, так и его политики охранения, сбережения и упрочивания существующего положения дел (правда, попытка сохранить достигнутое, не продвигаясь вперед, была чревата непредсказуемыми последствиями).

Впрочем, как и попытка идти в ногу с прогрессом. П.Х. Граббе в своем дневнике писал: «Странно и поучительно, что в общих мерах покойного государя, обращенных наиболее на военную часть, были упущены две такие важности, каковы введение принятых уже во всех западных армиях усовершенствований в артиллерии и в ружье; в особенности огромный недостаток пороха, что я узнал из уст самого государя и что, впрочем, везде и оказалось. Этому пособить было трудно». В последний момент — конечно. Всё, а уж тем более готовиться к войне, лучше заранее.

Однако подготовиться не смогли — не потому, что не хватало понимания. И за три года до войны московский генерал-губернатор А.А. Закревский подает Николаю I доклад: «Имея в виду неусыпно всеми мерами охранять тишину и благоденствие, коими в наше время под державою вашего величества наслаждается одна Россия, в пример другим державам, я счел необходимым отстранить всякое скопление в столице бездомных и большей частью безнравственных людей, которые легко пристают к каждому движению, нарушающему общественное и частное спокойствие. Руководствуемый этой мыслью, сообразной с настоящим временем, я осмелился повергнуть на высочайшее воззрение вашего величества всеподданнейшее мое ходатайство о недозволении открывать в Москве новые заводы и фабрики, число коих в последнее время значительно усилилось, занимая более 36 000 фабричных, которые состоят в знакомстве, приязни и даже часто в родстве с 37 000 временно-цеховых, вольноотпущенников

и дворовых людей, не отличающихся особенно своей нравственностью... Чтобы этим воспрепятствием не остановить развитие русской нашей индустрии, я предположил дозволить открытие фабрик и заводов в 40 или 60 верстах от столицы, но не ближе».

Однако в тех местах, равно как и во всех других, мыслили подобным же образом. Мысль сама по себе правильная, но вот последствия ее воплощения были более разнообразны, чем изначально задумывалось. Впрочем, это свойство любой теории, надеющейся охватить все многообразие реальной жизни и подчинить ее течение некоей универсальной схеме. Со временем выясняется, что теория не в состоянии объять необъятное, но это знание, как правило, уже достается потомкам теоретиков. Пока же следствием было то, что перед войной на каждый полк приходилось по 72 нарезных ружья (о которых столь горячо ратовал лесковский Левша), остальные — гладкоствольные, доставшиеся с предыдущих войн и эпох, дававшие даже в руках лучших частей — гвардейцев — лишь 10 % попаданий в большую мишень.

Именно подобная точность позволяла цепям ходить в штыковую под залпами противника и доходить с допустимыми потерями до его укреплений. Почти такая же картина — устарелость, изношенность — наблюдалась в артиллерии. Так, ружья и пистолеты делали всего на трех заводах — Тульском, Ижевском и в уральском Сестрорецке — где-то 50—70 тысяч штук в год. Война показала, что нужда в них — до 200 тысяч ежегодно. И — нарезных... Орудия производились также тремя арсеналами — Петербургским, Киевским, Брянским — не более 120 в год, а война сказала: нужно втрое больше. Порох выделывали тоже в трех местах — на Охтенском, Шостенском и Казанском заводах в количестве 60—80 тысяч пудов в год. Но лишь

при обороне Севастополя будет израсходовано 250 тысяч пудов. А наступление С.А. Хрулева на Евпаторию 5 февраля 1855 г., неудача которого окончательно сломила Николая I (14 февраля император получит известие о разгроме хрулевского отряда, а 18-го его, сломленного всем ходом дел, уже не стало), захлебнется во многом именно из-за нехватки пороха: русские пушки стояли с жерлами, обращенными вдоль широкой улицы, отделяющей город от моря, когда по ней шло к неприятелю подкрепление и... не стреляли. Один из участников сражения позднее напишет, что лишь через три дня «я узнал... что пороху оставалось по одному заряду в пушках, который нельзя было выпускать, чтобы не лишиться прислугу того убеждения, что пороху еще довольно».

Войны начинали состоять не только из доблести солдат и знаний командиров, но и все более из средств и орудий войны. Новые эпохи диктовали новые условия жизни и смерти, становящиеся хоть и новыми, но незыблемыми законами.

И законы эти все более громко и четко начинали диктоваться экономикой. Еще в 1841 г. английский посол в России писал в Лондон: «В Европе нет спроса на грубую продукцию русского мануфактуриста. Единственное направление, следовательно, в котором может быть найден сбыт для нас, это Азия, а главная цель запретительной системы в России и покровительства, которое оказывается отечественному мануфактуристу, заключается в том, чтобы вытеснить более дешевыми товарами британскую продукцию на Востоке. До сих пор это им, может быть, не удавалось, и мне неизвестно, произошел ли какой-нибудь вред для наших интересов от этого соперничества, но русские — упорный народ и империя (Россия. — *Авт.*) идет вперед к цивилизации, и так как средства транспорта улучшаются, — каковому предмету

уделяется большое внимание, — то близость России к этим странам может иметь губительное влияние на английскую торговлю».

Торговля России с Портой стояла на четвертом месте после Англии, Франции и Австрии, причем лишь Россия и Англия ввозили больше, чем вывозили, т.е. турки платили золотом за их товары, а не наоборот. И Англия испытывала весьма ощутимую конкуренцию русских купцов и в Порте, и в Средней Азии, и в Персии. Причем в Персии начиная где-то с 1845 г. русские купцы стали отбирать первое место у английских. Тем значимее становилась для Англии Турция, которая в годы перед началом войны закупала английских товаров больше, чем более богатая и обладающая большим количеством населения Россия.

В английских деловых и политических кругах накануне войны господствовало вполне резонное и обоснованное мнение, что разгром Турции, в особенности — захват ее Россией, будет означать разгром английской торговли. Или во всяком случае будет равен тяжелому поражению. Аргументами этого тезиса служило и то, что в 1852 г. Англия ввезла из России 957 четвертей зерна, а из Порты (правда, почему-то с учетом Молдавии и Валахии) — 1 875 000 четвертей. Подчеркивалось также, что с потерей самостоятельной Турции исчезнет единственный независимый от России торговый путь с Персией, прежде всего с самой богатой ее частью — северной.

Поэтому-то и сделанное Николаем I предложение англичанам поделить «наследство» «большого человека», т.е. Турции, вызвало в Лондоне резкое неприятие. Ибо Англии предлагались Египет и Крит, и в перспективе — Архипелаг, России же должны были отойти, к ее сфере влияния, помимо Молдавии и Валахии, Сербия, Болгария, Греция. Николай претендовал также на Проливы и Стамбул, и англичане

понимали, что вскоре к нему отойдет также вся Малая Азия, сопредельная с Кавказом. Это могло стать крахом всей глобальной стратегии Англии. И самое неприятное, что дело потихоньку к этому шло — поскольку Турция сама по себе противодействовать в военном отношении не могла, и, кроме того, из 15,5 млн жителей европейской ее части (в азиатской Турции никакая статистика не велась и количество жителей в ней было покрыто мраком) более 11 млн были православными, т.е. видевшими в России своего традиционного защитника и покровителя.

Европа пока предпочитала действовать старыми, проверенными путями — ее товары все более наводняли Турцию, Порте охотно предоставлялись займы, правда, не на совсем альтруистических условиях. В перспективе планировалось взять все административное управление и финансы в свои руки. Как были в руках европейцев — прежде всего англичан и французов — промышленность, торговля, кураторство над высшими военными кадрами (и институт военных советников-европейцев). И в конце концов — посадить на турецкий трон какого-нибудь европейского принца. Поэтому турок целенаправленно отлучали от технических новинок (за исключением тех, которые продавались под видом неслыханного благоденствия), от любого рода социальных изменений.

Сохранилось воспоминание одного пашы, который как-то представил английскому послу свой проект допущения христиан на военную службу. Разгоряченный предыдущими заверениями англичанина о стремлении его страны всемерно помогать Порте паша с недоумением услышал отзыв на свое разумное предложение, принятие которого во многом могло бы выправить положение Турции: «Таким образом, христианские подданные будут иметь в своем

распоряжение через несколько лет целую армию, вполне обмундированную и обученную, способную сражаться; этого не должно быть, мы вовсе не для того заботимся о неприкосновенности Турецкой империи и не для того старались обеспечить ее трактатами».

Сходно же думали и во Франции, увеличивавшей свой торговый оборот с Портой с 1836 г. до конца войны, т.е. 1856 г., по ввозу в шесть раз, а по вывозу — более, чем в шесть с половиной раз. Поэтому-то еще в 1852 г. один из французских адмиралов публикует свой подсчет английского и французского флотов и делает вывод: «Если разразится война с Россией, то с помощью нашего флота мы можем уничтожить ее торговлю на Черном море, опустошить там ее берега, проникнуть через Балтику и Неву даже в Петербург». Действительно, статистика — при некотором энтузиазме и излишнем оптимизме — позволяла делать схожие выводы: Россия имела меньше кораблей, особенно проигрывая по крупным торговым судам, которые в то время легко могли превратиться в военные. Что позволяло тому же адмиралу сделать конкретное утверждение, почти аксиому: «Наше морское могущество — это здание, краеугольный камень которого — военный флот, а фундамент — торговый флот».

России вскоре пришлось познать правоту этого постулата на собственном опыте. Но пока — кроме Синопа — по России победно звенели вести о кавказских победах.

ВОЙНА НА КАВКАЗЕ

На Кавказе с началом войны обстановка сложилась особенно сложная: турецкая армия была уже в Карсе, а Россия только начала формировать действующий корпус. Нижегородский драгунский полк должен был играть в этом

корпусе немаловажную роль, и поэтому русский наместник и главнокомандующий на Кавказе князь М.С. Воронцов пригласил к себе на совещание его командира генерал-майора Я. Чавчавадзе.

Вскоре уже все в Чир-Юрте — месте расположения на квартирах нижегородцев — знали, что полк идет на турецкую границу в полном составе.

Драгуны еще только дошли до Тифлиса, а в 14 верстах от границы уже уютно забелели палатки 40-тысячного турецкого корпуса под началом мушира Абди-паши, и на высотах между Суботанью и Огузлами, под самыми стенами Александропольской крепости зарыскали отряды неприятельской конницы, грабя и выжигая все вокруг. Это заставило нижегородцев двинуться в Александрополь форсированным маршем по кратчайшей дороге — через Безобдал.

Вскоре последовал Бяндурский бой — кровавый пролог грядущих сражений, в котором русские хотя и победили, но оставили на поле битвы до восьмисот убитых — непривычно кровавую дань своей победы.

Об этом бое, как и многих других, говорил один из кавказских старожилков — казачий есаул: «Прекрасен Божий мир, а умирать надо. Умирать надо, чтобы отечество жило... Но когда все полюбят жизнь более всего на свете, и жертвы отдельных существований оскуднеют, тогда придет смерть отечеству, и самобытный народ делается рабом другого народа, не столь животолюбивого, как он. Останется народ, но не будет уже отечества».

Жертвы в Бяндурском сражении были вызваны нежеланием русского отряда отступить перед гораздо более многочисленным противником, расположившимся к тому же на господствующих высотах. Командование понимало, что, отступив при первой же встрече с противником, оно

и спасет, может быть, жизни солдат, но лишит их на всю кампанию того чувства, которое заставляет идти на сильнейшего противника. Идти и разбивать его.

И было решено не отступать. Небольшой отряд русских принял бой со всем турецким корпусом и принудил его к отступлению, понеся при этом значительные потери. Но что-то уже произошло — это подтвердили следующие бои: Баш-Кадыклар и Кюрюк-Дар.

14 ноября 1853 г. весь действующий корпус, насчитывающий всего 8,5 тысяч, перешел Арпанчай, и, пройдя около семнадцати верст уже по турецкой земле, остановился у Перевали, бедной армянской деревушки, еще хранившей явные следы недавнего посещения ее армией Абди-паши.

Спустя три дня на одну из фуражирных команд, высланных от Перевали и состоявшую из сотни спешенных нижегородцев, напала турецкая кавалерия. Фуражирами командовал поручик Амилахвари, который не растерялся и не дал захватить своих людей врасплох: по его приказу драгуны быстро образовали каре и встретили противника плотным ружейным огнем.

К ним на помощь прискакал из лагеря еще эскадрон драгун, бегом подошли два батальона пехоты. Сюда же поспешно сошлись и все фуражирские команды. Общее командование над этими, для Кавказа весьма значительными, силами принял генерал Кишинский.

Конница турок уже к этому моменту исчезала, и генерал решил преследовать неприятеля.

По его приказу отряд перешел Карс-чай. Но тут же остановился — прямо перед небольшой группой русских на высотах Баш-Кадыклара стоял весь 40-тысячный турецкий корпус. Послали сообщить командующему корпусом,

и генерал-лейтенант князь В.О. Бебутов тотчас же решил, что противника без боя не отпустит. Турки также были настроены дать сражение.

Биография

Бебутов Василий Осипович (1791—1858)

Будучи адъютантом при главнокомандующем 3-й армией А.П. Тормасове, Бебутов участвовал в сражениях Отечественной войны 1812 г. и заграничных походах русской армии. В 1816 г. он был назначен адъютантом А.П. Ермолова, которого сопровождал в Персию. Участвовал при разгроме Акуши и штурме Хозрека. Занимался не только военной, но и административной и дипломатической деятельностью.

В 1821 г. Бебутов стал командиром Мингрельского егерского полка. В 1828 г. ему присваивают чин генерал-майора. Бебутов стал одним из активных участников при разгроме 90-тысячного турецкого корпуса под Ахалцыхом. За взятие этой мощной крепости он был награжден золотой шапкой и затем стал правителем Ахалцыхского пашалыка. На следующий год под его руководством было отражено нападение на Ахалцых 20-тысячной турецкой армии под руководством Ахмет-бека. Силами всего двух батальонов он сумел отбить отчаянный штурм турков и выдержать двухнедельную осаду. Когда к крепости подошло русское подкрепление, Бебутов возглавил преследование отступающего противника и нанес неприятелю решительное поражение.

По окончании войны Василий Осипович был назначен управляющим завоеванной Армянской области,

которой управлял до 1838 г. Затем он покинул Кавказ и в 1842 г. стал комендантом крепости Замостье.

Новое назначение на Кавказ Бебутов получил в 1844 г. Он стал командующим войсками Северного и Нагорного Дагестана. Участвовал в операциях против отрядов Шамиля и разбил его у села Кутиши. Затем сражался с отрядами горцев у урочища Цухедар и Худжал-Махи. За боевые заслуги был награжден орденом Св. Георгия 3-й степени. В 1847 г. Бебутов храбро сражался при взятии укрепленного аула Гергебиль, а затем был назначен начальником гражданского управления этим краем.

В 1853 г. он возглавил корпус, сосредоточенный на границе с Турцией. Во время войны нанес сокрушительное поражение 36-тысячному корпусу Рейс-Ахмета-паши под Башкадыкларом, имея под своим командованием всего 7000 солдат пехоты, 2800 кавалерии и 36 орудий. За эту победу Бебутов был награжден орденом Св. Георгия 2-й степени. Но военную славу ему принесло сражение 24 июля 1854 г. при селении Курук-Дара, где он, командуя 18-тысячным отрядом, нанес решительное поражение 60-тысячной турецкой армии под командованием Зарифа-Мустафа-паши. Это сражение стало решающим для окончания войны, и наградой Бебутову, который к тому времени был уже генерал-лейтенантом, стал орден Св. Андрея Первозванного.

После окончания Крымской войны Бебутов был назначен начальником управления гражданской частью и войсками, расположенными на кавказско-турецкой границе. В 1856 г. он был произведен в звание генерала от инфантерии. Скончался Бебутов 10 марта 1858 г.

Именно войска под командованием В.О. Бебутова одержали первую крупную победу в Крымской войне на Кавказском театре военных действий.

18 ноября 1853 г. прошло в приготовлениях — все лишнее отправили обратно в Александрополь и начальство объявило, чтобы солдаты были готовы к ночному движению.

19 ноября было суждено решиться целой кампании: русский корпус двинулся на турок. Те были сильны и, стало быть, беспечны — их командующий уехал в Карс распорядиться о расположении своих войск на зимние квартиры, а оставшийся за него Реис-Ахмет-паша, услышав о приближении русских, лишь приказал подготовить веревки, чтобы было чем вязать пленных, тех, кто сейчас так глупо и бесстрашно идут к нему прямо в руки. Противника ведь так мало, так что его, Реис-Ахмета, победа также неизбежна, как мощь Аллаха.

Османь также двинулись навстречу неприятелю, и когда Бебутов, перейдя Карс-чай, поднялся на высокий берег, то он и его подчиненные увидали толпы все прибывавшей конницы и блеск штыков пехотных колонн, под барабанный бой идущих на сближение.

Центр турецкой позиции располагался в деревне Огузлы, известной своим громадным каменным собором, от которого теперь турецкие батальоны тянулись влево и вправо, образуя непроходимую линию железа и огня. Бебутов приказал спуститься в долину и встать лицом к противнику.

Русский отряд построился в боевой порядок из двух линий. В первой под командой генерал-майора Кишинского встали два батальона Ширванского полка, батальон Куринцев, сводный батальон кавказских стрелков и сапер и две батареи. Во второй линии стояли — под началом генерал-майора князя И.К. Багратион-Мухранского 1-й и 2-й бата-

льоны Эриванского карабинерского полка и 1-й и 4-й батальоны Грузинского гренадерского полка. Русской кавалерией командовал генерал-майор А.Ф. Багговут.

Биография

Багговут Александр Федорович
(27.12.1806—02.05.1883)

В молодости Александр Багговут был определен в 1-й кадетский корпус. 19 марта 1825 г., окончив курс, кадет Багговут получил звание прапорщика и был зачислен в лейб-гвардии Московский полк. В его составе он принимал участие в восстании декабристов. «Для искупления вины» он в составе лейб-гвардии Сводного полка отправился на Кавказ, где участвовал в русско-персидской войне 1826—1827 гг.

В 1831 г. Александра Федоровича перевели в Литовскую артиллерийскую бригаду, с которой он особенно отличился 13 февраля 1831 г. в сражении под Гроховом. В этом бою Багговут был тяжело ранен, но не оставил места сражения до тех пор, пока не получил вторичное ранение в голову. После войны Багговута перевели в конную артиллерию, а в 1833 г. он был произведен в звание подполковника.

В 1849 г. Александр Багговут принимал участие в Венгерской кампании в качестве командира кавалерийской бригады и отличился в сражениях при селах Тур и Самбок.

В 1852 г. он получил назначение на Кавказ, став начальником 20-й пехотной дивизии и вместе с тем начальником левого фланга Кавказской линии.

В 1853 г. Багговут, командуя всей кавалерией Кавказского корпуса, активно участвовал в сражении

при Баш-Кадыкларе, получив за него чин генерал-лейтенанта и Георгиевский крест 3-й степени. Последним сражением на Кавказе, где отличился Багговут, был бой при Курю-Дара 24 июля 1854 г.

В 1855 г. Багговут командовал войсками, расположенными между Николаевым и Херсоном. Командуя 3-й кавалерийской дивизией, он участвовал в подавлении восстания в Польше в 1863 г. Скончался Багговут в 1883 г.

Начиналось сражение на высотах Баш-Кадыклара. В момент построения к А.Ф. Багговуту подлетел ординарец:

— Князь Бебутов желает, чтобы кавалерия встала на флангах.

— Князь, — обратился тотчас же Багговут к Ясону Чавчавадзе, — нас здесь два генерала: какой фланг вы выберете?

— Мне все равно.

— В таком случае берите правый, а я возьму левый.

Кавалерия заняла свое место на флангах. На правом встали три дивизиона нижегородцев — 1, 2 и 5-й (пикенерский), две сотни линейных казаков и четыре орудия.

На левом — 3-й и 4-й дивизионы драгун Чавчавадзе, семь сотен Кавказского линейного казачьего войска, дивизион конных орудий и дивизион Донской конно-казачьей 7-й батареи.

В 11 часов утра сражение началось. Оно началось без излишнего шума и помпы, но все же торжественно: на поле, где через несколько минут многие полягут, не было слышно ничего, кроме музыки. И русские, и турки шли вперед, сопровождаемые лишь чистым звуком труб и мерным рокотом барабанов. Шли спокойно, как ходят на учениях или парадах. Сорок тысяч против восьми.

Расстояние между наступающими с двух сторон боевыми линиями сократилось уже почти до ружейного выстрела — лишь тогда грянули первые пушечные залпы. Эти залпы показали Бебутову, что турки хорошо подготовились, — их главная 24-пушечная батарея располагалась на правом фланге, и, наступая, русские непременно почувствовали бы ее губительный огонь.

Тогда командующий приказал всей второй линии Багратион-Мухранского принять влево, обойти левый фланг первой линии русской позиции, подняться на Кадыкларские высоты и в штыковой атаке овладеть правым флангом главной позиции турок.

Бебутов не случайно именно Багратион-Мухранскому отдал этот приказ. Служа в армии уже почти четверть века, князь с началом войны был назначен командиром Кавказской резервной гренадерской бригады, как раз и состоявшей из Грузинского и Эриванского полков, Кавказского строевого батальона и трех батарей артиллерии. Это была отборная кавказская пехота, те, кого уже долгие годы звали в память о прошлых подвигах «боевым молотом Паскевича».

Под глухие, свергающие в транс единения, звуки полковых барабанов генерал повел свои батальоны, сам будучи впереди эриванцев. Он — как и всегда — исполнил приказание наилучшим образом. Следуя по указанному ему командующим направлению, при этом все время находясь под сильнейшим огнем турок, он стянул свои четыре батальона в удобной для этого лошине, закрытой от неприятельских выстрелов, и, дав там людям несколько минут отдыха, повел потом своих карабинеров вперед с барабанным боем и развернутыми знаменами — через довольно глубокие овраги — на штурм правого фланга неприятельской позиции, расположенной на скалистой высоте.

Поднявшись на эту высоту, карабинеры, предводительствуемые князем, были встречены пехотой осман, но, после весьма непродолжительного батальонного огня, русские опрокинули ее.

До этого момента русские батальоны — по приказу Багратион-Мухранского — шли вперед в полном молчании. Но тут по его сигналу раздалось мощное «Ура!». И во главе со своим генералом карабинеры пошли в штыковую на турецкие батареи. Артиллеристы в последний раз успели дать залп картечью по наступающим русским цепям и тут же были подняты на штыки. Им на помощь турецкий командующий срочно выслал четыре батальона пехоты, которые открыли плотный огонь и слитный ружейный огонь по карабинерам Багратиона.

Генерал вновь повел солдат в штыки на вдвое сильнейшего неприятеля, который их также встретил холодным оружием, отстаивая свои батареи. Штыковой бой не может длиться долго — у кого-то из противников не выдерживают нервы. Скоро турки, не выдержав натиска, побежали.

Шедшие в штурмовой колонне за карабинерами батальоны Грузинского гренадерского полка тем временем постепенно принимали вправо, чтобы, в свою очередь, произвести атаку на турецкую позицию. Неприятель заметил это в то время, когда был уже плотно вовлечен в бой с карабинерами. Но все же почти сразу же противник отделил особые батальоны против гренадер, и тут завязался ожесточенный рукопашный бой, после которого турки и на этот раз были принуждены отступить.

На батареях главной турецкой позиции заполоскались на резком ветру знамена 1-го и 2-го батальонов Эриванского карабинерского полка, а вслед за ними — и знамена гренадерских батальонов.

Успех карабинеров и гренадер был связан с тем, что в то время, когда они начали свой приступ, командующий левым флангом Багговут расположил свою кавалерию сообразно рельефу и открыл огонь артиллерии по правому флангу турецких батарей, отдав приказ подготовиться к атаке.

Тогда же по приказу Реис-Ахмат-паши масса иррегулярной конницы, высыпавшая из укрепления, завязала перестрелку с казачьей цепью и произвела натиск, а регулярный полк турецкой кавалерии пошел на рысях в атаку.

Подполковник Евсеев с четырьмя сотнями линейных казаков двинулся против него, но турки, расстроенные несколькими удачно брошенными гранатами, не приняли боя и повернули назад.

Тем временем толпа иррегулярной кавалерии Абди-паши продолжала свое движение вперед, и Багговут послал против них два орудия под прикрытием 3-го дивизиона нижегородцев. Удержав этим напор значительно превосходящего его по числу неприятеля, генерал, желая воспользоваться этим моментом и развить успех, закрепив его в деле, вновь направил вперед подполковника Евсеева и усилил огонь артиллерии. Иррегулярные части турецкой конницы были опрокинуты и частью бежали, частью рассеялись, хотя и продолжали еще до самого конца боя все время беспокоить крайние части русской кавалерии — но уже не натисками, а перестрелками и фланкированиями.

Между тем регулярный полк турецкой кавалерии, заметив, что русские артиллеристы переменили позиции и громят их иррегулярные части, снова предприняли атаку на 3-й дивизион драгун, но нижегородцы, подкрепленные артиллерией донцов, встретили их несколькими картечными залпами, а затем резким броском вновь заставили отступить.

Командир русской кавалерии, задержав конницу противника, выждал приближение русских штурмовых колонн первой линии. Но те, подойдя, замешкались, осыпаемые градом снарядов. Тогда Баговут принял решение атаковать турецкие батареи кавалерией. Для этого он отдал приказ: 3-й и 4-й дивизионы драгун, имея в интервалах четыре конные орудия, наступают прямо на правый фланг главной позиции неприятеля; семи сотням казаков — обскákat противника и выйти ему в тыл.

Генерал лично возглавил начавшееся наступление русской кавалерии. Это произошло одновременно с решительным ударом батальонов князя Багратиона-Махранского. Крутой овраг не остановил русскую конницу — она пронеслась через него во весь карьер. Взвод конной батареи под командованием есаула Кульгачева первым вынесся на противоположный край оврага, вслед за ним 3-й дивизион, затем — другой взвод батареи и 4-й дивизион.

Турки осыпали их картечью, и драгуны понесли большой урон. Но, несмотря на это, 3-й дивизион под командованием майора Петрова тотчас же пошел в шашки на фланговый батальон осман.

Этот батальон, быстро перестроившись в каре, расположил по углам своего построения орудия и открыл сильнейший картечный и ружейный огонь по наступающей русской коннице. Огонь не остановил драгун. Майор Петров со своими людьми все же пробился сквозь огненный смерч, врезался в каре и начал жестокую рубку. Подоспевший 4-й дивизион врубился в это же каре на другом смежном фесе.

Противником начала овладевать паника — наступающие и обороняющиеся перемешивались в невообразимую кроваво-стальную кашу. Смерч боя выплеснул вперед —

в самую гущу неприятельских толп — командира 7-го эскадрона капитана Чавчавадзе, одного из многих этого рода, служивших по стародавней традиции в Нижегородском полку.

Чавчавадзе был в предыдущих боях ранен в правую руку, она висела у него на перевязи, так что он даже не мог вынуть шашку. Но он решил вести в этот бой, слишком много значивший для всей небольшой армии русских, своих людей сам, чтобы разделить с ними все, предназначенное им судьбой.

При командире поэтому неотрывно находился его ординарец Слепужников, и теперь, когда его капитан оказался один в гуще вражеского батальона, солдат был рядом с ним. Он выхватил шашку и начал рубить направо и налево, прикрывая Чавчавадзе и расчищая ему дорогу к эскадрону, дравшемуся немного позади.

Прошло несколько минут непрерывной рубки, и вот Слепужников опускает шашку.

— Что же ты стал? — закричал ему Чавчавадзе.

— Не могу больше — устал.

— Понятно — ну, отдохни.

Сам же Чавчавадзе, выхватив плеть, начал щедрой рукой — левой — награждать наступающих и отступающих турок, в общем, всех подряд, всех, кто подвернется, полновесными ударами, уповая лишь на выгучку и понятливость своего жеребца, которым он мог управлять сейчас лишь ногами — единственная его действующая рука ведь была занята!

Наконец драгуны пробилась к своему командиру и его верному ординарцу, который, вновь воспрянув с силами, начал помогать своим товарищам в ратном их деле.

7-й эскадрон не был одиноким в своем наступательном порыве — на всех флангах турки начали отступать, с каждым мгновением все поспешнее.

Турки побежали. Кроме артиллеристов, показавших себя героями. Они защищали орудия до последнего и полегли на них под русскими клинками, предпочитая гибели позор отступления или плена.

Теперь остался лишь один пункт боевых порядков русского корпуса, где бой к этому моменту не только не затих, но и еще более усилился, — правый фланг русского корпуса, который держал генерал Ясон Чавчавадзе.

Этот фланг более всего способствовал победе при Баш-Кадыкларе, ибо Чавчавадзе сумел удержать свои линии, а затем и опрокинуть такие массы противника, которые значительно превосходили по числу своему весь русский отряд.

Перед началом боя Чавчавадзе расположил всех своих людей — в совокупности не более шестисот человек — в боевом порядке по небольшому оврагу, отделявшему русские войска от турецких и тянувшемуся от огузлинских полей почти перпендикулярно к его позиции.

Турки планировали наступлением на правый фланг Бебутова, минуя первую линию боевых порядков русских, обойти ее и выйти неприятелю в тыл — для решающего удара и захвата обозов. От того, сумеет ли Чавчавадзе удержать натиск массы неприятеля, напрямую зависела судьба боя. Впрочем, как и от всех остальных. Каждый был на своем месте и каждый исполнял свой долг до конца.

Через овраг, терявшийся в предгорьях Караяла, недалеко от этой горы проходила дорога — единственное возможное место движения. Здесь и должен был разгореться бой. Это понимали турки, густыми колоннами устремившиеся сейчас сюда. Но это понимал и Ясон Чавчавадзе, успев заранее подготовиться к достойной встрече дорогих, но не совсем желанных гостей.

Османы бесконечной лентой устремились к переправе. Два эскадрона турецких карабинеров, все как один сидящие на серых лошадях, первыми перешли овраг и, отжав от переправы казаков-линейцев, раскинули цепь. За ними, уже почти ничего не опасаясь, шла уланская бригада в полном составе своих двенадцати эскадронов, далее — шесть батальонов пехоты, усиленные целой батареей.

Русские молча смотрели на эту медленно наползающую людскую тучу, отчетливо понимая, что многие из них живут свои последние мгновения.

Ясон Чавчавадзе тоже пристально смотрел на наступающие порядки неприятеля, но ему, как командиру, отвечающему за порученное дело и жизни вверенных ему людей, было не до меланхолии и лирических сантиментов. Он смотрел, выжидая. Выжидая того единственного, может быть, момента боя, когда хрупкое равновесие еще не начавшегося сражения можно легким толчком опрокинуть в свою пользу, ошеломив противника и тем самым задав всю картину боя единственно возможной для тебя палитре.

Этот миг наступил, когда турецкая конница, миновав овраг, заслонила собой свою пехоту. И артиллерию. По его приказу вперед — на ближний картечный выстрел — пошли два эскадрона драгун с двумя орудиями. И тут же — вдогон — выслав последние два. Четыре орудия дали по неприятельской кавалерии картечный кураж. Тотчас же 1-й дивизион майора Барковского пошел на рысях в атаку. Два полка улан, не оправившихся еще от картечного залпа и не перестроившихся, были застигнуты врасплох.

Кавалеристов опрокинули на свою же пехоту. Противник, теряя стройные ряды парадов и беспечно-походных построений, начинал бестолково суетиться, не имея навыков мгновенного перестроения. Драгуны воспользовались и этим.

Барковский со своими людьми влетел в интервалы османской пехоты и смял несколько батальонов. Разметав пехоту, он продолжал гнать и улан. Турецкие батальоны, раздираемые драгунами, решили воспользоваться преимуществом огнестрельного оружия и открыли беспорядочный всеобщий ружейный огонь по русской кавалерии.

Пальба не причинила драгунам почти никакого вреда —ходящее ходуном в руках испуганного противника ружье может ранить лишь случайно. А смелым, говорят, еще и покровительствует судьба. Так что турецкая пехота своими залпами доставила неприятность лишь себе — она скрылась в клубах порохового дыма, и поэтому не видела, что русский генерал решил воспользоваться такой прекрасной подставкой.

Чавчавадзе — пока дым не рассеялся — сам повел оставшиеся четыре эскадрона на пехоту, приказав предварительно дать еще один картечный залп: на остальные уже не было времени — военачальник должен решать на поле боя все быстро. Счет идет на мгновения, и, упуская одно из них, ты упускаешь воистину все.

Чавчавадзе ударил ослепленной пехоте в лоб, а Барковский, к этому времени почти вконец уже растерзавший улан, бросил ошметья их полков и ударил турецкой пехоте с тыла. Драгуны начали опрокидывать батальон на батальон, мешая всех сопротивляющихся и уже не могущих этого делать, живых и мертвых в единую невообразимую кучу, которую можно представить себе только на войне.

Драгуны Барковского в этой мешанине не растерялись и отняли у впадающего в прострацию противника два орудия, одно из которых было густо покрашено в красный цвет. Это была знаменитая «красная пушка», пожалованная, судя по надписи, змеящейся по ней, самим султаном Анатолийской армии в знак особой своей к ней милости.

Пушка, видимо, была пожалована за храбрость, но поскольку пехотинцы Реис-Ахмета ее сейчас лишились, то и пушка стала им не нужна. Так что все было по справедливости.

«Отброшенные за овраг, — доносил генерал Чавчавадзе, — турки после этого еще пять раз пытались перейти в наступление; но всякий раз, пользуясь той минутой, когда уланы закрывали свои орудия, я атаковал и их, и пехоту и, благодаря храбрости Нижегородских драгун, успевал приводить и тех и других в расстройство. Задача, возложенная на меня, прикрыть наш корпус от обхода, была мною исполнена».

За этими словами — напряжение боя, мужество солдат и скромность командира.

Действительно, еще пять раз неприятель бросался на слабый заслон Ясона Чавчавадзе, но тот стоял непоколебимо.

Почти сразу же, как только турки лишились своей необыкновенной пушки, к ним подошло подкрепление и они вновь пошли вперед. Драгуны едва успели собраться и вновь построиться, как на них опять надвинулась сплошная стена конных и пеших.

Чавчавадзе, опасаясь, как бы из-за своей многочисленности турки не охватили его фланги, перестроил своих нижегородцев развернутым фронтом и повел в атаку. Немногие из осман решились встретить драгун в шашки. Большинство вновь беспорядочно бежало.

Самые же храбрые были порублены почти мгновенно. Драгуны же вслед за турецкой кавалерией по уже образовавшейся привычке атаковали и кавалерию, смяли ее и истребили один батальон почти полностью.

Во время атаки у одного из русских орудий была убита лошадь. Батальон турок бросился на этот столь желанный и возможный трофей. Но артиллеристы успели снять пушку с передка и ударили по туркам картечью.

Генерал увидел это — военачальник должен видеть на поле сражения все, вплоть до мельчайших деталей. Он не может, подобно другим, терять голову в горячке боя — слишком кровавой бывает цена подобным увлечениям. Чавчавадзе давно уже имел холодную голову — и поэтому он заметил критическое положение артиллеристов. Но его сердце по-прежнему было горячим сердцем того поручика, который не потерпел глумления неприятельского офицера и зарубил обидчика в глубине порядков противника. Он видел, что эскадроны вывести из рукопашной на помощь невозможно. Но ведь он тоже солдат. И генерал крикнул своим ординарцам:

— Драгуны! Неужели мы отдадим свою пушку!

Вчетвером, возглавляемые Чавчавадзе, они так само-забвенно ударили на турок, что те в каком-то мистическом испуге отступили, оставив почти уже свою добычу.

Когда Багратион-Мухранский и Багговут захватили неприятельские батареи, генерал Кишинский повел русскую пехоту на центр турецких позиций — противник дрогнул и побежал. Это бегство совпало с последней атакой турок на фланг Чавчавадзе — последней надеждой османского командующего переломить ход битвы, нанеся русским удар через правый фланг — в тыл.

Но Чавчавадзе вновь опрокинул противника и погнал его: турки бежали на этот раз уже окончательно, потеряв уже окончательно веру в возможность победы.

Бегство стало всеобщим, и уже никто и ничто не могло его остановить.

Так закончилось самое крупное сражение Восточной войны на Кавказском театре военных действий. Русские тем самым подали первый сигнал, что, имея в этой войне противниками Англию, Францию, Турцию, Сардинию, Швецию,

Австрию и примыкавшую к ним все более и более Пруссию, они могут не только защищаться, но и нападать. Не только проигрывать, но и побеждать.

Когда весть о победе при Баш-Кадыкларе дошла до Петербурга, император пожелал иметь описание частных случаев мужества и особых подвигов драгун в этом бою, где, по общему признанию, они совершили почти невозможное. Бебутов затребовал эти описания у Чавчавадзе. Ясон Иванович отписал командующему, что никаких случаев мужества или особых подвигов ни им, ни эскадронными командирами замечено не было.

Но Бебутов думал иначе. По его представлению генералу Чавчавадзе был пожалован военный орден Св. Георгия 3-й степени.

За Баш-Кадыктар этот орден получили еще только Багратион-Мухранский и Багвут. Сам Бебутов — Св. Георгия 2-й степени. Кстати, за всю Восточную войну было всего два награждения орденом Св. Георгия 2-й степени (1-ю за всю войну не получил никто). Кроме князя Бебутова его получил П.С. Нахимов за Синоп. Это лучше всяких аргументов говорит о значимости победы русского корпуса при Баш-Кадыкларе.

Чавчавадзе получил за это сражение еще один орден: стремясь сделать приятное Николаю I, король Виртембергский изъявил желание назначить свои ордена наиболее отличившимся в бою офицерам-нижегородцам.

Главнокомандующий М.С. Воронцов представил список всех дивизионных, эскадронных командиров и раненых офицеров. «Весь этот храбрый полк, — писал князь Воронцов военному министру, — встречал и провожал турок победно, и все поименованные лица одинаково достойны носить виртембергский орден». Но король прислал всего пять крестов,

и только один из них высший — Командорский — для князя Ясона Чавчавадзе.

Баш-Кадыклар принес русскому корпусу 30 орудий, 18 знамен, два лагеря и 12 пленных. Убитыми противник потерял до шести тысяч. Но и потери русских были значительны — из корпуса выбыло 57 офицеров и 1200 солдат. Так что кампания, уложившаяся лишь в одно сражение, кончилась большой кровью.

Подвиг

17 октября 1854 г. был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени «по представлению Командующего Отдельным Кавказским Корпусом и согласно удостоверения Кавалерской Думы Военного ордена, в воздаяние отличных подвигов мужества и храбрости, оказанных в сражении с Турками: 27-го Мая сего года, близ Нигоитских высот, под Лянчхутом... 13-й артиллерийской бригады Капитан Илья Гулевич, который, при наступлении неприятеля в превосходнейших силах на левый фланг нашей позиции при Лянчхуте, шесть раз останавливал натиск неприятельских колонн и, наконец, опрокинув их действием артиллерии, дал возможность нашим войскам нанести конечное поражение неприятелю, при чем он сильно ранен...»

Указ о награждении уже не застал И.А. Гулевича в живых — за неделю до этого он скончался от раны, полученной в бою недалеко от Нигоитских высот.

И в смерти он остался таким же, каким был и всегда, — тихим, старающимся ступешваться, дабы не доставлять хлопот окружающим, совершающим то, что он считал необходимым и должным, со

скромным, непоколебимым мужеством уверенного в своей правоте человека, всей своей жизнью доказавшего и себе, и окружающим это.

Илья Гулевич происходил из дворян Смоленской губернии. Окончив в 1834 г. второй кадетский корпус, он, имея от роду 21 год, был выпущен в артиллерийскую бригаду прапорщиком. С этой бригадой и была связана вся его дальнейшая жизнь.

В 1853 г. Гулевич вместе с 13-й артбригадой прибыл на Кавказ, и уже в течение зимы 1853/54 года успел побывать два раза в деле: в самом начале января — при рекогносцировке Николаевского укрепления, занятого в то время турками, и 21 же января — при атаке османами русской позиции у Чихотского моста.

Потом были еще бои, но командование отряда, действовавшего на гурийской границе, считало возможным обходиться пока без 13-й артбригады — ее время было еще впереди. И вот оно настало...

22 мая 1854 г. передовая колонна русского отряда в составе первого батальона Егерского и четвертого батальона Брестского пехотного полков, Гурийской милиции и двух горных орудий под командованием полковника Эристова расположилась у подошвы Нигоитских высот, на правом берегу реки Супсы.

У князя Эристова был приказ — пресечь движение неприятельских войск, вскоре ожидавшееся, — поэтому он и занял небольшую площадку впереди широкого, покрытого лесом ущелья, которое туркам невозможно было миновать. Позиция представляла собой тесную, немного возвышенную местность, окруженную почти со всех сторон лесом и чрезвычайно пересеченную.

В ночь на 27 мая полковник получил от местных жителей сведения, что турецкий отряд, незадолго до этого переправившийся около селения Баялеты с левого берега Супсы на правый, готовится напасть на русских. В ответ на это Эристов придвинул к себе на Нигоитские высоты из урочища Квиан четвертый батальон Белостокского полка с двумя орудиями легкой батареи 13-й артиллерийской бригады, с которой часов в шесть утра и прибыл Гулевич.

С рассветом пришли разведчики и объявили, что турки — не менее 12 тысяч — идут по направлению к высотам, занятым русским отрядом. Часть своих сил они отделили, дабы обходным маневром отрезать Эристова от Усть-Цханис-Цхали.

Уверенные в скорой и окончательной победе, турки шли не скрываясь, и их удалые песни и барабанный бой разносились слышно, но не видно: с трудом проходимая местность резко замедляла движение.

Так что у полковника Эристова было время подготовиться к достойной таких бесстрашных людей встрече. И командир подготовился: оставив на старой позиции для охраны обоза две роты белостокцев и рассадив сотни четыре милиции в завалах для прикрытия горной дороги от Супсы и частично для охраны тыла, с остальными он ровно в 11 часов утра двинулся навстречу противнику, желая предупредить его на марше.

И через час противники встретились у Лянчхута, на небольшой полянке среди леса, верстах в трех от Нигоитской позиции.

Бой для отряда Эристова начался удачно: майор Момбелли с батальоном егерей итыковой атакой

прорвал центр турецкой позиции. В это же время капитан Вельяминов захватил орудия противника, тем самым лишив его единственных двух пушек. Одновременно с Момбелли и Вельяминовым повел в атаку четвертый батальон Брестского пехотного полка майор Шафиров, опрокинувший правый фланг турок. Там было большое скопление неприятеля, но, несмотря на все его усилия, враг ничего не смог противопоставить русскому штыку.

Центра позиции османов не существовало, но фланги были еще сильны, и поэтому Эристов отправил к маленькому резерву, находившемуся в трех верстах от боя и состоявшему из двух рот белостоковцев, сначала Гулевича с его двумя полевыми орудиями, а затем и остальные два — горные орудия. Ну, и обе турецкие пушки.

Едва артиллеристы успели подойти к белостокам, как со всех сторон начали наседали массы турок, принявшихся энергично обстреливать небольшой русский отряд, а вскоре и подошедших в шапки. Русские были окружены со всех сторон. Неприятель непрерывно атаковал, рассчитывая разделаться с небольшой горсточкой, отбить свою артиллерию и захватить все орудия противника до тех пор, пока основной бой не завершится, и Эристов не мог более пока ничем помочь Гулевичу и белостокам. Турки понимали, что, захватив все орудия, они имеют реальный шанс переменить картину боя в лучшую для себя сторону. И поэтому они непрерывно и яростно атаковали.

Но русский отряд, несмотря на малочисленность, оказался довольно зубастым. Гулевич почти все время

успевал разворачивать все шесть орудий вовремя против основной волны нападающих и в упор расстреливал их картечью. Когда атака шла сразу со всех сторон — тогда уже белостокуцы бросались в штыки, отгоняя от батарей чересчур ретивых турок. Но все же численный перевес неприятеля сказывался — через час боя половина артиллерийской прислуги была уже перебита. Сам Гулевич был ранен в ногу в самом начале боя, но так и не успел себя перевязать. Лошадь под ним убили еще раньше, и теперь он сам наводил орудия, сам всем распоряжался и еще успевал подбадривать сотоварищей.

Турки постепенно начали сосредоточивать весь огонь на русских артиллеристов, осознав в них основную опасность. И прежде всего на офицерах. Тактика себя оправдала — Гулевич вскоре был тяжело ранен в живот. Почувствовав, что теряет сознание от боли и не желая показать слабость солдатам — подобное состояние командира может фатально сказаться на всем течении боя, — он отошел за сарай и велел двум солдатам из бывших поблизости перевязать себя. Только они окончили перевязку, как к Гулевичу подбежал фейерверкер.

— Что ты?

— Плохо, ваше высокоблагородие. У нас пушки отымут.

— Как? Разве это возможно? Ведите меня!

Двое солдат, взяв его под руки, снова привели Гулевича на батарею. Фейерверкер оказался почти прав — у батарейцев кончились картечные заряды, турки наседали сплошной оружейной массой: еще минута, и толпа захлестнет горсточку русских.

Гулевич, всем предшествующим многолетним опытом оказавшийся подготовленным к принятию мгновенных, единственно правильных решений, тотчас приказал резать трубки у шрапнелевых гранат как можно ближе, чтобы их рвало на кратчайшем от выстрела расстоянии. Он сам произвел первые выстрелы и не покинул батарею до тех пор, пока не потерял сознания. Его принесли на перевязочный пункт — за саклю. После вновь сделанной перевязки он пришел в себя и первым делом спросил:

— Для чего я здесь? Нет, нет, мне надо быть на своем месте!

Его отнесли к орудиям уже на руках. Сделав еще несколько распоряжений, он окончательно потерял сознание. Командование принял штабс-капитан Рудаков, доведший бой до победного конца.

Он закончился, когда Эристов, окончательно разгромив основные силы турок и слыша все это время непрерывный гул сражения в месте расположения резерва, привел на помощь маленькому отряду все силы. Увидя приближающиеся русские колонны, турки скрылись в густом лесу.

Поле боя было залито кровью, кругом лежали тела павших. Турки потеряли более трехсот человек убитыми. Много полегло и русских солдат. Много было и раненых. Но, пожалуй, самая тяжелая рана была у Гулевича.

Пуля попала ему в живот. Офицер не мог лежать, из раны непрерывно шла кровь, и капитан был почти все время без сознания. Но все же, когда его на носилках несли от перевязочного пункта, он очнулся и спросил:

- *Что это значит?*
- *Неприятель бежал. Победа за нами!*
- *Когда так, так пустите меня: я сам пойду.*

И так, поддерживаемый с двух сторон, он дошел до позиции. Ему тут же сделали операцию, а на другой день отправили в госпиталь в Усть-Цхенис-Цхали, а оттуда — в Кутаиси.

С такой раной, какая была у него, никто не выживал, но офицер продолжал бороться. После всех многочисленных операций он всегда говорил лишь одно:

— Ну, выздоровление мое продвигается вперед. Я хочу и буду жить для того, чтобы достойно отблагодарить турок за то, что не сумели меня положить на месте.

До последнего дня надеялся — даже закупал себе все необходимое для дальнейшей службы. Только не пришлось — герой умер от истощения, не позволив себе ни единого стога, ни единой жалобы.

Турецкая армия, отступив в полном расстройстве, отсиживалась за стенами крепостей, российские же войска, неся прежде всего функции защиты границ, не делали особых попыток их оттуда выкуривать, надеясь на мирное окончание противостояния на Кавказе. Однако этого не произошло — новый турецкий главнокомандующий мушир Зариф-Мустафа-паша, собрав 60-тысячную армию, вновь угрожал спокойствию края, и военные действия вновь возобновились...

Полк Ясона Чавчавадзе пошел в этот поход под щемяще-пронзительный звук наградных серебряных Георгиевских труб, имевших надпись «За отличные подвиги при поражении 36-тысячного турецкого корпуса на Баш-куадыкларских высотах 19-го ноября 1853 года».

24 июня 1854 г. Александропольский корпус перешел через Карс-чай. Анатолийская армия турок располагалась лагерем не далее, чем в двенадцати верстах, — но сражения, решающего в своей определенности, все не было. Целый месяц — лишь тревоги, аванпостные стычки и перестрелки. 16-тысячный русский корпус против целой армии.

Но вот 22 июля в русском лагере раздался пушечный салют — турки потерпели поражение на Чангильских высотах. Генерал К.К. Врангель, разбив турецкий корпус, направившийся к Эривани, взял Баязет.

Россия, по сути, не знала национального угнетения. Власть не особенно различала своих подданных по национальному признаку — во главу угла ставилось исполнение государственных функций, а не происхождение.

Человек мог ощущать себя кем угодно — это было его личным, интимным вопросом. Главное — дело. Главное — интегрированность в государственные структуры. Единственная форма какой-то внешней регистрации положения дел со стороны государства — это фиксация вероисповедания. Но и вероисповедание не служило ни в коей мере препятствием для государственной службы (недаром существовала даже особая модификация ордена Святого Георгия — для мусульман, где изображение христианского святого было заменено на символ российской государственности: двуглавого орла).

Все проявления национализма со стороны государства — не от особой утонченности мировосприятия, а просто реализация принципа «разделяй и властвуй». При этом коренное население империи — русские — также не было свободно от подобной политики.

Отсутствие у русских комплекса «народа-господина», когда ставят себя на верхние ступени лестницы-иерархии

и отделяют других по этническому принципу, видно невооруженным глазом, достаточно посмотреть любой адрес-календарь Москвы или Петербурга, где идет фиксация высших должностей Российской империи с указанием фамилий. То же самое, если взять любые полковые списки — и рядовые, и офицеры самого причудливого происхождения, самой разнообразной веры. Но это ни в коей мере не служит препятствием их карьере.

Вообще, в армии нагляднее всего проявлялось как и это, так и наличие у человека государственного мышления, служившего еще одним оселком интегрированности. Ибо в армии рельефнее всего вычленялся государствоутверждающий стержень — критерии четки и не размыты: вот перед тобой друг или враг — вой или замиряйся. Прошлое, когда каждый новый день без запредельных усилий мог закончиться чужеземным кровавым потоком, властно сформировал доминанту российского общества: все лучшее устремлялось в армию.

А там, каждодневно рискуя бок о бок с боевыми товарищами жизнью, было не до мелких выяснений, чей народ лучше. Хотя, конечно были и такие — в семье не без урода, но не о них речь. Речь о корне, о подавляющем большинстве, которое — независимо от роду-племени — начинало себя явственно ощущать детьми единой России, и далее — русскими, ибо в те времена никто еще не подвергал сомнению жертвенную роль Руси в собирании всех нуждающихся в ней вокруг себя.

И все вместе — солдаты, офицеры и генералы — защищали единую и родную для всех державу-вселенную. Защищали сообща. В едином строю. Где одним из множества правофланговых может по праву считаться барон К.К. Врангель.

Биография
Врангель Карл Карлович
(1800—1872)

К.К. Врангель родился в 1800 г., воспитывался в императорском сиротском доме (позднее переименованном в Павловское военное училище), откуда был в 1819 г. выпущен прапорщиком в учебный карабинерный полк, а еще через семь лет он по собственной инициативе отправится на Кавказ, где будет прикомандирован к знаменитому здесь своими боевыми делами 42-му егерскому полку.

В последовавшей скоро войне с Турцией 1828—1829 гг. Врангель отличится при штурмах наиболее мощных неприятельских укреплений, наградой за что станут ордена Святых Владимира и Георгия 4-й степени.

Первого своего Георгия барон получит за то, что в решающем сражении за крепость Ахалцых 9 августа 1828 г., командуя ротой Ширванского пехотного полка, «находился при взятии неприятельского укрепления, бив всегда впереди; поощрял примерным мужеством подчиненных и, невзирая на сильный ружейный огонь, из первых бросился на неприятельскую батарею и, по занятии оной, преследовал турок штыком до самых полисадов».

С окончанием войны Карл Карлович вернется в лейб-гвардейский Егерский полк, с которым примет участие в Польском походе. За штурм Варшавы награжден золотым оружием «За храбрость».

В 37 лет Врангель стал командиром Эриванского карабинерного полка. Через шесть лет он производится в генерал-майоры и назначается

командиром не менее известной, чем Эриванский, Кавказской резервной гренадерской бригады. В 1849 г. он становится начальником 21-й пехотной дивизии, в 1851 г. — генерал-лейтенантом. К тому времени относятся воспоминания одного офицера о Врангеле. Этот офицер отмечал, что барон, немец по крови и лютеранин по вере, был совершенно русским по образу жизни, понятиям и привычкам; ходил в православную церковь, в квартире имел православные иконы, и поступал так не из лицемерия, чуждого, как пишет мемуарист, его прямому, рыцарскому характеру, а потому, что, постоянно живя в русской военной семье, душой сроднился с русскими, горой стоял за все русское, любил русского солдата, заботился о нем и высоко ценил его превосходные качества...

С началом Восточной войны Врангеля ставят начальником Эриванского отряда, во главе которого он одержит одну из самых звонких побед этой войны на Кавказе. Эта победа последует в 1854 г., июля 17-го дня, в районе Чингильских высот. За это сражение 5 августа 1854 г. Врангель был пожалован орденом Святого Георгия 3-й степени. Интересно, что сын Карла Карловича Николай — подпоручик Тифлисского егерского полка — захватил в этом бою турецкое знамя, за что получил Георгия 4-й степени.

Сам К.К. Врангель в сражении на Чингильских высотах был ранен и долго лечился. Затем вновь принял под свое начало дивизию, впоследствии 4-й армейский корпус. В 1861 г. Врангель стал генералом от инфантерии. В этом чине пребывал до свой кончины.

Инициатором сражения в районе Чингильских высот можно смело считать самого К.К. Врангеля. Несмотря на то, что противостоящий ему Баязетский отряд турок был гораздо сильнее его отряда, он, располагаясь на правой стороне Аракса, решил не ждать неприятеля, а самому найти его и разбить — дабы обеспечить спокойствие русской границы от происков османских партий.

16 июля Врангель повел свой отряд — 5 батальонов и 126 сотен иррегулярной кавалерии, всего 3865 человек пехоты и 1574 кавалериста при 12 орудиях — вперед.

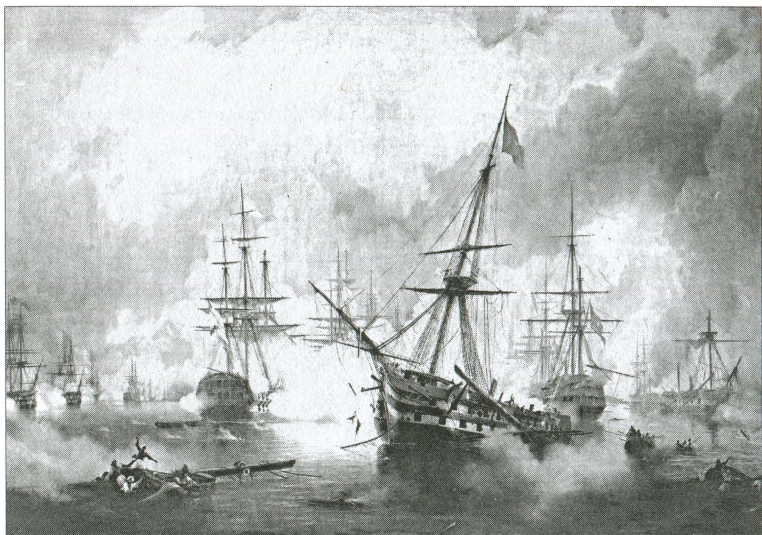
В поход вышли в восемь вечера — дабы скрыть движение от неприятеля. Шли всю ночь. Всю ночь же шел и дождь, так что движение — в основном в гору — давалось с большим напряжением сил.

После часового отдыха отряд двинулся дальше — но турки, накануне стоявшие в шести верстах от перевала через горы, опередили и первыми успели занять высоты.

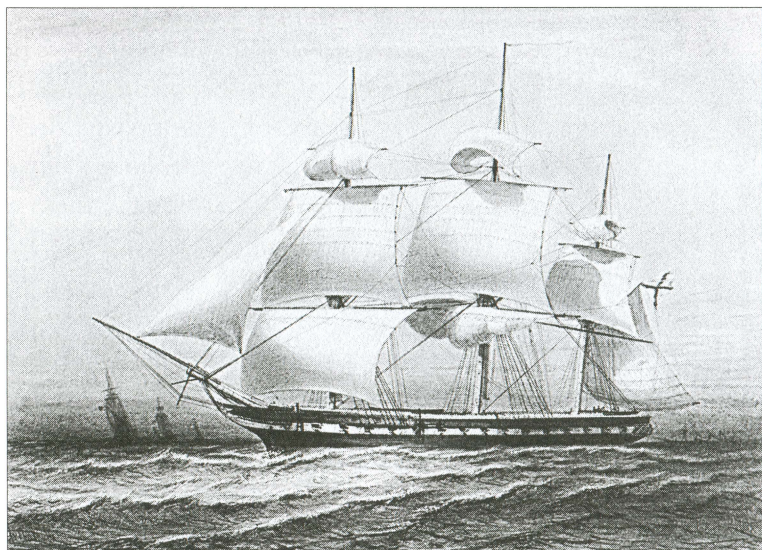
Вначале в этом убедилась вся русская кавалерия — ущелье, по которому идет колесная дорога и которое, суживаясь, на перевале образует теснину, было уже оседлано османами. Правда, пока лишь с дальней от русских стороны, так что кавалеристы Врангеля успели напоить своих коней из небольшого болотистого озера Чин-Гил, расположенного на середине протяжения теснины.

Во вторую очередь о турецкой прыти узнали русские пехотинцы, которые добрались до Чин-Гиля лишь к полудню. Узнали они и о том, что башибузуки уже успели потрепать отряд войскового старшины Чернова, две сотни Мусульманского полка которого частью разбежались, частью были захвачены в плен.

Пехота также частью лишилась людей — многие заболевшие лихорадкой еще в долине Аракса не выдержали

*Морское сражение при Наварине 8 октября 1827 года.
Художник И.К. Айвазовский*

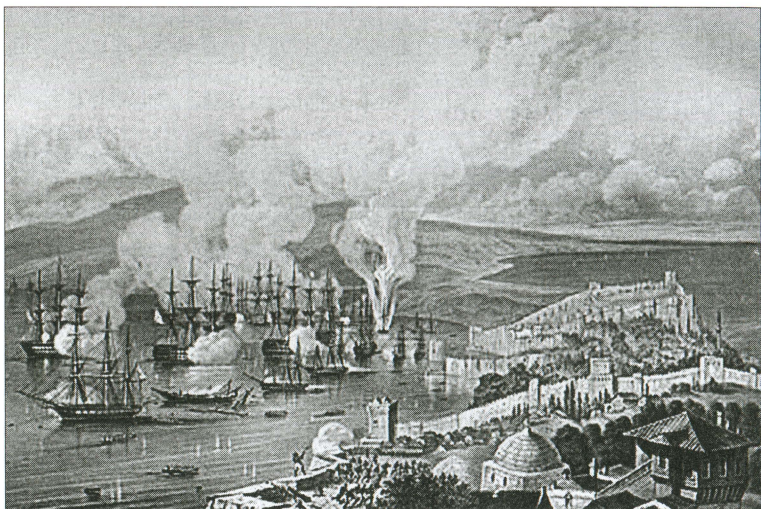
Фрегат «Паллада». Художник А.П. Богомолов

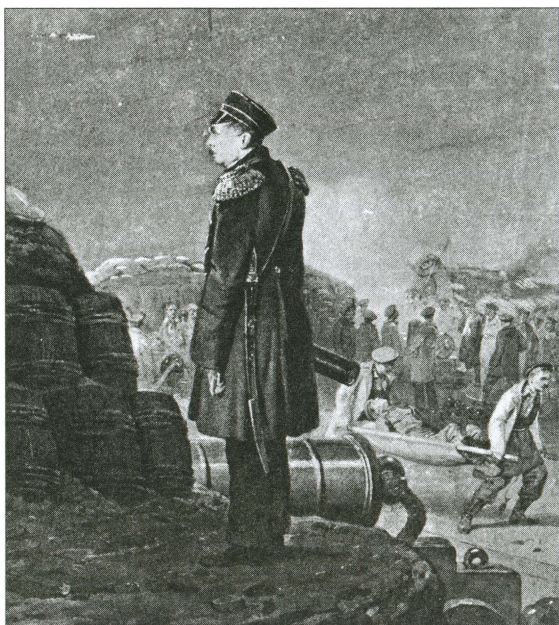
«План истребления турецкой эскадры Осман-Паши при Синопе эскадрой под командою начальника 5-й Флотской дивизии вице-адмирала Нахимова 18 ноября 1853 г.»

Синопское сражение. Художник А.П. Богомолов

Синопское сражение. По рисунку А.П. Богомолова

*Адмирал П.С. Нахимов на бастионе.
Художник В.Ф. Тимм*

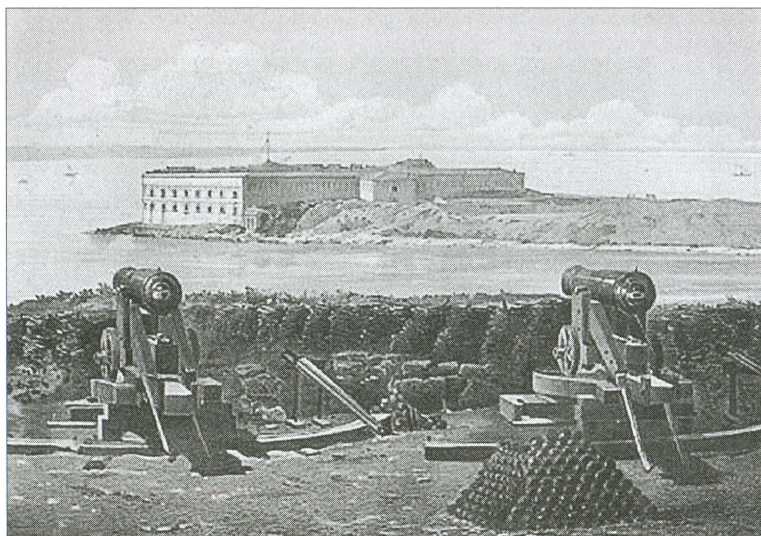
Битва при Альме. Неизвестный художник

*Английские корабли в Балаклавской бухте.
Фотография Р. Фентона. 1855 г.*

*Перспектива города, гавани и укреплений Севастополя.
Литография 1850-х гг.*

*Севастополь. Константиновская батарея.
Литография Д.Н. Россова по фотографии Д. Робертсона. 1858 г.*

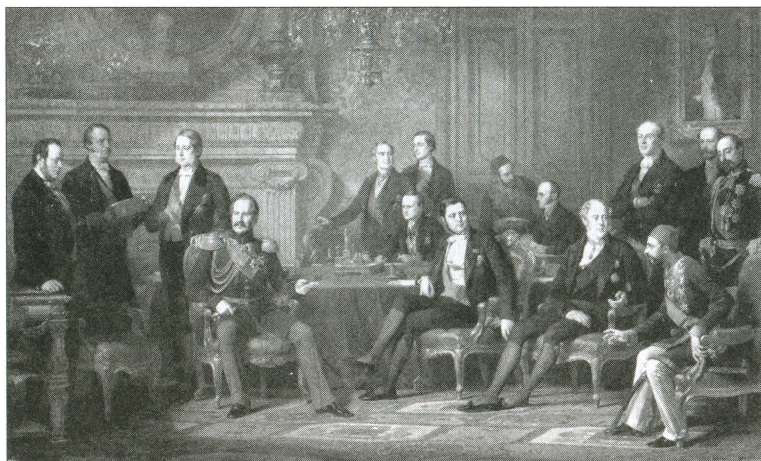
Адмирал П.С. Нахимов в Севастополе в гробу, покрытом простреленным ядрами флагом с корабля «Императрица Мария», которым он командовал при Синопе. Художник Н. Берг

Памятная плита на месте гибели адмирала Нахимова

*Полководцы армий стран — противников России в Крымской войне.
Неизвестный художник*

Парижский конгресс 1856 года. Художник Э. Дюбуф

Памятник П.С. Нахимову в Севастополе

тягот пути и отстали. А 2-й батальон Ширванцев, две сотни кавалерии, 4 орудия и весь легкий обоз сам Врангель оставил под началом полковника Алпухова в двух верстах от перевала в виде репли — на случай отхода. Так что у него было равным счетом 1700 человек пехоты и 1200 — кавалерии.

И те были предельно измучены — 24 версты по грязи в гору вымотали людей: барон дал часовой отдых, и солдаты тут же легли на землю. Многие уснули, не обращая внимания на летающие пули. Кто-то в полудреме успел пробормотать со смешком «лежачего не бьют», и провалился в сон.

Но спать довелось не много — меньше часа. В три четверти первого турки начали наступление. Их позиция была гораздо сильнее русской: поперек ущелья между хребтами у них стояло 4 орудия, подпираемые сзади пятью батальонами, причем три средние были развернуты, а фланговые построены в каре. За пехотой на южном спуске перевала расположились более 5 тысяч башибузуков и иной иррегулярной кавалерии. Впереди позиции на высотах, огибавших расположение отряда Врангеля, все было усеяно турецкими стрелками, число которых доходило до двух тысяч.

Но это было не все — новые и новые части осман подходили к позиции, встречаемые радостными криками старожилков.

Когда Селим-паше — командиру турецкого корпуса — показалось, что теперь у него достаточно сил для решающего сражения, то как раз и пробило три четверти часа после полудня. Бой начался.

Его открыла неприятельская артиллерия — их выкатили на перевал, на расстоянии тысячи шагов от русских, и орудия открыли огонь. Стрелки, бывшие у Врангеля на флангах, участвовали в огне и параллельно начали спускаться с высот поближе к месту разворачивающейся битвы.

Но командир русского отряда решил немного подкорректировать планы противника — пока лишь в выборе места баталии. Он не стал ждать, когда неприятель подойдет к нему, а вежливо пошел тому навстречу.

Барон, видя, что главную силу Селим-паши составляет пехота, которая к тому же не может быть достаточно поддержана растянувшимися по всем горным вершинам иррегулярным войскам, решил ударить по центру турецкой позиции, дабы разом решить дело.

По его приказу четыре орудия, располагавшиеся справа на небольшом возвышении, открыли огонь; пехота построилась в две линии, оставив ранцы на месте.

И первую линию Врангель сам повел вперед по узкой дороге между озером и высотами. В голове колонны шел 5-й батальон Тифлисского егерского полка — и первые ружейные залпы, первые ядра и первая картечь достались ему. В четверть часа батальон потерял до 100 человек. Под батальонным командиром Сакеном убило лошадь, порвало фуражку и он повел своих людей пешим.

Тифлиscopy, пройдя мимо озера, приняли влево. Вслед за ними 2-й артдивизион повернул вправо и с ходу открыл огонь. Правее его встал батальон Мингрельского егерского полка, оставив место левее себя для еще одного дивизиона.

Во второй линии расположились два батальона — мингрельцев и ширванцев. За ними кавалерия лавами.

В момент сближения первой линии с турками раздался барабанный бой, последовала команда «на руку» — и под крик «ура!» русские батальоны ринулись в штыковую. Одновременно с этим казаки из тыла, обойдя свою пехоту с флангов, ударили также по турецкой пехоте. И дополнительно — по артиллерии.

Бой решился в несколько минут — так что вторая линия русской пехоты даже не успела войти в дело.

В течение этих минут были переколоты неприятельские артиллеристы и первые ряды османской пехоты. Прочие же, более счастливые, бежали, бросая ружья. Кавалерия, пытавшаяся вначале выручить пехотинцев, была увлечена бегущими, смешалась и была опрокинута в глубокий овраг — как раз за центром турецкой позиции.

Тут Врангель остановил пехоту и неприятеля продолжали гнать лишь кавалеристы. Бесконечных для турок шесть верст — пока не устали кони.

Этим самым кавалерия отрезала часть турок, засевших на хребте, слева от Баязетской дороги, отныне им недоступной.

По полному окончанию боя Врангель приказал четырем ротам второй линии взять хребет. Ширванцы и менгрельцы с нескольких сторон полезли на кручу. Турки испуганно оттекали все выше и выше — до тех пор, пока не собрались густой толпой на самой вершине. Слабые попытки сопротивления прекратились вообще, когда все четыре роты влезли на высоту. Неприятель бросил оружие. Было три часа пополудни.

Бой, длившийся два часа, принес Эриванскому отряду 4 орудия, 6 знамен, 17 значков и 370 пленных. Семин-паша потерял более 2 тысяч человек убитыми и ранеными. Врангель же убитыми: среди пехоты и казаков — 57 человек, и в местной милиции — 70 убитыми и ранеными и более 200 — срочно дезертировавшими.

Победа при Чингильских высотах способствовала бескровному занятию крепости Баязет — узнав о конфузе собратьев по оружию, оттуда сбежал двухтысячный гарнизон, бросив оружие, знамя, порох, патроны.

Отныне фланговых корпусов у турок не было, и их главная армия оказалась одинокой в своем противостоянии перед лицом Александропольского отряда.

Турки так воевать не любили, и остановилось понятно, что развязка кампании близка. И поэтому Бебутов не удивился, когда на следующий день ему доложили, что турецкие обозы движутся из лагеря к Карсу. Он сразу решил выдвинуть войска на Карскую дорогу, чтобы по возможности ударить противнику во фланг или в тыл.

Ночью русский корпус тихо двинулся к Карсу. Скоро рассвело. День 24 июля 1854 г. открыл перед русскими всю 60-тысячную армию турок, наступавшую на покинутый уже В.О. Бебутовым лагерь.

Турки наступали уступами, так что русскому корпусу, хоть он и находился сейчас на фланге у неприятеля, невозможно было воспользоваться подобным выгодным обстоятельством, — существовала угроза флангового удара турок, и даже удара в тыл. Приходилось возвращаться.

Бебутов послал к Караялу три сотни линейных казаков, Белевский егерский полк, батальон Тульского, кавказских стрелков — дабы прислониться к господствовавшей над местностью горе своим левым флангом. Но Караял был уже захвачен турками — и было решено оставить его сзади. Защищая тыл от окопавшегося на горе неприятеля, Бебутов оставил небольшой заслон из батальона пехоты и четырех эскадронов новороссийских драгун при четырех орудиях. И при приказе — умереть, но не пропустить турок.

Основная же часть русского корпуса, встав спиной к Караялу, встречала лицом к лицу бесчисленные ряды турецкой кавалерии и пехоты.

Полк Ясона Чавчавадзе располагался на правом фланге, имея правее от себя лишь тверских драгун. Тверцы и начали

сражение. Прямо против них располагалась сильная батарея неприятеля. На нее и поскакали тверцы, предводительствуемые графом Ниродом. Только их медные каски были видны из-за стены поднятой ими пыли. Более сорока орудий било им в лоб и во фланги. Но драгуны молча, без криков «ура» пронесли все это поражаемое огнем расстояние и опрокинули батарею, изрубив прислугу и заклепав орудия.

Однако они не удержали своего наступательного порыва, и разметанное ими артиллерийское прикрытие, опомнившись, навалилось на драгун. Те, рубясь, брали левее, так что в результате описали дугу и, начав атаку с правой оконечности левого крыла, отступили уже за левую его оконечность.

В те минуты, когда тверские драгуны с боем отступали к своим боевым порядкам, шесть турецких батальонов ударили в барабаны и пошли против русской пехоты.

Это были знаменитые штуцерные арабистанские батальоны, специально переброшенные на Кавказ из Египта. Ими командовал старый опытный холодный профессионал Керим-паша, уже согбенный годами, с большой седой бородой, но всегда — как и на этот раз — шедший впереди своих людей, вдохновляя их на битву.

Белевский и Тульский полки, только что прибывшие из России и состоявшие в основном из еще не обстрелянной молодежи, не выдержали массированного ружейного огня и мерного наступления ежесекундно приближающегося неприятеля и начали отступать.

Расстроенные предыдущей рубкой тверцы также не могли оказать им пока действенной помощи. Наступила критическая минута для всего левого фланга. Для всего корпуса, ибо турки на Караяле, заметив медленное пока еще смещение назад пехоты левого фланга русских, начали готовиться к атаке.

Потом в донесении Бебутов напишет: «Момент был критический; но тут стоял непобедимый Нижегородский драгунский полк... Нижегородский полк, жертвуя... в минуту необходимости всеми правилами тактики, в шестиэскадронном составе, без артиллерии, ринулся на целую линию штуцерных батальонов».

Генерал Чавчавадзе повел в атаку шесть эскадронов своих драгун, повел на пехоту, перед которой только что отступили пять русских батальонов. Это было почти то, что в мирное время можно назвать самоубийством, и то, что на войне называют самопожертвованием. Ради общей победы. Ради помощи своим боевым товарищам.

Нижегородцы начали атаку подивизионно. Первым пошел вперед пикинерский дивизион полковника Тихоцкого. Турки успели образовать каре, и поэтому пикинерам пришлось выдержать на небольшом расстоянии два залпа в лицо. Затем пикинеры врезались в пехоту и началась кровавая страда. Но батальоны, одни из лучших во всей Анатолийской армии, не давали себя растерзать, сразу же смыкаясь над телами павших, 5-й дивизион поэтому был принужден откатиться назад. А противник тут же построился вновь.

Турки качнулись было вперед, но не успели — Тихорецкого сменил 3-й дивизион майора Петрова. Дивизион ворвался сквозь первые ряды ближе к центру — дорогой ценой: на штыках тут же пали оба эскадронных командира капитаны Рязанов и Батиевский. Все же несколько человек прорубились до центра каре, включая и прапорщика Дрягилева, получившего за эти минуты шесть ран. Но и дивизион Петрова был отброшен.

Третий дивизион сменил четвертый. Его командир полковник Шульц, еще выезжая на позицию, получил рану в голову: пуля ударила в левый висок, разбила глазную кость и, обогнув череп, остановилась возле правого уха. Однако

командир дивизиона нашел в себе силы вновь сесть на коня и встать перед фронтом, показывая пример своим людям. Но потеря крови обессилила его, и он потерял сознание. Его заменил князь Захарий Чавчавадзе.

В тот момент, когда он повел дивизион в атаку, дорогу ему перерезал есаул А.П. Кульгачев с четырьмя донскими орудиями.

Биография

**Кульгачев Алексей Петрович
(05.11.1825—19.03.1904)**

А.П. Кульгачев происходил из дворян войска Донского и родился 5 ноября 1825 г. в станице Раздорской, что на Дону. Через двадцать лет стал хорунжим Донской конно-артиллерийской батареи. Еще через четыре года принял участие в Венгерском походе, где, впервые нюхнув пороха, не ослабел от этого запаха.

После Венгрии — Кавказ, где также зевать не приходилось, а, наоборот, лишь успевать поворачиваться. И — к тому времени уже есаул — Кульгачев успевал. Баш-Кадиклер сделал его имя известным всей армии. А следующее сражение — Кюрук-Дарское — сделает его кавалером ордена Св. Георгия 4-й степени.

В 1855 г. за отличие при штурме Карса, при котором он получил контузию, Кульгачев переводится капитаном в гвардейскую артиллерию. Через два года он — уже подполковник. Во время подавления Польского восстания 1863—1864 гг. за разбитие отряда Копотовича он становится полковником, в 1870 г. — генерал-майором.

Через 8 лет он — командир 13-й кавалерийской дивизии, которая действовала в составе оккупационного корпуса в Болгарии. Затем — командир 6-го армейского корпуса. Так что он попробовал почти все армейские стихии — артиллерию, кавалерию, пехоту. Генерал от кавалерии Кульгачев скончался на 79-м году жизни.

В бою у Кюрук-Дара нижегородцы шестью эскадронами сдержат напор сначала турецкой пехоты, отбросившей своим порывом пять русских батальонов, а затем и совокупный натиск всего правого фланга осман. После боя на сборном месте нижегородцев соберется лишь небольшая кучка уцелевших, которых батальон Эриванского полка, став в ружье, будет приветствовать как начальника, отдавая тем самым им высшую дань воинского уважения.

Уже вся армия знала о бое, выдержанном нижегородцами, о том, что по его накалу никто из них не должен был уцелеть; и ныне чудом живые должны были благодарить свое умение воина, судьбу — и товарищей, которые делали так же, как и они, все что могли.

Кульгачев занимает особое место среди тех, кто бился рядом с драгунами.

Еще в самые первые минуты боя, когда только что прибывшие из России и еще не обстрелянные белевские и тульские пехотные полки, поддались напору штуцерных османских батальонов, Кульгачев вместе с нижегородцами сказал в первый раз в этом бою свое веское слово.

Этот напор грозил опрокинуть весь русский левый фланг, что было равносильно общему поражению. Главнокомандующий князь Бебутов писал в донесении: «Момент был критический; но тут стоял непобедимый Нижегородский

драгунский полк», который, «жертвуя в минуту необходимости всеми правилами тактики, в шестиэскадронном составе, без артиллерии, ринулся на целую линию штуцерных батальонов».

Штуцерных — значит вооруженных особыми ружьями-штуцерами, более дальнобойными и более скорострельными. А следовательно, и более губительными. В атаку на них и ринулись нижегородцы. Действительно, без артиллерии.

Вначале. Но она их догнала — Кульгачев с орудиями своего дивизиона по собственной инициативе подскочил под сильным ружейным огнем к двум штуцерным батальонам и открыл по ним частый и меткий огонь.

Картечные залпы его орудий расстроили турецкие ряды и загасили их наступательное движение. Когда же до этих османских батальонов дошли руки и у нижегородцев, то Кульгачев еще несколько раз подъезжал к неприятельской пехоте, свернувшейся в каре, и опять в упор громил их картечью.

В промоины, образованные его залпами, стремительно врывались драгуны, часто-часто метя всех не догадавшихся упасть.

Вскоре попривыкшие к столь необычной тактике русских османы попытались ввести в дело здесь и свою артиллерию. И вновь отличился Кульгачев — когда русская кавалерия пошла вперед, он также ринулся на неприятеля, умудрился заскочить во фланг турецкой восьмиорудийной батарее и повел такую беспощадно-меткую стрельбу, что вражеские орудия враз замолчали. И более в течение боя голоса не подавали...

Драгуны налетели на эти орудия, и в результате на турок ударили только 8-й и полуэскадрон 7-го эскадрона, почти сплошь состоявший из георгиевских кавалеров. Они

и полегли почти все. Лишь единицам во главе с Чавчавадзе удалось после атаки вернуться к своим. Все они были забрызганы своей и чужой кровью, но никто не обращал внимания на это.

Два орудия донцам не удалось докатить. Турки ринулись на них. Но им наперерез рванулись пикинеры Тихоцкого и два дивизиона, предводительствуемые князем Дондуковым-Корсаковым.

Их отбили. И они отошли. Но через некоторое время вновь устремились вперед.

Немного в стороне и впереди неподвижно стоял генерал Чавчавадзе и только молча поднимал вверх обнаженную шашку, посылая новую волну драгун на турецкие батальоны. Он знал, что невозможно выдерживать долгое время атаки его драгун, знал, что стоит ему сейчас дать туркам хотя бы наималейшую передышку, как они пойдут вперед и опрокинут его уже малочисленную кавалерию и не оправившуюся еще пехоту, зайдут во фланг русскому корпусу и соединятся с караяльским отрядом. И это будет конец. И поэтому он вновь и вновь раз за разом поднимал руку с холодно блестящей шашкой, и новая волна шла размывать монолит турецких каре.

Неприятель видел его жесты, после которых на него накатывалась новая конная лава, и поэтому осыпал небольшую одиноко стоявшую кучку всадников плотным ливнем пуль. Рядом с Чавчавадзе был убит полковой адъютант штабс-капитан Кузьмин-Караваев, убит штаб-трубач. Один за одним сползают на землю конвойные. Но генерал как загворен. Под ним убили его серого коня, на котором он начал сражение. Затем — его любимого карабахского жеребца. Ему подвели третью лошадь, но на этот раз счастье изменило ему, и, едва поставив ногу в стремя, как тут же опрокинулся

на руки стоявшего за ним унтер-офицеру: осколок гранаты контузил его в поясницу.

Но он преодолел себя и снова сел на коня: обстоятельства к этому времени сложились так, что он не имел права ни на что, кроме боя. Ибо за несколько минут до этого к генералу Багговуту, руководившему левым крылом, прибыл ординарец Бебутова с приказанием взять Нижегородский полк и спешить на правый фланг, теснимый турками.

Багговут показал ординарцу рукой на поле боя:

— Нижегородцы все в работе! Нет никакой возможности вырвать их из дела. Возьмите линейцев. Доложите, что видите.

Тут же прискакал другой офицер:

— Командующий приказал взять, что можете, и спешить на правый фланг.

Багговут увел с собой дивизион тверцов и три донские сотни с ракетной командой. Ничего более не было. И вновь драгуны, воюя и за ушедших, шли и шли в отчаянные атаки на турецкую пехоту, постоянно усиливавшуюся подкреплениями.

Наконец после очередного напора нижегородцы, измученные и истерзанные, отошли опять. В эти мгновения какой-то турецкий офицер бросился из каре с небольшой кучкой подчиненных к одиноко стоящим орудиям.

Генерал Ясон Чавчавадзе гневно привстал на стременах.

— Господа! — тогда же вскричал другой Чавчавадзе, Захарий. — Выручайте пушки!

И первым, во главе нестройной толпы конных, устремился к пушкам. Произошла свалка, где всё перемешалось: свои и чужие, жизнь и смерть. Больше не было стройного полка — были лишь отдельные солдаты, которые сами вели

бой, вдохновляемые лишь мыслью: «Умрем, ребята, но куда живы, не пустим турок».

Ясон Чавчавадзе по-прежнему стоял впереди и лишь поднимал иногда вверх правую руку с оружием. По этому сигналу, единственному, который отныне сейчас воспринимался, смыкались кучки в десять—двадцать человек и шли вперед — на огонь и штыки.

Силы драгун истекали, а помощи от пехоты все не было. Наконец туда поехал полковник Тихоцкий, единственный оставшийся в строю штаб-офицер нижегородцев. Ему было что сказать — пехота вышла наконец из прострации.

Но русским батальонам на этом фланге так и не удалось себя показать — как только их батальоны ударили «атаку», турки, уже сломленные нижегородцами, начали отступление.

Чавчавадзе поймал этот момент и бросил вперед все, что у него осталось из полка. На этот раз вся турецкая цепь была изрублена, батальоны прорваны, а 10-й эскадрон капитана Сурикова даже отбил шесть полевых орудий.

Подоспели и тверские драгуны, оправившиеся после своей атаки в начале сражения. Еще не было восьми утра, а на правом фланге сопротивляющегося противника уже не осталось. Отряд, засевший на Караяле, не решился вмешиваться и поспешно ретировался через башкадакларское поле.

После окончания боя, когда остатки нижегородцев пришли на место сбора, ближайший к ним батальон Эриванского полка стал в ружье и приветствовал драгун победным «ура».

Это было уже после полудня, ибо после того, как нижегородцы опрокинули противостоящего им противника, на других участках бой продолжался часа три-четыре.

Но все же кончился: турки потеряли более трех тысяч убитыми, две тысячи пленными. У них было захвачено 15 орудий, два значка и четыре штандарта. Бой был кровав —

и русских тоже выбыло не менее трех тысяч. Кампания была выиграна — как и предыдущая, как и последующие на Кавказе в этой войне.

Сражение у Кюрук-Дара решила судьбу кампании 1854 г. на Кавказе. В нем 16 тысяч русских разбили 60 тысяч турок, гораздо лучше вооруженных. Разбили в битве, где не было общего плана сражения (ибо русские думали, что главная турецкая армия отступает к Карсу после взятия Баязета и оголения ее флангов, и в силу этого покинули удобную позицию, на которую — уже не покинутую — османы ночью предприняли наступление). Так что все решалось на ходу, волей честных начальников и смелостью и выучкой солдат.

Здесь кавказские войска во всей красе показали себя, принимая — каждый сам для себя — единственно возможное для воина решение. Как писал военный историк В. Потто, «войска, не мудрствуя лукаво, делали свое дело: где нужно было стоять — стояли, и их живую стену можно было, пожалуй, свалить, но не подвинуть вспять; где нужно было идти вперед — там шли, не считая врагов, и ломали все, что попадалось навстречу. Никаких резервов и вторых линий у нас не было: бились все, не рассчитывая на поддержку, и побили турок на славу! Это было высшее проявление военного духа, проявление той страшной нравственной силы, которою побеждали Румянцев и Суворов. Баш-Кадык-Лар и Кюрук-Дар — это Кагул и Рымник нашего времени».

Солдаты долго еще вспоминали ожесточенность сражения у Кюрук-Дара. А в 3-м дивизионе даже сложили про эти события песню:

Кюрук-Дара кто помнит,
Тот помнит, как Петров
Сказал, что не уронит

Он славы храбрецов.
Пять раз ходил в атаку,
Пять раз вертался вновь,
В ту памятную драку
Везде лилася кровь.
В шестой повел опять он,
И с горстью храбрецов
Разбил врага, как громом, —
Прославил молодцов.
Не устояли турки,
И отдали назад
Забранные две пушки,
С своими зауряд.
Два наших командира
Погибли на штыках,
Петров был ранен также,
Но все стоял в рядах.
В тот день легло немало
Господь, простых солдат, —
Затем, что перед смертью
Не пятились назад.

Так бились на Кавказе. Так старались действовать и в
иных местах...

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА БАЛТИКЕ, БЕЛОМ МОРЕ, ТИХОМ ОКЕАНЕ

Начав войну против России, Англия и Франция решили вести боевые действия не только на Черном море, но и на Балтийском, Белом и на Тихом океане. Из этих водных пространств лишь на Балтике Россия имела серьезные силы.

На Балтику пришел объединенный флот союзников под командованием английского адмирала Непира и французского Парсевала-Дешена. Флот насчитывал 52 линейных корабля и фрегата (из них — 27 паровых) и несколько десятков мелких и вспомогательных судов. Русский флот стоял на рейдах в Кронштадте и Свеаборге. Он насчитывал 26 парусных линейных кораблей, 9 фрегатов и 9 парохо-до-фрегатов. Несмотря на значительное превосходство сил, союзники так и не решились атаковать русский флот в его крепостях.

В бесплодном ожидании выхода русских кораблей в море союзники осуществляли блокаду российского побережья, устраивая вылазки на прибрежные деревеньки и топя шхуны рыбаков. Провели они и бомбардировки нескольких финских городов. Там, где русских гарнизонов не было, им сопутствовала удача, где гарнизоны были — попытки бомбардировки и десантирования закончились ничем.

Так же закончилось и намерение подобраться к Кронштадту: союзным адмиралам стало известно, что подходы ко всем крупным российским портам защищены непривычными еще в то время морскими якорными минами, только недавно разработанными русским ученым Б.С. Якоби. Поэтому объединенный флот удовлетворился тем, что, выловив несколько таких мин, отправил их в Англию для изучения.

Неудачей закончились и попытки высадки десантов на финляндском и эстляндском побережьях в Экенесе, Ганге, Або и Гамлакарлебу. Единственным успехом в 1854 г. стал захват русского форта Бомарзунд на Аландских островах, для чего потребовались силы всего флота и 13-тысячный морской десант. Оценивая этот успех, лондонская «Таймс» писала: «Никогда еще действия такой громадной армады с такими мощными силами и средствами не кончались таким смешным результатом». Подобный же вывод про себя

сделала Швеция, так и не решившаяся бросить свою специально сформированную для этих целей 60-тысячную армию в Финляндию для борьбы с русскими войсками.

В 1855 г. действия союзников на Балтийском море ограничились блокадой побережья, бомбардировкой Свеаборга и некоторых других городов.

Экспедиция на Белом море окончилась для союзников с еще меньшим результатом. Весной 1854 г. здесь появилась англо-французская эскадра из 3 паровых, 3 парусных фрегатов и 5 меньших судов. Русские силы здесь были гораздо меньшими. На 10 имевшихся судов было лишь 22 пушки. Приняв все возможные меры для укрепления берегов, местные власти раздали оружие крестьянам. Поморы, отличные охотники, были готовым ополчением. 14 июня союзные суда появились в устье Северной Двины, но были отогнаны пушечным и ружейным огнем с берега. Больше попыток подойти к Архангельску противник не предпринимал.

6 июля два парохода подошли к Соловецкому монастырю, надеясь захватить известные во всем мире монастырские богатства. Обстрел обители оказался совершенно безуспешным. В ответ раздались выстрелы старинных монастырских пушек. И произошло невероятное. Одно из ядер попало в английский корабль. Захватчики тут же снялись с якорей и отошли на безопасное расстояние.

На следующий день англичане потребовали сдачи монастыря, но настоятель Александр отверг эти требования. До вечера велся безуспешный обстрел крепостных стен. Попытались высадить десант, но, заметив в лесу на побережье вооруженный отряд, шлюпки с десантниками повернули назад к кораблям. Английская эскадра отошла от Соловецких островов.

Более успешно происходило разорение прибрежных деревень. Но и здесь союзники встречали отпор. Так, у деревни Пушилахты отряд местных жителей вступил в бой с высадившимися врагами. Было убито пять моряков и несколько человек ранено. В августе 1854 г. паровой английский фрегат подошел к селению Кола, неподалеку от позднее возникшего Мурманска. Два дня фрегат обстреливал город, который почти полностью выгорел, но вражеский десант был разбит местными рыбаками.

В кампанию 1855 г. действия английской и французской эскадр на севере были столь же безуспешны. Все ограничилось лишь нападениями на мирные деревни, где союзники вновь встречали отпор вооруженного населения. Попытки высадиться на берег пресекались. Так же неудачно окончился новый поход к Архангельску — два гребных судна 1 сентября 1855 г. были отогнаны артиллерийским огнем береговых батарей.

Тихоокеанский проект союзников закончился еще более фатально. Здесь англо-французские силы намеревались захватить Петропавловск-на-Камчатке, для чего была выделена особая эскадра из шести судов и несколько рот морской пехоты (всего 214 орудий). Командовали союзной эскадрой английский контр-адмирал Прайс и французский контр-адмирал Феврие де Пуант. 18 августа 1854 г. корабли союзников встали на якоря в Авачинской губе.

Намерение их было весьма конкретно, особенно учитывая, что орудий у союзников было больше раз в двенадцать, а людей — раз в шесть. Соотношение сил несколько изменил русский фрегат «Аврора» под командованием капитан-лейтенанта И.Н. Изъльметьева, прорвавшийся в Петропавловск в последний момент, что усилило гарнизон пушками в четыре раза, а людьми — в полтора. Всего защищали город

около 930 солдат, матросов, добровольцев при 39 береговых и 29 корабельных орудиях.

Командир петропавловского гарнизона генерал В.С. Завойко превратил «Аврору» и транспорт «Двина», бывшие в его распоряжении, в плавучие батареи, загородив ими вход в гавань. В результате противник так и не рискнул войти в гавань Петропавловска. Орудия другого борта «Авроры» свезли на берег в дополнение к имеющимся. Всего на берегу было оборудовано 6 батарей.

По одной-то из этих батарей и сосредоточил весь свой огонь неприятель, начав атаку 20 августа 1854 г. Полное превосходство союзников привело к подавлению этой батареи. Разбив вслед за ней еще одну батарею, союзники высадили десант человек в 600 южнее города. Этот десант двинулся вдоль берега на Петропавловск, но натолкнулся на частый ружейный огонь залегших в скалах, оставшихся без орудий артиллеристов этих батарей. А когда и они, и бывшие рядом несколько русских отрядов, в общей сложности человек 150, пошли в штыковую атаку, десантники отступили на шлюпки и поспешно отплыли на свои корабли.

Затем последовала шестичасовая бомбардировка, которую гарнизон выдержал, огрызаясь огнем. И флот союзников отступил от города.

Повторный штурм последовал 24 августа. Подавив огонь двух других батарей, командующий эскадры бросил вперед десант в 970 человек на этот раз западнее города. Десантники в ожесточенном бою, понеся большие потери, захватили гору Никольскую, господствовавшую над городом, и открыли по нему и по судам в гавани ружейный огонь. Тогда генерал Завойко бросил против них все, что у него было, — 300 человек резерва. Русские цепями взобрались на гору и ударили в штыки. Как вспоминал один из участ-

ников этого боя: «Нужно было видеть, как вели офицеры свою горсть солдат, чтобы понять ту степень бесстрашия, которая овладела русскими». Рукопашная длилась недолго — и десант бросился к шлюпкам, бросаясь с обрывов горы на прибрежную отмель.

За эти часы союзники потеряли более 450 человек убитыми и ранеными (в девять раз больше, чем у Завойко) и предпочли, не возобновляя боя, уйти в море, покинув Авачинскую губу. Русские батареи вскоре были восстановлены, и Петропавловск вновь был готов встретить любого врага.

Газеты в Англии писали о «несмываемом пятне позора на британском флаге» и настаивали на предании суду командования эскадры. Но судить, по сути дела, уже было и некого: главный командующий английский адмирал Прайс, по слухам, застрелился, увидев, что упущенные им «Аврора» и транспорт «Двина» так усилили крепость, что взять ее будет почти невозможно. Это произойдет еще до первого штурма. А его преемник француз де Пуант умрет, не вынеся неудач двойного штурма Петропавловска, неудач, в которых он, как командир, винил прежде всего не своего предшественника, но — себя.

В апреле 1855 г. ввиду угрозы нового нападения Петропавловск был эвакуирован по приказу иркутского генерал-губернатора Н.Н. Муравьева-Амурского. Однако союзники так и не высадились на берегах Камчатки. Правда, они высадили десант у залива Де-Кастри в Приамурье, где русских сил практически не было.

Так, достаточно безрезультатно, союзники прощупали русские границы по всему периметру. Но не здесь разворачивались главные события, определившие исход Восточной войны. Не здесь совершались главные подвиги, не здесь, а в Севастополе. Понятие «севастопольская оборона» с тех пор

прочно вошло в словари, энциклопедии, учебники, а главное — в память нашего народа.

Триста сорок девять дней защитники города стояли против непрерывных обстрелов и атак французов, англичан, турок, сардинцев. Падение города-порта, города-крепости предопределило поражение России в войне. Но об этом 27 сентября 1854 г., когда началась осада союзниками Севастополя, никто не думал. Не хотел и не смел, веря, что мужество российских солдат и матросов сможет все преодолеть. Оно и преодолевало все то, что вряд ли бы выдержала иная армия того времени, но силы человеческие все же не беспредельны...

ВЫСАДКА СОЮЗНИКОВ В КРЫМУ. АЛЬМА

Союзники делали на Севастополь и Крым особую ставку, как на место главной дислокации российского Черноморского флота, одного из главных противовесов их глобально-стратегическим замыслам. Английские газеты, питающиеся фактами и их оценками из правительственных кругов, предрекали: «Взятие Севастополя и занятие Крыма покроют все издержки войны и предоставят нам выгодные условия мира». Причем ввиду своего подавляющего военнотехнического превосходства союзники рассчитывали на быстрый успех.

Газеты писали: «Россия в течение немногих недель потеряет плоды денежных затрат, гигантских трудов, огромных жертв не одного поколения. Крепости, что она воздвигла дорогой ценой... будут сровнены с землей, взорваны и уничтожены огнем объединенных эскадр Франции и Англии».

Не только газеты, но и военачальники союзников были исполнены подобных радужных надежд. «Через 10 дней

ключи от Севастополя будут у нас в руках!» — доносил один из командующих коалиционными силами французский маршал А. Сент-Арно.

Биография

***Сент-Арно Арман-Жак-Леруа
(20.08.1796—29.09.1854)***

В 1820 г. в чине поручика поступил на военную службу в отряд телохранителей Людовика XVIII, но вскоре за дурное поведение был уволен по требованию собственной роты.

Сент-Арно пробовал искать счастья в Англии, потом во Франции, пытаясь устроиться актером на сцену под фамилией Флоривиль, наконец, приехал с этой целью в Грецию, однако везде его постигали неудачи.

В 1827 г. с большим трудом родственникам Арно удалось восстановить его в армии. Но когда полк, в котором он должен был служить, получил назначение на остров Гваделупу у берегов Америки, Арно не явился. Он подвергся преследованию как дезертир и объявился лишь после Июльской революции 1830 г., выдав себя за жертву своих либеральных убеждений.

Его определили офицером в 64-й полк. В 1836 г., согласно собственной просьбе, Сент-Арно был переведен в алжирский иностранный легион. Проявив себя в Африке как храбрый солдат, он в 1837 г. был произведен в капитаны и, получив батальон, возвратился во Францию на службу в гарнизон Меца. Позже он вновь вернулся в Африку, где служил под командованием генерала Ковеньяка.

В 1842 г. Сент-Арно был уже подполковником 53-го полка, а в 1844 г. — полковником и командиром

Орлеанвильской поддивизии. В 1847 г. за взятие в плен арабского старейшины он был произведен в бригадные генералы.

В 1848 г. Сент-Арно находился в отпуске в Париже, когда в феврале началась революция. Он был назначен командиром бригады, с которой штурмом брал баррикады на улице Ришелье, а потом занял полицейскую префектуру. Однако при отступлении правительственных войск Сент-Арно был захвачен толпой в плен, но скоро выпущен и опять вернулся в Африку.

Здесь он командовал Мостаганемской поддивизией, затем — Алжирской, а в 1850 г. принял начальство над Константинской провинцией. В 1851 г. Сент-Арно был назначен главным начальником экспедиции в Малую Кабилию и, удачно окончив ее, был произведен в дивизионные генералы. Вслед за тем Сент-Арно был вызван в Париж и назначен начальником 2-й пехотной дивизии Парижской армии. 26 октября 1851 г. принц-президент Луи Наполеон Бонапарт назначил Сент-Арно военным министром, избрав его своим орудием, как человека, на все готового.

Сент-Арно подготовил для Луи Наполеона государственный переворот 2 декабря 1851 г. и ровно через год после восстановления империи был сделан маршалом Франции, затем обер-италмейстером императора.

Когда Франция заключила союз с Портой против России, Сент-Арно получил главное командование над французской Восточной армией. Он командовал ею в самом начале боевых действий в Крыму, но 26 сентября 1854 г. вследствие совершенно расстроенного

здоровья передал начальство над войсками генералу Канроберу и уехал из армии. 29 сентября 1854 г. во время переезда в Константинополь Сент-Арно скончался.

Главной стратегической целью войск антироссийской коалиции стал отныне захват Севастополя и уничтожение русского Черноморского флота. От решения этих задач зависели дальнейшие военно-политические планы союзников в бассейне Черного моря.

В начале сентября 1854 г. флот союзников подошел к крымским берегам. Всего прибыло около 400 вымпелов — 89 боевых кораблей и свыше 300 транспортных судов. На них была доставлена 62-тысячная коалиционная армия для вторжения в Крым. К высадке на берег готовились французские, британские и турецкие солдаты и офицеры.

Осмотрев с кораблей укрепления прибрежной стороны Севастополя, англо-французское командование не решилось совершить здесь высадку. Корабли союзников последовали на север, к Евпатории. Десантные войска овладели городом. Основные силы флота передвинулись несколько южнее Евпатории, где союзная армия стала высаживаться на берег 2 сентября 1854 г. Коалиционной армией командовали французский маршал А. Сент-Арно и английский генерал Ф. Раглан.

Биография
Раглан Фицрой Джеймс Патрик
Генри Сомерсет
(1788—1855)

Младший сын герцога Бофорта Раглан с юности связал свою судьбу с военной службой, которую начал в 1804 г. Вскоре он оказался в Испании, где британские

войска под командованием герцога А. Веллингтона вели борьбу с Наполеоном. Через некоторое время Раглан стал адъютантом герцога. В 1809 г. Веллингтон назначил его начальником своей военной канцелярии. Однако Раглан отличился не только в канцелярской работе. На поле боя он проявил себя как бесстрашный и умелый командир. Так, очередной чин и награду он получил во время штурма Бадахоса, первым ворвавшись в пробитую артиллерией брешь в укреплениях. Отличился Раглан и в сражении при Ватерлоо, последней битве с Наполеоном. В ходе боя он был тяжело ранен, в результате чего потерял правую руку.

После окончания Наполеоновских войн и своего выздоровления Раглан остался при герцоге Веллингтоне, который стал ведущим политиком Англии. Долгие годы Раглан занимал должность секретаря главнокомандующего британской армии. Он сопровождал герцога в ряде его дипломатических поездок, в том числе был с ним на Венском конгрессе. Вместе с Веллингтоном он также участвовал в Веронском конгрессе Священного союза, в 1826 г. побывал в Петербурге, где герцог подписал русско-британскую декларацию по греческому вопросу. В дальнейшем Раглан являлся некоторое время членом палаты общин британского парламента.

В 1852 г. скончался герцог Веллингтон. Раглан получил чин генерал-фельдцейхместера и был возведен в должность пэра с титулом лорда. В 1854 г. его назначили командующим британскими войсками в Крыму. На его долю выпал самый тяжелый для союзников период осады Севастополя. Однако узнать об

исходе этой осады Раглану было не суждено. Он умер от холеры (по другим сведениям — от огорчения) через десять дней после неудачного штурма Севастополя 6 (18) июля 1855 г.

Пока до этих событий было еще очень далеко. Союзники были уверены в своем скором успехе. Ведь их силы значительно превосходили силы противника. Командующим военными и сухопутными русскими войсками в Крыму Николай I назначил князя А.С. Меншикова. Под его началом в составе сухопутных войск в тот момент насчитывалось 37,5 тысячи человек. Ему же подчинялись и силы Черноморского флота (около 20 тыс. человек флотских экипажей на кораблях и около 5 тыс. на берегу).

Первые события развернувшегося на полуострове противостояния, казалось бы, подтверждали надежды союзников. Прежде всего, им блестяще удалась десантная операция, которая всегда считается делом сложным и опасным. Именно тогда впервые наглядно проявились те качества Меншикова-военачальника, которые впоследствии вызывали сначала удивление, затем возмущение, а еще позже и обвинения в его адрес.

Меншиков расположил свои войска на южном левом берегу речки Альмы, впадавшей в Черное море недалеко от Севастополя. Один из офицеров, участник событий, писал: «Началась высадка неприятелей без всякой помехи с нашей стороны! Два, три полка с артиллерией могли бы порядочно поколотить высаживавшегося — закачанного на море — неприятеля!.. Но наши равнодушно смотрели на эту высадку, даже не сделали никакого распоряжения о прекращении перевозки товаров по Крыму! Зато неприятель на другой же день после высадки отбил 400 пар волов, везших в Севасто-

поль муку и спирт!...» Разумеется, причиной нерешительности русского военачальника было, прежде всего, численное превосходство противника. В результате высадка союзных войск в Крыму произошла для них чрезвычайно успешно.

8 (20) сентября произошло первое сражение между русскими войсками (33 тысячи человек при 96 орудиях) под командованием Меншикова и соединенными силами англичан, французов и турок (55 тысяч человек при 112 орудиях) на реке Альме. Русский левый фланг был атакован французами, правый — англичанами. По левому флангу вел также огонь союзный флот. Превосходство в силах и оружии, а также грубые ошибки русского командования привели к тому, что попытка остановить продвижение союзников не удалась.

На левом фланге у моря русские занимали очень удобную позицию на высотах слева от Севастопольской дороги. Поставленный там Меншиковым во главе русских войск генерал Кирьяков заявлял, что с одним батальоном «шапками забрасает неприятеля» (современники считали, что именно этот генерал пустил в Крымскую войну в оборот это сомнительное выражение). Однако в самом начале боя Кирьяков неожиданно и совершенно беспричинно покинул свои позиции, которые вскоре были заняты французами. На других направлениях русские предпринимали контратаки, однако засевшие на высотах французы могли безнаказанно расстреливать с дальнего расстояния из пушек и нарезных ружей русских. Сдерживавшие в других местах около 7 часов натиск неприятеля войска вынуждены были в конце концов отступить по приказу Меншикова по Севастопольской дороге к городу. Союзники потеряли в битве на Альме около 4,5 тыс. человек, русские — около 6 тыс.

Проигранная битва на Альме открыла неприятелю путь к главной базе Черноморского флота.

ПОДГОТОВКА СЕВАСТОПОЛЯ К ОБОРОНЕ

Русские войска были разбиты на Альме, но организованно отступили в Севастополь. Союзники не решились их преследовать.

Вскоре Меншиков отдал приказ армии отходить из Севастополя к Бахчисараю. Главкомандующий исходил из классического опыта обороны крепостей. Двигавшиеся к Севастополю союзники должны были оказаться зажатыми между гарнизоном крепости и полевой армией.

Большая Севастопольская бухта (Северная бухта) протяженностью в 7 км делит город на две части: Северную сторону и Южную сторону. Ответвление Большой бухты (Южная бухта) делит Южную сторону Севастополя на две части — на западном берегу лежит Городская сторона, на восточном берегу — Корабельная сторона.

Превосходство союзников было подавляющим. В Севастополе оставался гарнизон из 9 батальонов (около 7 тысяч человек) и флот. В его составе числилось 14 парусных линейных кораблей, 11 парусных и 11 паровых фрегатов и корветов с 24,5 тысяч офицеров и матросов. При этом Севастополь был как следует подготовлен к обороне только с моря. Здесь были готовы к борьбе 8 береговых батарей с 610 орудиями. Но и тут громадное превосходство флота союзников не оставляло русским шанса на успех. Особенно если бы англо-французские корабли попытались войти в Севастопольскую бухту.

Со стороны суши вокруг Севастополя имелись лишь старые и недостроенные укрепления с 51 орудием на Северной стороне и 145 — на Южной.

Несмотря на призывы руководства Черноморского флота укрепить Севастополь в этом плане практически ничего не

делалось ни до войны, ни в начале войны. Лишь по настоянию начальника штаба Черноморского флота адмирала В.А. Корнилова подрядчику Волохову было «разрешено выстроить на собственный его счет» (!) башню для защиты рейда со стороны моря. Строительство этой башни закончилось лишь за два дня до высадки союзников в Крыму, и именно эта башня очень скоро сыграла решающую роль в спасении Севастополя, не дав союзному флоту подойти вплотную к берегу во время первой бомбардировки города. Русское командование, включая Николая I и А.С. Меншикова, до последнего момента не верило в возможность нанесения удара по Крыму, хотя эта тема уже давно и активно обсуждалась в открытой печати западных стран.

Узнав об исходе битвы на Альме, командование севастопольского гарнизона и Черноморского флота тут же приступили к подготовке обороны города и порта. Ни у кого даже не возникло мысли об ином пути, хотя положение казалось безнадежным.

В эти дни свершилось то, что на западе неизменно называли чудом. Оказавшись перед лицом сильнейшего врага, защитники Севастополя и не думали заканчивать борьбу, наоборот, они считали, что она только начинается. Каждый севастополец сознавал всю серьезность угрозы, нависшей над главной базой Черноморского флота. В сознании русских людей борьба против вражеских войск стала борьбой за родную землю, за которую пролили кровь многие поколения. Сознание этих целей определяло неизмеримое моральное превосходство защитников Севастополя над противником. Ни беззащитность города с сухопутной стороны, ни появление у его южных окраин 60-тысячной армии захватчиков не поколебали решимости севастопольцев до конца оборонять город. На его защиту поднялось все население. Севастополь был объявлен на осадном положении.

Руководителям обороны, прежде всего, необходимо было решить две срочнейшие задачи — усиление гарнизона и защита рейда Севастополя.

Перед отходом войск из Севастополя князь А.С. Меншиков оставил вице-адмирала В.А. Корнилова начальником Северной стороны города, а вице-адмирала П.С. Нахимова — Южной. Тогда же было принято решение о назначении Нахимова главнокомандующим флотом и морских батальонов в случае отсутствия по каким-либо причинам Корнилова в Севастополе.

И Корнилова, и Нахимова любили на флоте. Но Корнилова любили как доброго барина, хорошего начальника и знатока своего дела, хотя по своим человеческим качествам он все же уступал Нахимову, целиком жившему интересами флота. Недальновидное решение Меншикова о распределении обязанностей между двумя адмиралами, при котором у них были равные права, могло привести к спорам и пререканиям. Нахимов был старше годами и службой Корнилова, однако он прекрасно знал, что Корнилов имеет больше специальных знаний и административного опыта. Главное же заключалось в том, что Нахимов был не похож на многих честолюбивых военачальников, думающих больше о престиже, чем о деле. На военном совете он отдал себя в полное подчинение Корнилову. Это сохранило единство командования гарнизоном.

На военном совете 9 сентября, собранном Корниловым, было принято решение о дальнейшей судьбе Черноморского флота. Некоторые моряки, в том числе Корнилов, понимавшие, что русский флот не способен сражаться с флотом союзников, тем не менее предлагали выйти в море, чтобы погибнуть с честью. Корнилов считал, что наш флот погибнет, но и флот противника будет обескровлен, понесет серьез-

ные потери и не сможет принять участие в штурме города. В случае невозможности нанести поражение противнику корабельной артиллерией Корнилов предлагал сцепиться на бордаж, взорвать себя и часть флота союзников. А без поддержки флота сухопутная армия действовать не сможет.

За морское сражение был и Нахимов. Однако большая часть членов совета поддержала принятое еще сразу после Альмы А.С. Меншиковым решение о затоплении части старых кораблей, чтобы преградить судам союзников вход в Севастопольскую бухту. Моряков с этих кораблей предполагалось по плану Меншикова включить в состав севастопольского гарнизона, а корабельными орудиями усилить гарнизонную артиллерию. На кораблях стояли мощные бомбические пушки, а на севастопольских батареях — в основном пушки малых калибров; кроме того в гарнизоне ощущалась острая нехватка артиллерийской прислуги, что также решалось с помощью привлечения опытных морских артиллеристов.

Не согласившись с мнением совета, Корнилов распустил его и отправился к главнокомандующему. Однако Меншиков согласился с мнением совета, он твердо решил исполнить задуманное. Князь даже предполагал отправить Корнилова из Севастополя в Николаев, поручив затопление кораблей кому-либо другому. Однако начальник штаба Черноморского флота не мог покинуть город. Он выполнил приказ командующего. Корнилов в своем приказе морякам писал:

«Товарищи! Войска наши после кровавой битвы с превосходящим неприятелем отошли к Севастополю...

Вы пробовали неприятельские пароходы и видели корабли его, не нуждающиеся в парусах. Он привел двойное число таких, чтоб наступать на нас с моря; нам надобно отказаться от любимой мысли разразить врага на воде; к тому

же мы нужны для защиты города, где наши дома и у многих семейства... Грустно уничтожать свой труд: много было употреблено нами усилий, чтоб держать корабли, обреченные жертве, в завидном свете порядке; но надо покориться необходимости: Москва горела, а Русь от этого не погибла...»

П.С. Нахимов — наиболее решительный сторонник активных действий флота против неприятельских морских сил — также был вынужден прийти к подобному выводу: «...Приложение винтового двигателя окончательно решает вопрос о нашем настоящем ничтожестве на Черном море. Итак, нам остается одно будущее, которое может существовать только в Севастополе; враги наши знают цену этому пункту и употребят все усилия, чтобы завладеть им... Если неприятельские корабли утвердятся на рейде, то, кроме того, что мы потеряем Севастополь и флот, мы лишимся всякой надежды в будущем; имея Севастополь, мы будем иметь и флот; однажды же отданный — отнять без содействия флота невозможно, а без Севастополя нельзя иметь флота на Черном море; аксиома эта ясно доказывает необходимость решиться на всякие меры, чтобы заградить вход неприятельским судам на рейд и тем спасти Севастополь».

Утром 11 сентября 1854 г. у входа в Севастопольскую бухту, поперек рейда, были затоплены парусные линейные корабли «Силистрия», «Варна», «Уриил», «Три святителя», «Селафаил» и два фрегата — «Флора» и «Сизополь». Через некоторое время для усиления заграждения рейда дополнительно ушли под воду линейные корабли «Двенадцать апостолов», «Святослав», «Ростислав», фрегаты «Кагул», «Месемврия», «Мидия».

Легко представить, как переживали моряки это событие. Один из них позже писал: «Трудно вообразить это грустное чувство при виде погружающегося родного корабля. Корабль

не есть просто соединение дерева, железа, меди и снастей, нет — это живое существо, способное понять все хлопоты, старания, труды о нем и отблагодарить вас с полной благодарностью...»

Однако все понимали необходимость данного решения. Понимали и противники. Командующий французским флотом адмирал Гамелен писал: «Если бы русские не заградили входа в Севастопольскую бухту, затопив пять своих кораблей и два фрегата, я не сомневаюсь, что союзный флот после первого же выдержанного огня проник бы туда с успехом и вступил бы из глубины бухты в сообщение со своими армиями».

Перед затоплением матросы перевозили орудия с кораблей на берег, вооружая возведенные бастионы северной и южной стороны города. После затопления большей части судов оставшиеся корабли были выведены из Южной бухты и расставлены так, чтобы в случае штурма города их орудия могли оказать помощь защитникам города.

Накануне затопления первых кораблей Черноморского флота Нахимов издал приказ: «Неприятель подступает к городу, в котором весьма мало гарнизона; я в необходимости затопить суда вверенной мне эскадры и оставшиеся на них команды с бордажным оружием присоединить к гарнизону. Я уверен в командирах, офицерах и командах, что каждый из них будет драться как герой; нас соберется до трех тысяч; сборный пункт на Театральной площади».

Из кораблей экипажей — как затопленных, так и оставшихся в строю — стали формироваться береговые флотские батальоны. Уже 11—12 сентября было создано 17 флотских батальонов численностью 12 тысяч человек. По всем свидетельствам, моряки с большим воодушевлением шли на сухопутный фронт. Один из капитанов — защитников Севасто-

поля писал в те дни: «С фрегата своего я взял 300 человек, но самое трудное было выбрать 70, которые должны остаться: все хотят идти в дело, просят как особенной милости, чтоб взял с собой... Чего не сделаешь с такими людьми? Всякая похвала людям будет недостаточна, только в такое тяжелое время можно оценить их».

13 сентября 1854 г. армия союзников приблизилась к Севастополю. Французскими войсками к этому времени уже командовал генерал Ф. Канробер.

Биография

Канробер Франсуа Гертрэн

(27.06.1809—28.01.1895)

После окончания в 1828 г. Сен-Сирской военной школы Канробер был произведен в офицеры и отправился в Алжир. Здесь он участвовал во многих экспедициях и отличился при штурме Константины, где был ранен. В 1847 г. он получил под свое командование полк зуавов.

В 1850 г. Канробер был отозван в Париж и назначен адъютантом к Луи Наполеону с производством в бригадные генералы. Содействие, оказанное Канробером Наполеону при государственном перевороте 2 декабря 1852 г., упрочило его положение.

С началом Крымской (Восточной) войны Канробер был назначен начальником дивизии в Восточной армии. В день сражения при Альме Канробер по собственной инициативе бросился на помощь зарвавшейся дивизии Босхе и спас ее от разгрома, хотя при этом сам был сильно контужен. Главнокомандующий французской армией маршал Сент-Арно признал Канробера главным виновником победы.

Покидая вскоре после того армию по болезни, Сент-Арно передал главное командование в ней Канроберу. Несмотря на то, что новый главнокомандующий встретил большие затруднения в снабжении армии, он все же надеялся дней через пятнадцать овладеть Севастополем. Однако этим планам не дано было осуществиться. Ни бомбардировка 5 октября 1854 г., ни успехи под Балаклавой и Инкерманом (в последнем сражении Канробер был легко ранен) ничего не дали. Началась осада города.

Постепенно положение Канробера ухудшалось, поскольку в Париже нетерпеливо ожидали победы. Наполеон III забрасывал Канробера приказами, в которых настойчиво требовал иттурмовать Севастополь. Будучи любим в войсках, Канробер так и не смог поддержать свой престиж главнокомандующего среди генералов, которые ему плохо повиновались. К этим несогласиям присоединилась еще рознь между главнокомандующими союзных войск.

Последним событием, повредившим Канроберу в глазах императора и армии, стала морская экспедиция в Керчь адмирала Брюа, на которую Канробер согласился по совету лорда Раглана, но которую он отменил уже во время пути эскадры из-за телеграфных указаний Наполеона III.

В конце концов Канробер испросил разрешения сдать командование армией генералу Пелисье, а сам принял свою прежнюю дивизию. Затем он был назначен начальником особого отряда, действовавшего в долине Черной речки, но накануне сражения при Черной речке 3 августа 1855 г. был вынужден покинуть армию.

По возвращении во Францию в марте 1856 г. он был пожалован званием маршала. В Австро-итальянской войне 1859 г. Канробер командовал III корпусом французской армии, но роль его в этой кампании оказалась достаточно пассивной. Во Франко-германской войне 1870—1871 гг., командуя войсками того же корпуса, Канробер принял самое активное участие в сражении под Мецем. Действия Канробера были настолько энергичны и блестящи, что если б он был вовремя поддержан маршалом Базеном, исход Мецской операции мог быть иным. Вместе с Мецской армией Канробер был взят в плен и по возвращении из него больше не принимал участия в военной деятельности.

Приблизившись к Севастополю, союзное командование по-прежнему было склонно преувеличивать силы защитников города. Почти сразу после высадки союзников у Евпатории защитники города начали строительство большого количества укреплений на Северной стороне. Генералы Ф. Канробер и Ф. Раглан не решились на штурм Северной стороны Севастополя и начали его обход. Эта была крупнейшая ошибка союзного командования. Все защитники города позже высказывали единодушное мнение, что атака Северной стороны тогда привела бы к захвату ими базы русского Черноморского флота. Корнилов записал чуть позже в своем дневнике: «Должно быть, Бог не оставил еще Россию. Конечно, если бы неприятель прямо после Альминской битвы пошел на Севастополь, то легко бы завладел им».

Союзники решили основной удар наносить с южной стороны города, считая Херсонесский полуостров удобной и надежной базой для своих дальнейших действий. 14 сентября, преодолев героическое сопротивление крошечного

гарнизона, франко-английские войска захватили городок Балаклаву. Балаклава стала основной базой английского флота, пунктов выгрузки всего необходимого для войны. Базой французского флота стала Камышевая бухта.

Ошибка союзников дала отсрочку В.А. Корнилову, назначенному на военном совете начальником штаба севастопольского гарнизона. Отсрочку для борьбы за город. Хотя и военное руководство союзников, и русское высшее командование уже строили свои планы, исходя из его ближайшего падения, однако сами севастопольцы думали иначе. Корнилов издает приказ по гарнизону: «Будем драться до последнего. Всем начальникам я запрещаю бить отбой. Барабанщики должны забыть этот позорный бой... Товарищи, если бы я приказал ударить отбой, — не слушайте, и тот подлец будет из вас, кто не убьет меня!» Во главе отдельных участков оборонительной линии, командирами бастионов и батарей были назначены опытные боевые адмиралы и офицеры Черноморского флота, участники Синопского сражения адмиралы Ф.М. Новосильский, В.И. Истомин и другие.

Вокруг Севастополя развернулись большие земляные работы, в которых участвовали тысячи матросов, солдат и горожан. Вторая половина сентября 1854 г. была временем напряженной работы. Возводили новые укрепления, батареи, траншеи, рвы, ходы сообщения. Сооружались полевые кухни, лазареты. Работа кипела и днем и ночью. Один из офицеров писал: «Не могу надивиться этой деятельности, этой энергии матросов: с утра до ночи копают рвы, выкладывают стенки, возят орудия на горы, а ночью лежат в цепи, в секретах, на аванпостах... Мы становимся всякий день или, вернее, всякий час сильнее и отважнее, ставим по 20 орудий в сутки...»

Руководил созданием севастопольских оборонительных сооружений инженер-генерал Э.И. Тотлебен.

Биография

Тотлебен Эдуард Иванович

(1818—1884)

Э.И. Тотлебен родился в Риге в семье коммерсанта. Начальное образование получил в частном пансионе, а затем поступил в Главное инженерное училище в Петербурге.

Болезнь сердца помешала Тотлебену окончить полный курс наук в инженерном училище, и в 1838 г. он вернулся в Ригу. Здесь он был зачислен в рижскую инженерную команду, а в 1840 г. переведен в учебный саперный батальон подпоручиком. Находясь в саперном батальоне, он обратил на себя внимание генерала К.А. Шильдера, предложившего ему заняться трубной минной системой. Для дальнейшей работы по этому направлению Тотлебен был направлен в Киев с саперной командой, где под его руководством были проведены эксперименты по подземным взрывам.

В 1848 г. Тотлебен был направлен на Кавказ, где принял участие в нескольких экспедициях. Ему принадлежит особая заслуга во взятии Гергебиля, где он в 80 саженьях от стен осаждаемого аула заложил летучей сапой брешь-батарею. В 1849 г. Тотлебен заведовал всеми работами по осаде укрепления Чох. Совершив смелую ночную рекогносцировку перед фронтом укрепления, он заложил в 30 саженьях от укрепления передовую параллель с двумя брешь-батареями. После возвращения с Кавказа Тотлебен был назначен адъютантом к Шильдеру.

В 1851 г. он служил гвардейским инженером в Петербурге и руководил практическими работами

гвардейского саперного батальона во время лагерных сборов.

В начале 1854 г. Тотлебен был вызван в главный штаб Дунайской армии, где исполнил ряд поручений генерал-адъютанта Шильдера, совершив под огнем турецких батарей ряд блестящих рекогносцировок, и выработал план атаки укреплений при Калафате. Особенно Тотлебен отличился при осаде Силистрии. С началом подготовительных осадных работ он был назначен траншей-майором, а затем заменил получившего ранение Шильдера, приняв на себя руководство всеми осадными работами. Результатом его деятельности стал взрыв, уничтоживший 7 июня весь фронт передового укрепления Араб-Табия.

Когда осада Силистрии была снята, Тотлебен был направлен в Севастополь. Главнокомандующий А.С. Меншиков отклонил предложение Тотлебена о немедленном начале оборонительных работ. Работы были начаты лишь тогда, когда высадка уже состоялась. При устройстве оборонительной линии Тотлебен принял за основание следующий принцип. Избиралась ближайшая к городу позиция, уже с существующими укреплениями, и на главных ее пунктах выставлялась сильная артиллерия. Эти пункты соединялись траншеями и для ружейной обороны и для прикрытий. Между главными пунктами в некоторых местах ставились дополнительные батареи. В итоге все подступы к городу должны были получить сильную фронтальную и фланговую оборону как артиллерийским, так и ружейным огнем.

Попытки союзников взорвать севастопольские укрепления посредством закладки под них мин

натолкнулись на подготовленные Тотлебенем сети минных галерей и окончились безрезультатно.

8 июня 1855 г. Тотлебен был ранен в ногу пулей навывлет, но даже ранение не заставило его покинуть позиции, и он продолжал руководить оборонительными работами.

После падения Севастополя Тотлебен, произведенный в чин генерал-адъютанта, был вызван в Николаев для строительства укреплений. После окончания Крымской войны он принял на себя заведование перевооружением Кронштадтских укреплений, а затем в продолжение двух лет занимался изучением крепостей Германии и Франции и организации там инженерного дела. В 1859 г. Тотлебен был назначен директором Инженерного департамента.

В 1863—1864 гг. под его непосредственным руководством была проведена огромная работа по обустройству и обновлению крепостных укреплений в Свеаборге, Динабурге, Выборге и Николаеве. Были созданы укрепления в устьях Невы и Северной Двины, а Кронштадт получил мощную линию береговой обороны для отражения нападения неприятельского флота.

В 1866—1873 гг. Тотлебен занимает пост товарища (заместителя) генерал-инспектора по инженерной части. В это же время им была разработана система укреплений на северо-западных границах, а в 1869 г. он составил проект укрепления Киева. В качестве председателя артиллерийской инженерной комиссии Тотлебен принял участие в вооружении русских крепостей нарезными орудиями.

С 1871 по 1875 г. Тотлебен занимался разработкой новой системы оборонительных линий, с их

главными крепостными опорными пунктами. На особом совещании о стратегическом положении России, состоявшемся в 1873 г. под председательством Александра II, был принят план Тотлебена, по которому Новогеоргиевск, Бендеры, Ивангород и Варшава усиливались передовыми укреплениями и строились передовые укрепления вокруг Бреста для прикрытия железных дорог, у Очакова и Ямполья. Также было решено укрепить Гродно, Ковно и позицию под Вильно, построить укрепления впереди Дубны и Проскурова и у моста Осовец, обеспечить переправу через Западную Двину у Риги. Работы по исполнению этого плана были остановлены начавшейся Русско-турецкой войной.

С 1874 г. Тотлебен работал над реорганизацией инженерных войск с учетом современных требований военной науки. В 1876 г. он был назначен главным распорядителем по обороне черноморского побережья. В Керчи, Очакове, Одессе и Севастополе Тотлебенем были установлены мины, возведены новые батареи и усилено вооружение.

Во время Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. он был направлен к осажденной Плевне и, прибыв туда 2 сентября 1877 г., сразу принял руководство осадными работами. После взятия Плевны Тотлебен был назначен командиром Руцукского отряда, но 8 февраля 1878 г. был вызван в Петербург для совещания по вопросу о занятии Босфора и закрытии его для английского флота, стоявшего у Принцевых островов.

Назначенный вслед за этим главнокомандующим, Тотлебен после прибытия к армии понял, что

заяятие Босфора невозможно и не имеет смысла, а в случае даже успешного штурма Константинополя выгоды будут иметь лишь временный характер, а в случае неудачи могут быть потеряны все итоги успешной войны. Поэтому Тотлебен лишь поддерживал дипломатов во время переговоров о заключении мира. Он же руководил и возвращением войск в Россию. За победы в Русско-турецкой войне 1877—1878 гг. он был награжден орденами Св. Георгия 2-й степени и Св. Андрея Первозванного.

В 1879 г. Тотлебен был возведен в графское достоинство. В том же году он был назначен одесским генерал-губернатором. На следующий год он становится виленским, ковненским и гродненским генерал-губернатором. Э.И. Тотлебен скончался в 1884 г. и был похоронен в Севастополе.

Э.И. Тотлебену суждено было оставить глубокий след в истории России. Но впервые он стал широко известен и в нашей стране и за рубежом именно благодаря созданию оборонительных укреплений Севастополя. В течение немногих дней вся Южная сторона Севастополя была окружена оборонительной линией, основу которой составляли шесть бастионов. Три из них прикрывали Корабельную сторону города, а три других — Городскую. Важнейшим пунктом обороны должен был стать Малахов курган на восточной окраине Севастополя. Позади главной оборонительной линии, поспешно, но тщательно созданной, в скором времени появились еще две запасные линии редутов, укрепленных батарей, баррикад.

А перед главной линией обороны неприятеля также ждали сюрпризы — небольшие завалы для снайперов, в даль-

нейшем соединенные по несколько вместе окопами, куда вмещались уже несколько десятков стрелков. Для защиты от снарядов противника строились блиндажи, щиты из толстых тросов, прикрывающих артиллерийскую прислугу от неприятельских пуль и т.д.

Все это делалось под пристальным вниманием осаждающих, естественно, пытавшихся противодействовать столь интенсивной работе севастопольцев. Но строительство продолжалось при любом противодействии. Ибо от этого зависело, жить городу или умереть.

С 15 сентября по 5 октября было построено более 20 батарей, и артиллерийское вооружение севастопольских укреплений возросло в два раза — с 172 до 341 орудия. Огромную роль сыграли корабельные орудия. Всего за время осады города на сухопутных позициях было установлено более 2 тысяч орудий с кораблей Черноморского флота. «Вся оборонительная линия (кроме 6-го бастиона и малого числа мортир), — писал современник-артиллерист, — была вооружена морскими орудиями и снабжалась в продолжение всей обороны морским ведомством. Таким образом, наша оборонительная линия до некоторой степени представляла собой прежний наш Черноморский флот, перешедший на берег со всеми судовыми порядками и морской обстановкой».

Но не только орудия шли в дело. Вместе с ними с кораблей перевозились цистерны для питьевой воды, которые на бастионах нашли другое применение — их приспособили под пороховые погреба. На бастионы перешло и другое корабельное оборудование — орудийные станки, сигнальные флаги, зрительные трубы и многое другое.

Занимая позиции вокруг Севастополя, моряки вводили на них знакомые, традиционные для них корабельные порядки: учреждались вахты, раздавались звуки боцманской

дудки, били склянки. Участник обороны писал об этом: «Морские офицеры со своими командами взялись за оборону батареи, для них заменивших корабли: та же прислуга, что и на кораблях, те же командиры, тот же порядок, почти тот же способ командования и управления, та же несокрушимая решимость, что и на море, та же ловкость, что и на реях, та же отвага, что и в борьбе с разъяренной стихией».

Одновременно с возведением укреплений на Северную сторону Севастополя уже 18 сентября прибыла часть войск от Меншикова. Три пехотных полка были переправлены на Южную сторону. Гарнизон города вырос к началу октября 1854 г. до 35 тысяч человек.

Севастополь был готов к обороне. «С первого дня обложения Севастополя превосходящим в силах неприятелем, — говорилось в приказе В.А. Корнилова, — войска, предназначенные его защищать, выказывали решительную готовность умереть, но не отдать города... В продолжение короткого времени неутомимую деятельность всех выросли из земли сильные укрепления и пушки старых кораблей расставлены на этих грозных твердынях... Войска рвутся сразиться и на каждом шагу выказывают свою удаль. Они по примеру отцов не хотят и знать о числе неприятелей».

ПЕРВАЯ БОМБАРДИРОВКА СЕВАСТОПОЛЯ

Разведчики союзников приблизились к южной окраине Севастополя. Увиденное было для них полной неожиданностью. Укрепления вокруг города росли не по дням, а по часам. Поэтому англо-французское командование вынуждено было отказаться от немедленного штурма крепости. Было решено соорудить осадные батареи, чтобы ослабить сопротивление защитников бомбардировкой, а затем про-

вести штурм. 17 сентября началась разгрузка кораблей, строительство лагеря, распределение позиций. Французы оказались против правого фланга защитников города, англичане — против левого. В конце сентября началась установка осадных орудий. Они располагались примерно в километре от линии обороны.

Осажденные также не смотрели безучастно на работы противника. Сразу же начались первые столкновения, обстрелы союзников, препятствовавшие их работам. Тогда же произошли и первые вылазки защитников Севастополя. 20 сентября унтер-офицер Баженов, находясь в разведке, захватил в плен французского капитана. Отряд из 12 матросов во главе с боцманом Петренко совершил нападение на противника и захватил трофеи.

Однако в целом почти месяцу под Севастополем было спокойно. В начале октября положение изменилось.

3 октября 1854 г. на военном совете союзники решили, что сил для штурма у них достаточно. Утром 5 октября 1854 г. началась первая бомбардировка союзниками Севастополя. После этой бомбардировки должен был последовать штурм города силами сухопутной армии и флота.

Огонь по укреплениям, кораблям, городу открыли в 6 часов утра все осадные батареи, а в полдень — вся корабельная артиллерия союзников. Всего в бой вступило 126 осадных орудий и 1340 орудий (одного борта) 49 кораблей. Отвечали им с русской стороны 233 береговых орудия и 104 орудия 22 оставшихся на рейде кораблей.

Артиллерийская дуэль продолжалась целый день. Вскоре в городе и на бастионах появились первые разрушения. «Город несколько раз зажигался, но успевали тушить огонь, — писал очевидец. — Укрепления наши, только что насыпанные большей частью из земли со щебнем и не

успевшие еще окрепнуть, скоро осыпались от неприятельского огня, но люди немедленно очищали землю от орудий, исправляли разрушенное и опять наши орудия отвечали неприятелю с новой силой...».

Несмотря на огромное огневое преимущество, исход дуэли был неудачным для союзников. Основная тяжесть борьбы легла на севастопольских артиллеристов. Они с первых же минут сражения начали вести ответный огонь.

Решающее значение имели мужество и мастерство русских артиллеристов. «Комендоры орудийные, — писал тот же очевидец, — увлеченные отвагой, не давали орудиям своим отдыха, так что не раз слышалась команда “стреляй реже” и приказано против частой стрельбы поливать орудия водой». Воинам помогали жители Севастополя: женщины и дети под обстрелом врага носили им воду, перевязывали раненых, тушили бомбы врага.

Всего русские пушки 5 октября сделали около 20 тысяч выстрелов. Под градом вражеских снарядов артиллеристы вели огонь и в то же время находились в постоянной готовности к отражению возможного штурма. Все очевидцы в один голос говорят о необыкновенном подъеме и энтузиазме воинов. «Увлечение было так велико, что прислуга для ускорения стрельбы порешила вовсе не прикрываться бруствером. Заряжать, прикрываясь им, было бы неудобно и медленно... Сознание это возникло само собой и так же мгновенно выполнено самой прислугой без всякого посредства начальников, без всякого приказания... Номера прислуги оставались при этом все время боя на кроне орудий, соскакивая с него лишь в момент производства выстрела. Кроме величайшей опасности, этот способ стрельбы был очень утомителен для орудийной прислуги, но ни об опасности, ни об утомлении в то время никто не думал». Так писал очевидец о действиях артиллеристов 5 октября.

Стрельбу вели и остававшиеся в бухте русские корабли. Особенно отличился парохо-до-фрегат «Владимир» Г.И. Бутакова. Для увеличения дальности стрельбы капитан применил новшество. Он создал кораблю искусственный крен до 7 градусов. Это повысило дальноточность корабельных пушек до 4—5 км. В дальнейшем крен для увеличения угла возвышения орудий стали использовать другие корабли Севастополя. Сам «Владимир» постоянно маневрировал по акватории порта и давал неприятелю вести прицельный огонь. Из примерно 500 снарядов, выпущенных по этому кораблю, во «Владимир» попало лишь 10, но он не потерял боеспособности: все пробоины были сразу заделаны.

С каждым залпом русских батарей увеличивались разрушения на позициях противника. В результате действий русских артиллеристов были подавлены все французские и почти все английские батареи. У французов взорвался сначала один, а затем второй пороховой погреб. После этого батареи, противостоящие правому флангу русской обороны, окончательно замолчали.

Лучше было положение англичан. Они сосредоточили почти весь огонь на Малаховом кургане, где обороной руководил контр-адмирал В.И. Истомин, и Третьем бастионе.

Биография

Истомин Владимир Иванович
(1807 или 1809—1855)

Истомин родился в семье судебного секретаря. Семья была большая, и все пятеро сыновей связали в дальнейшем свою судьбу с морем. Военное образование Владимир Истомин получил в Морском кадетском корпусе, в котором обучался с 1823 по 1827 г.

Сразу после окончания корпуса, получив распределение в Кронштадт в команду М.П. Лазарева, Истомин получает боевое крещение. Он принимал активное участие в Наваринском сражении 8 октября 1827 г., за что был награжден орденом Св. Георгия и званием мичмана. Затем в ходе Русско-турецкой войны 1828—1829 гг. он участвовал в блокаде Дарданелл.

После войны Истомин плывал на разных судах по Средиземному и Черному морям, совершенствуя свое морское образование. На Балтику он возвращается в 1830 г., и здесь он знакомится с Нахимовым и Корниловым, с которыми до самых последних дней его связывала крепкая дружба.

В 1838 г. Истомин был переведен на Черное море. Под его командой находились поочередно шхуна, корвет и фрегат. Истомин участвовал в Кавказской войне, в 1850 г. он получает чин капитана 1-го ранга и новейший 120-пушечный линейный корабль «Париж» под свое командование.

Командуя кораблем, он в 1853 г. принимал участие в Синопском сражении, в котором «проявил примерную неустрашимость и твердость духа, благоразумные, искусные и быстрые распоряжения во время боя». За Синоп Истомин был произведен в чин контр-адмирала.

С начала обороны Севастополя в 1854 г. Истомин являлся одним из ее главных деятелей. Ему пришлось сражаться на суше, где он руководил обороной Малахова кургана. Он писал брату, что ему «пришлось быть и артиллеристом, и инженером, и начальником войск». Истомин не оставил защищаемую терри-

торию ни на один день. Один из участников обороны писал: «Много я видел людей храбрых в разных кампаниях, но такая фантастическая храбрость, как в Истомине, есть явление редкое и достойное подражания». 7 марта 1855 г. Истомин погиб на боевом посту.

Умелые действия В.И. Истомина и других руководителей обороны Корабельной стороны 5 октября не дали союзникам возможности воспользоваться результатами огня их артиллерии. В ходе бомбардировки русские укрепления были во многих местах разрушены. В развалины превратилась башня Малахова кургана. На Третьем бастионе взорвался пороховой погреб. Опасаясь, что союзники начнут штурм, были приняты меры к восстановлению укреплений. Под губительным огнем на Третий бастион подходили свежие силы, несли ядра и заряды. «Эти смелые люди, — писал артиллерист Ф.В. Пестич, — из коих многие на этом пути погибли, неся зарядные мешки, часть которых была взорвана или в руках, или на спинах их, возвращаются на Третий бастион под тем же перекрестным огнем и дают возможность поддерживать огонь до самого вечера». К концу дня большинство английских орудий также были выведены из строя и прекратили бомбардировку.

Не лучше 5 октября 1854 г. сложились у союзников дела и на море. Французские корабли стали на правом фланге, турецкие поставили в центре, напротив входа в Севастопольскую гавань, англичане расположились слева, напротив Северной стороны Севастополя. Хотя на каждую русскую пушку 10 приморских батарей приходилось несколько десятков орудий неприятельского флота, союзные корабли боялись подходить близко к русским батареям и вели огонь

с дальней дистанции. Естественно, что он был сравнительно малоэффективным.

Однако русским артиллеристам дальность дистанции не помешала. Стремясь возместить меньшее количество своих орудий большим числом выстрелов, артиллеристы достигли предельной скорострельности: отдельные орудия в этот день сделали до 400 выстрелов.

Применяли русские батареи и хитрость. В разгар боя одна из батарей под командованием капитан-лейтенанта Андреева внезапно прекратила огонь. Союзные корабли, решив, что она подавлена, начали подходить к берегу для высадки десанта. Однако Андреев подпустил неприятеля на близкое расстояние и возобновил стрельбу. Меткие попадания заставили противника спешно отойти назад.

Уже в начале артиллерийской дуэли русский снаряд попал в корму французского флагмана «Париж», взорвался внутри, ранив многих штабных офицеров. На линейном корабле «Монтебелло» через пять минут после начала стрельбы перебили ядром якорный канат, и он долгое время был лишен возможности вести огонь. Серьезные повреждения уже в начале сражения вывели из строя и корабль «Шарлеман». Уже через два часа покинул боевую линию корабль «Юпитер», затем «Альбион» и «Аретуза». Возник пожар на корабле «Кин», который тоже начал отход. Корабль «Спайтфуль» стал тонуть, и лишь благодаря самоотверженным действиям команды был спасен. Корабль «Родней» сел на мель. На многих кораблях вспыхнули сильные пожары. Один за другим суда союзников уходили от Севастополя.

Около 6 часов последние из кораблей союзного флота покинули свои позиции. После боя союзники выяснили, что у них из строя выбыло свыше 500 матросов и офицеров. «Париж» получил свыше 50 пробоин. «Альбион» и «Аретузу»

пришлось отбуксировать в Константинополь для ремонта. Один из турецких кораблей от повреждений затонул в Черном море вместе с экипажем при возвращении в Турцию.

Неудача союзного флота явилась, с одной стороны, следствием мощного сопротивления севастопольцев, а с другой — неумелого руководства со стороны английских и французских генералов и адмиралов. Прежде всего, союзникам не удалось наладить взаимодействие сухопутной армии и флота. Флот начал свои действия, когда большинство осадных батарей союзников на суше были уже разгромлены огнем севастопольского гарнизона. Союзники выпустили 50 тысяч снарядов, но из-за слабой подготовки артиллеристов прибрежные русские батареи пострадали очень незначительно. Стремясь обелить себя, союзное командование объявило действия своего флота лишь демонстрацией, не преследовавшей якобы никаких решительных целей.

Последствия этого сражения были настолько серьезны, что англо-французский флот уже не принимал активного участия в осаде Севастополя вплоть до падения города.

Таким образом, в ходе первой бомбардировки 5 октября 1854 г. союзникам не удалось разрушить возведенные вокруг города укрепления. Благодаря самоотверженному труду защитников все разрушения были в течение нескольких дней восстановлены. Ф.В. Пестич писал: «Нужно было возобновить почти уничтоженный Третий бастион... Нужно было не на лошадях, а на людях несколько десятков орудий и станков доставить на батареи, разбросанные на семиверстном пространстве, по местности, разъединенной глубокими оврагами с большими и крутыми подъемами; нужно было не только возобновить установку орудий вместо подбитых, но и заменить некоторые уцелевшие орудия малого калибра другими, более сильными. Все это сделано было за одну ночь. На другой

день утром, т.е. 6 октября, Севастополь явился перед глазами неприятеля уже сильнее, чем он был накануне».

Вскоре коалиционное командование поняло, что никакого серьезного урона городским укреплениям бомбардировка не нанесла. Союзники продолжали обстреливать бастионы из остатков своих осадных орудий еще шесть дней. Однако малая результативность огня и ответные действия севастопольской артиллерии окончательно убедили противника, что город по-прежнему готов во всеоружии отразить нападение.

Между тем накануне 5 октября союзники были уверены в победе. В Лондоне, Париже, Стамбуле вовсю шли приготовления к празднованию в честь взятия Севастополя. В редакциях газет по несколько раз набирали и разбирали передовые статьи о победе. Некоторые агентства даже дали сообщения о падении русской крепости. 6 октября были получены депеши о блестящей победе: город бомбардирован, атакован и взят, флот истреблен, гарнизон сдался. В Париже готовили парады, иллюминацию, салюты, банкеты.

Тем более гнетущее впечатление произвели известия о реальном положении вещей. Стало ясно, что предстоит длительная осада Севастополя и о легкой победе надо забыть. В частности, суровой реальностью становилась предстоящая зимовка армий союзников в полевых условиях.

Обороной города во время первой бомбардировки руководили адмиралы Корнилов и Нахимов. Высокая результативность действий гарнизона Севастополя объясняется, прежде всего, его высоким боевым духом. А это во многом было заслугой руководителей обороны. Участник обороны Лев Толстой писал из Севастополя: «Дух в войсках выше всякого описания...

Корнилов, объезжая войска, вместо “Здорово, ребята!” говорил: “Нужно умирать, ребята, умрете?” — и войска отвечали: “Умрем, ваше превосходительство, ура!” и это не был эффект, а на лице каждого видно было, что не шутя, взаправду...» С начала бомбардировки Корнилов объезжал один за другим бастионы, отмечал недостатки в обороне, давал указания, старался определить успешность ответного огня русских батарей.

Нахимов находился на Пятом бастионе и распоряжался контрбатарейной борьбой с артиллерией противника. На нем был черный флотский сюртук с эполетами, которые всегда отличали его от других защитников Севастополя. Здесь и застал его приехавший Корнилов. Это была их последняя встреча.

Около 11 часов вице-адмирал Корнилов прибыл на Малахов курган. Осмотрев позиции и отдав необходимые приказания, он направился в Ушакову балку, где были сосредоточены резервные войска. В этот момент небольшое ядро смертельно ранило адмирала. Он умер со словами: «Отстаивайте Севастополь... Благослови Господи Россию и государя, спаси Севастополь и флот».

Нахимов получил 5 октября ранение в голову, но это не могло ему помешать сразу после гибели Корнилова фактически возглавить оборону Севастополя. 30 ноября он принял на себя обязанности помощника начальника Севастопольского гарнизона.

БАЛАКЛАВА

Сохранение постоянной связи между гарнизоном Севастополя и полевой армией было огромным преимуществом русской стороны. Еще не окончилась первая бомбардировка, когда А.С. Меншиков решил нанести удар по вражеским войскам с целью ослабления осады города.

Войска союзников в Крыму были разделены на два корпуса. Осадный корпус вел осаду города от Стрелецкой балки на западе до Черной речки на востоке. Обсервационный корпус прикрывал осаждавшие войска с фланга и вел борьбу с русской полевой армией, одновременно усиливая подкреплениями осадный корпус. Отдельный отряд турецких войск находился у Евпатории. Силы обсервационного корпуса были сосредоточены на значительном пространстве.

Меншиков поручил подготовить план атаки генералу П.П. Липранди. Липранди после рекогносцировки предложил атаковать коммуникации противника между Балаклавой и войсками, осаждавшими Севастополь. Одна дивизия должна была действовать против английского отряда генерала Д. Кэмбелла под Балаклавой, две других — против обсервационного корпуса, в который входили две дивизии генерала П. Боске и кавалерийская бригада.

Биография

**Боске Пьер Жозеф Франсуа
(8.11.1810—3.02.1861)**

После окончания в 1831 г. Политехнической школы Боске был произведен в подпоручики артиллерии, а три года спустя отправился в Алжир, где отличился в боях с арабами.

В 1853 г. Боске вернулся во Францию с чином дивизионного генерала и репутацией необычайно популярного в войсках генерала. В том же году Наполеон III назначил его командиром 2-й пехотной дивизии в составе армии, направленной в Крым.

Здесь дивизия Боске 25 сентября 1854 г. своим неожиданным появлением на левом фланге русских войск решила исход сражения при Альме. Своими

умелькими распоряжениями в сражении при Инкермане Боске также содействовал успеху союзных войск.

29 декабря 1854 г. Боске был назначен командиром 2-го корпуса Восточной армии, который наносил главный удар по Малахову кургану. 28 августа 1855 г. во время последнего штурма Боске был тяжело ранен гранатой и вынужден был оставить армию.

После возвращения во Францию император назначил его сенатором, а после заключения Парижского мира в марте 1856 г. — маршалом Франции.

В Боске сочетались все качества военачальника — храбрость, проницательность, находчивость, быстрая ориентация в боевой обстановке. Кроме того, он был чужд политических интриг. Боске был любимцем французских войск, а народ Франции считал его лучшим генералом Второй империи.

План, разработанный П.П. Липранди накануне сражения под Балаклавой, предусматривал удар, способный нанести существенный урон противнику. Такой удар мог бы поставить осаждавших в критическое положение. Успех сулила и возможность громить неприятеля по частям. Однако Меншиков не ставил столь существенных целей. Он принял решение ограничиться ударом по позиции союзников у Балаклавы. Соответственно для сражения были выделены силы, значительно меньшие, чем планировал Липранди.

На рассвете 13 октября русские войска под командованием Липранди начали наступление на неприятельские укрепления. Основными опорными пунктами врага были четыре редута, занятые турками и английскими артиллеристами, составлявшие передний край обороны Балаклавы. Эти редуты были расположены на высотах в холмистой долине. В результате

меткого огня русской артиллерии и решительного штурма к 10 часам все четыре редута были взяты. На первом редуте практически все его защитники были перебиты, с остальных турки бежали, побросав все орудия и снаряжение.

За редутами была расположена вторая линия союзнических укреплений. Русская кавалерия преследовала противника до этих укреплений. Гусары смяли передовые части противника, но к ним со всех сторон подходили значительные подкрепления.

К месту сражения прибыли командующие союзников генералы Раглан и Канробер. Атака немногочисленных русских кавалеристов была отражена. В подзорные трубы союзные командующие видели, как русские вывозят из редутов захваченные ими мощные английские пушки. Раглан, рассчитывая на превосходство союзных сил, приказал атаковать редуты и выбить из них противника. В атаку на редуты пошли две стоявшие у Балаклавы британские кавалерийские бригады — Тяжелая и Легкая. При этом они не имели никакой поддержки со стороны пехоты.

В Легкой бригаде, которой командовал генерал лорд Кардиган, служили представители знатнейших и богатейших аристократических семейств Великобритании. Так, например, сам Кардиган прибыл в Крым на собственной яхте. Под стать ему были и многие другие воины Легкой бригады.

Легкая бригада построилась в боевой порядок и во главе со своим командиром бросилась в стремительную атаку. Бригада наступала в трех линиях, ей предстояло пройти более 2,5 км. Справа двигалась Тяжелая бригада. Перед ними стояли части русских войск, расположенные в виде подковы. С одной стороны они располагались на высотах с только что занятыми ими редутами, с другой — они занимали Федюхины горы. Англичане оказались под огнем с двух сторон.

Русские артиллеристы, а затем и стрелки открыли огонь с занятых ими высот по всадникам. Однако остановить наступление было уже невозможно. Не обращая внимания на потери, англичане ворвались на редуты. Здесь находились небольшие отряды русских кавалеристов. В нескольких местах завязались рукопашные схватки.

Чем дальше продвигалась Легкая бригада, тем губительнее становилось ее положение. Огонь по англичанам все более усиливался, потери росли. Скрытно подошедший русский уланский эскадрон нанес мощный удар по флангу бригады Кардигана. Не выдержав натиска, остатки бригады начали отступать.

Отступая, кавалеристы несли еще большие потери. Видя гибель своих войск, Раглан бросил им на помощь эскадрон африканских егерей. Они атаковали правый фланг русских войск и потеснили его, но затем были отброшены Владимирским полком.

Вернуться из боя удалось немногим кавалеристам Легкой бригады. Из 800 человек уцелело около 200. За двадцать минут, в течение которых длился бой, была потеряна лучшая часть английской кавалерии, гордость британской армии, цвет аристократии. День 13 октября 1854 г. надолго остался в Англии траурным днем, а местность, где разыгралось сражение, получила название Долины Смерти. Этому событию в Великобритании посвящено множество статей, книг, снято два фильма. Написанное известным поэтом Альфредом Теннисоном стихотворение «Атака Легкой бригады» стало хрестоматийным и до сих пор изучается в английских школах.

Вскоре после поражения английской кавалерии закончилось и Балаклавское сражение. Несмотря на подход больших подкреплений, союзники не рискнули больше атаковать. Не смог закрепить успех и Липранди, не получивший от Менши-

кова свежих подкреплений. Генерал отдал приказ отходить на исходные позиции. Трофеями русских были неприятельское знамя, 11 орудий, боеприпасы, инженерные инструменты.

В ходе сражения ярко проявились морально-боевые качества русских солдат, оно дало множество примеров героизма и самопожертвования.

Подвиг

Унтер-офицер Кисленко и рядовой Ефимов, например, едва окончив перевязку полученных в бою ран, тотчас бросились к своим батальонам. Солдат Комиссаров во время сражения был ранен в руку и не мог зарядить ружье. Тогда он обратился к командиру роты: «Ваше благородие, позвольте мне сбегать завязать руку, а пока не угодно ли самим пострелять из моего штуцера — он знатно попадает; я же сейчас ворочусь». Через несколько минут Комиссаров возвратился с перевязки, взял свой штуцер и продолжал огонь по врагу. Раненый рядовой Цверковский, увидев скакавшего назад английского офицера, воскликнул: «Не дайте ему выскочить! Он славно напирал, пусть же хоть на отъезд попробует русского свинцу!» С этими словами он с трудом приподнялся, прицелился, выстрелил — англичанин свалился с коня. «Теперь хоть и на перевязку», — сказал Цверковский. Рядовой уланского эскадрона Зиноватый был ранен и сбит с лошади, но захватил неприятельскую лошадь и сражался на ней. Рядовой Дудоров во время атаки африканских егерей сразил трех всадников — одного выстрелом, а двух — штыком.

Липранди писал: «Все сражение можно назвать одним геройским подвигом».

Балаклавское сражение несколько ослабило осадные работы союзников, ибо они перебросили часть сил для прикрытия своих коммуникаций. Однако перспектива зимовки в Крыму совсем не прельщала англичан, французов и турок. На военном совете союзников 25 октября было вновь решено произвести штурм Севастополя, который должен был завершить наконец кампанию. Однако этим планам не суждено было осуществиться.

ИНКЕРМАН

К середине октября армия Меншикова получила наконец существенные подкрепления. Теперь русские силы стали превосходить по численности силы противника. Главнокомандующий решил начать наступление на врага в районе развалин турецкого городка Инкермана, располагавшегося на правом берегу Черной речки. Предусматривалось прорваться к Севастополю, разгромив противника, и обеспечить снятие осады с Корабельной стороны города.

Утром 24 октября 1854 г., еще в темноте, русские полки продвинулись вплотную к английским позициям и пошли в атаку. Они начали теснить противника, однако сопротивление вскоре усилилось. Командованию союзников очень быстро удалось перебросить свои подкрепления к месту боя. Русские наступали в составе двух отрядов, между которыми не удалось наладить взаимодействие. Отряд генерала Ф.И. Соймонова начал атаку первым, но понес большие потери. В начале боя пал Соймонов. Под напором превосходящих сил он начал отступать.

В это время вступил в бой второй отряд под командованием генерала Павлова. Он также поначалу успешно продвигался вперед, но затем из-за больших потерь и отсутствия

подкреплений отошел. Однако затем к месту боя подошли основные силы отряда Павлова — Охотский, Якутский и Селенгирский полки и русские атаки продолжились. Многие английские позиции несколько раз переходили из рук в руки. Положение англичан становилось все более критическим, они запросили помощи у французов.

Меншиков заранее принял меры по сковыванию французских сил. Так, отряд из 4 батальонов Минского полка во главе с генералом Тимофеевым нанес неожиданный и мощный удар из Шестого бастиона. Французское командование так и не смогло снять отсюда свои войска.

По-иному протекали действия другого русского отряда, которым командовал генерал П.Д. Горчаков. Он должен был сковывать обсервационный корпус генерала Боске. Однако Горчаков действовал нерешительно, ограничившись лишь артиллерийским обстрелом. Боске сначала направил на помощь англичанам два батальона, а затем, убедившись в бездействии русских, двинулся к Инкерману со своими основными силами.

Появление французских дивизий решило исход боя. По приказу командования русские организованно отступили. Отход прикрывал огонь кораблей Черноморского флота из Северной бухты.

Подвиг

Сражение под Инкерманом вновь показало исключительные боевые качества русских солдат. Солдаты дрались до последней минуты, а когда возникало безвыходное положение, то часто предпочитали смерть плену. В числе их был рядовой Поленов, который во время боя получил несколько тяжелых ранений и был прижат к обрыву ущелья. Тогда он, «истоцив в борьбе

с неприятелем последние силы, чтобы не отдаться в плен, бросился с крутой скалы...»

В одной из рукопашных схваток вражеские солдаты окружили унтер-офицера Зинченко, несшего знамя своего полка. Несмотря на несколько ранений, Зинченко отстоял знамя, вырвался из окружения и вынес с собой раненого командира батальона. «Междунами немало нашлось лиц, — писал очевидец этого подвига, — у которых шинели стали истинным подобием решета».

Однако сражение под Инкерманом ярко продемонстрировало и губительные для исхода войны недостатки вооружения и тактики русской армии.

Огромные потери войска понесли от неравенства вооружения. Как уже отмечалось, русские гладкоствольные ружья стреляли на 300—400 шагов, а западноевропейские штуцера — на 1200 шагов. Участник сражения писал: «...Из этого следует, что на всю ширину зоны в 800 шагов неприятель оставался в совершенной безопасности и мог поражать безнаказанно. В эту-то зону и удалялся противник со всей скоростью бега... Этот простой сам по себе маневр был доведен в неприятельских войсках до виртуозности. Убегала своевременно от наших выстрелов не только пехота, но и артиллерия, бросая на позиции не только орудия, но и ящики».

Наличие у противника нарезного оружия диктовало и изменение тактики войск. Густые, сомкнутые боевые порядки пехоты делали ее легкой мишенью, в огромной степени увеличивали потери. Наступление колонами уже не могло привести к успеху. Русские войска и на Дунае, и на Кавказе, и в Крыму уже с успехом применяли новую тактику

наступления — действие в стрелковых цепях, при котором войска передвигались под огнем противника перебежками от укрытия к укрытию. Такие построения позволяли сблизиться с противником, неся минимальные потери, и были удобны как для ведения огня, так и для перехода в штыковую атаку, где русским не было равных.

Однако в военных уставах того времени рекомендовалось действовать сомкнутыми колоннами. Исходя из этого, при планировании сражения при Инкермане предусматривалась атака колонами. Именно это привело к огромным потерям русских войск. Сказалось и неумелое командование, нерешительность русских высших военачальников. В то время многие в России говорили об Инкерманском сражении, что оно было выиграно солдатами, а проиграно генералами.

Поражение русской армии при Инкермане позволило союзникам продолжить осаду Севастополя. Однако назначенный штурм города был признан невозможным. Война окончательно приняла затяжной характер. Предстояла зимняя кампания...

БУДНИ СЕВАСТОПОЛЯ

Зимой 1854—1855 гг. в осаде Севастополя наступило относительное затишье. И союзники и русские в Крыму были заняты, прежде всего, наращиванием своих сил, готовясь с приходом теплого времени возобновить решительную борьбу. И здесь все более и более начинало сказываться экономическое преимущество противников России.

Флот Англии, Франции, Сардинии и Турции обеспечивал беспрепятственную и сравнительно быструю доставку и войск, и оружия с боеприпасами, и всего необходимого для осады под Севастополь. Правда, союзнический флот понес

серьезные потери во время сильнейшего шторма 2 ноября, однако стабильная связь метрополий с экспедиционными силами не прерывалась ни на мгновение.

Буря нанесла ущерб и защитным сооружениям Севастополя. Она разломала затопленный у входа в Севастопольскую бухту корабль «Силистрия». Образовался широкий проход, через который можно было прорваться на рейд города. Однако пока союзники раздумывали, осажденные 5 ноября спешно заделали этот проход, потопив в нем свой линейный корабль «Гавриил».

Позже союзники даже построили узкоколейную железную дорогу от причалов Балаклавы к своим осадным батареям. Развитая военная промышленность Англии и Франции обеспечивала войска всем необходимым. Не знали союзники и недостатков в материальном снабжении.

По-иному обстояло дело у русских. К началу 1855 г. все острее становилась проблема боеприпасов. Их запасы были во многом израсходованы в 1853—1854 годах, а маломощная военная промышленность страны все с большим трудом справлялась с пополнением этих расходов.

В донесениях все чаще писали: «Прекратили огонь за расстреливанием всех снарядов». С кораблей «обдирали всякую маленькую пластинку свинца, которая попадалась под руку».

Еще более серьезной проблемой стала доставка боеприпасов и всего остального необходимого для армии в Крым. Медленно по размытым непрерывными дождями южным дорогам двигались вереницы запряженных волами повозок с ядрами, порохом, свинцом и всем остальным. Обозы из центра страны в Крым шли месяцами (по 12—15 верст в сутки) — дольше, чем доставлялись все необходимые грузы неприятельским войскам морским путем из Марсея и Лон-

дона. Знаменитый хирург Н.И. Пирогов, участник обороны Севастополя, так описывал свой путь дороги на юг: «Дорога от Курска, где шоссе прекратилось, невыразимо мерзкая. Грязь по колени, мы ехали не более трех и даже две версты в час шагом: в темноте не было возможности ехать, не подвергаясь опасности сломить шею». Дальше дорога была еще хуже: «Они сделались чисто непреодолимым препятствием к достижению цели». 60 верст от Симферополя до Севастополя Пирогов ехал два дня.

В результате очень скоро севастопольские батареи были вынуждены отвечать одним выстрелом на три-четыре неприятельских. Бывало и хуже. Участник обороны П.И. Лесли писал: «Но досаднее всего то, что на каждый наш выстрел они отвечают десятью. Наши заводы не успевают делать такое количество снарядов, какое нужно выпускать, чтоб нести хоть какой вред неприятелю, и кроме того, подвоз на телегах гораздо неудобней, чем подвоз на пароходах, на которых неприятель доставляет все, что только нужно».

Чтобы хоть как-то восполнить недостаток, защитники начали использовать выпущенные врагом снаряды. Их собирали и солдаты с матросами, и мирные жители, поскольку за принесенное полагалась небольшая плата. Обычной картиной будней осажденного города стали стайки детей с тележками, собирающими ядра и пули и везущие их на бастионы. Юные защитники Севастополя нередко занимались этим нелегким делом под обстрелом противника.

Были у защитников города трудности и со многим другим необходимым, в том числе и с обмундированием, продовольствием, топливом. Один из современников писал позже: «Зимняя одежда союзных войск... погибла во время бури 2-го ноября... О снабжении же наших войск теплой одеждой в это время еще никто и не помышлял, и когда, хоть

и нескоро, из-за тридевять земель французам и англичанам была доставлена теплая одежда, даже теплые бараки, наши солдатики всю зиму пробавлялись в своих истасканных шинелишках, добавляя к ним, и то на собственные гроши, рогожи, которые и надевали на себя в виде ризы на плечи, а во время дождя даже на голову, образуя громадный башлык. Этот наряд, видимый издали, приводил в недоумение неприятелей, никак не могущих разрешить вопроса — что это за особый род военного костюма русской армии».

По поводу снабжения защитников города продовольствием тот же автор также приводил довольно курьезные замечания: «Солдат ел одну свою неизменную кашу с мясом истощенного от бескормицы скота... Французская газета того времени, трактуя со слов своих корреспондентов о качестве русского солдата и упоминая о его любви к родине, пресерьезно уверяла, что каждый русский солдат носит в своем ранце мешочек с землей его родины, — ничему иному они не могли уподобить 3-дневный запас наших горелых сухарей, истолченный в порошок, для более удобного помещения их в ранце. Таким образом, традиционная каша и весьма небезукоризненный сухарь были единственными элементами питания русской армии...»

«Как ни велика храбрость, покрывшая уже черноморских моряков вечною славой, — писал один из современников, — нельзя не упомянуть, что выше этой доблести должна быть поставлена та почти мученическая жизнь, к которой все служащие на бастионах осуждены уже более 8 месяцев... Нравственные мучения и физические лишения, которые наши моряки столь страшно долго переносят, превышают все то, что можно себе вообразить».

По всей России было широко известно о невероятном и наглом воровстве в интендантских ведомствах, призванных

снабжать Севастополь. Немало дельцов в те годы создали сказочные состояния. Еще очень долго многие считали именно «крымских воров» главными виновниками поражения России в Крымской войне.

Однако, несмотря на все трудности, Севастополь продолжал героически сражаться. Душой обороны города по-прежнему был Нахимов. Он ежедневно бывал на всех севастопольских укреплениях, но особенно на ближайшем к позициям противника Четвертом бастионе. В первые дни осады Севастополя бастион представлял слабо прикрытую яму, укрепления которой разрушались неприятельскими бомбами. Казалось, привести бастион в порядок едва ли возможно из-за систематического огня французской артиллерии. Но по настоянию Нахимова на бастионе были сооружены блиндажи, в которых могли укрываться матросы и офицеры от неприятельского огня. После того как блиндажи были построены, а бастион очищен от разбросанных повсюду французских бомб, Нахимов сказал: «Теперь я вижу, что для черноморца невозможного ничего нет».

Не раз приходя на Четвертый бастион, Нахимов приносил отличившимся солдатам и матросам знаки отличия Военного ордена (солдатского Георгия). Отношения, сложившиеся у него с матросами на кораблях, были перенесены на севастопольские укрепления. Для матросов адмирал Нахимов оставался просто «Павлом Степановичем», а для того, чтобы он еще больше походил на них самих, его фамилию переименовали в «Нахименко бесшабашного». Самым страшным наказанием для матросов было увидеть недовольный взгляд адмирала. Свою квартиру Нахимов отвел под лаза-

рет для раненых. Личные его деньги также шли на помощь семействам моряков.

Нахимов по-прежнему появлялся в самых опасных местах. Когда формальный во многом начальник обороны города генерал барон Д.Е. Остен-Сакен стал упрекать его за то, что он себя не бережет и что его жизнь нужна России, Нахимов отвечал: «Эх, ваше сиятельство, не то говорите вы. Севастополь беречь следует, а убьют меня или вас — беда не велика-с! Вот как убьют князя Васильчикова или Тотлебена, это беда». Бесстрашие Нахимова беспокоило всех защитников Севастополя. «Недавно, — писал в письме капитан 2-го ранга М.М. Коцебу, — матросы без церемонии сняли его с лошади и отнесли в место, более безопасное».

Вот что вспоминал позже Э.И. Тотлебен: «Нахимов ежедневно обходил оборонительную линию, презирая все опасности. Своим присутствием и примером он возвышал дух не только в моряках, благоговевших перед ним, но и в сухопутных войсках, также скоро понявших, что такое Нахимов. Всегда заботливый к сохранению жизни людей, адмирал не щадил только себя. Так, например, во время всей осады он один только всегда носил эполеты, делая это для того, чтобы передать презрение к опасности всем своим подчиненным. Никто лучше его не знал духа русского простолюдина-матроса и солдата, не любящих громких слов; потому он никогда не прибегал к красноречию, но действовал на войска примером и строгим требованием от них исполнения служебных обязанностей. Он всегда первым являлся на самые опасные места, где наиболее нужны были присутствие и распорядительность начальника. Боясь опоздать, он даже ложился спать ночью, не раздеваясь, чтобы не терять ни одной минуты на одевание. Что касается административной деятельности адмирала во время обороны, то не было

ни одной части, о которой не заботился бы он более всех. Он сам всегда приходил к другим начальникам, хотя бы и к младшим в чине, для того, чтобы узнать, нет ли каких-либо затруднений, и предложить им свое содействие. В случае несогласия между ними он всегда являлся примирителем, стараясь направить всех и каждого единственно на служение общему делу. Раненые офицеры и нижние чины не только находили в нем опору и покровительство, но всегда могли рассчитывать на помощь из его собственного небогатого кармана».

Бесстрашие и самоотверженность руководителей обороны являлись примером для всех севастопольцев и вместе с тем выражали общий героический подъем людей, готовых до конца отстаивать родной город.

Но тот же Нахимов категорически запрещал лишнее удальство, зачастую проявляемое матросами едва ли не в массовом масштабе. В приказе, изданном после его вступления в должность командира порта и военного губернатора, он говорил о священной обязанности всех начальников «предварительно озаботиться, чтобы при открытии огня с неприятельских батарей не было ни одного лишнего человека не только в открытых местах и без дела, но даже прислуга у орудий и число людей для различных орудий были ограничены крайней необходимостью. Заботливый офицер, пользуясь обстоятельствами, всегда отыщет средства сделать экономию в людях и тем уменьшить число подвергающихся опасности... Жизнь каждого из них принадлежит Отечеству, и не удальство, а только истинная храбрость приносит пользу ему и честь умеющему отличить ее в своих поступках от первого».

В середине февраля 1855 г. матросы по приказу Нахимова, опасавшегося, что союзники могут воспользоваться

повреждением заграждения из потопленных кораблей, затопили еще 7 судов. Эта мера пришлась как нельзя кстати, поскольку в лагере союзников вновь строились планы атаки города с моря. Теперь такая возможность была упущена.

В конце февраля 1855 г. Нахимов издал приказ, устанавливавший общий порядок службы и деятельности на бастионах:

«Усилия, употребленные неприятелем против Севастополя 5-го октября и в последующие затем дни, дают основательный повод думать, что, решившись продолжать осаду, враги наши рассчитывают на средства еще более громадные; но теперь шестимесячные труды по укреплению Севастополя приходят к концу, средства обороны нашей почти утроились, и потому — кто из нас, верующих в правосудие Божие, усомнится в торжестве над дерзкими замыслами неприятеля?»

Но разрушить их при большой потере с нашей стороны не есть еще полное торжество, а потому-то я считаю долгом напомнить всем начальникам священную обязанность, на них лежащую, именно, предварительно озаботиться, чтобы при открытии огня с неприятельских батарей не было ни одного лишнего человека не только в открытых местах и без дела, но даже прислуга у орудий и число людей для неразлучных с боем работ было ограничено крайней необходимостью. Заботливый офицер, пользуясь обстоятельствами, всегда отыщет средства сделать экономию в людях и тем уменьшить число подвергающихся опасности. Любопытство, свойственное отваге, одушевляющей доблестный гарнизон Севастополя, в особенности не должно быть допускаемо частными начальниками. Пусть каждый будет уверен в результате боя и спокойно останется на указанном ему месте; это в особенности относится к гг. офицерам.

Я надеюсь, что гг. дистанционные и отдельные начальники войск обратят полное внимание на этот предмет и разделят своих офицеров на очереди, приказав свободным находиться под блиндажами и в закрытых местах. При этом прошу внушить им, что жизнь каждого из них принадлежит отечеству, и что не удалство, а только истинная храбрость приносит пользу ему и честь умеющему отличить ее в своих поступках от первого.

Пользуюсь этим случаем, чтобы еще раз повторить запрещение частой стрельбы. Кроме неверности выстрелов, естественного следствия торопливости, трата пороха и снарядов составляет такой важный предмет, что никакая храбрость, никакая заслуга не должны оправдать офицера, допустившего ее. Заботливость об охранении города, вверенного Государем нашей чести, пусть будет ручательством за меткость и хладнокровие наших молодых артиллеристов».

Для связи с ключевыми районами обороны Севастополя — Малаховым курганом и Корабельной стороной — по приказу Нахимова был построен мост на бочках, резко сокративший время доставки туда подкреплений и боеприпасов.

Нахимов вникал во все дела обороны — следил за размещением у госпиталей палаток, занимался доставкой продовольствия и одежды для защитников города, как военных, так и чиновников, которые по его инициативе были приравнены к военным. По инициативе Нахимова один месяц за службу в осажденном Севастополе был приравнен к году.

13 января за отличие в обороне Севастополя он был награжден орденом Белого Орла, а в марте произведен в полные адмиралы.

Высочайший шеф российского флота великий князь Константин Николаевич писал ему: «Вменяю себе в удовольствие выразить вам личные чувства мои и флота. Мы уважаем вас

за ваше доблестное служение; мы гордимся вами и вашей славой как украшением нашего флота; мы любим вас, как почтенного товарища, который сдружился с морем и который в моряках видит друзей своих. История флота скажет о ваших подвигах детям нашим, но она скажет также, что моряки, современники, вполне ценили и понимали вас».

25 февраля Нахимов назначен командиром порта и временным военным комендантом города.

Каждый день Севастопольской обороны был ознаменован славными подвигами защитников города, причем многие из них считались настолько обычным делом, что никто в Севастополе не обращал на них внимания. Не щадя жизни, солдаты и матросы бросались на самые опасные участки борьбы, где от геройства одного зависела жизнь многих.

Боевое содружество солдат и матросов, совместно борющихся с общим врагом, окрепло и закалилось под стенами Севастополя. С первых же дней обороны они вместе переносили все тяготы боевой жизни в осажденном городе, вместе сооружали укрепления, вместе отражали попытки врага овладеть Севастополем.

Подвиг

На бастионах города было необычайно развито чувство войскового товарищества. Во время одного из боев, например, матрос Е. Булынин бросился на четырех вражеских стрелков, пытавшихся увести в плен русского пехотинца. Одного вражеского солдата Булынин оглушил прикладом, другого заколол штыком, третий убежал, а четвертого прикончил освобожденный от плена русский пехотинец.

Типичным, повседневным для осажденного Севастополя был отказ раненых и контуженых уходить со своих боевых постов на перевязочные пункты и в госпитали. В числе таких незаметных героев был, например, матрос С. Литвинов. Будучи контужен в голову, он не оставил своего орудия; через три дня он получил еще две раны, но, несмотря на боль, стоял на своем посту.

Нередко целые части и подразделения отказывались от смены и изъявляли желание остаться на передовых позициях. «Для отдохновения нижних чинов, днем и ночью действующих на батареях вверенной мне дистанции, — докладывал адмирал Ф.М. Новосильский, — из флотских экипажей им была назначена смена, но прислуга выразила единодушное желание остаться при своих орудиях, изъявляя готовность защищаться и умереть на своих местах».

«Рота моряков, — писал А.Н. Толстой, — чуть не взбунтовалась за то, что их хотели сменить с батареи, на которой они простояли 30 дней под бомбами».

Участник обороны капитан-лейтенант П.И. Лесли писал: «Бывали дни, что на некоторых бастионах прислуга (у орудий) менялась несколько раз, но не от усталости, а от того, что перебывало всех... У нас три четверти офицеров и матросов уже выбыло из строя и в запасе уже никого нет». Пренебрежение к опасности было настолько велико, что адмирал Нахимов вынужден был отдать специальный приказ, в котором требовал от офицеров беречь людей, так как «жизнь каждого из них принадлежит отечеству».

Оборона города носила активный характер. Одним из эффективных способов борьбы с противником были вылазки — согласно словарю — «внезапное нападение осаж-

денного на осаждающего». Первая вылазка была проведена еще 23 сентября 1853 г. Первоначально в рейдах против врага принимали участие от 10 до 40 человек, но со временем стали создаваться отряды до 500 и более человек. В основном в вылазках участвовали матросы или пехотинцы во главе с офицерами, формировались и объединенные группы из моряков, пехотинцев и казаков. В такие отряды позже в обязательном порядке стали включать саперов и артиллеристов. Со временем эти действия приобрели регулярный характер: в вылазках уже участвовали целые подразделения, а иногда до 10 батальонов из состава севастопольского гарнизона.

Как правило, добровольцы-охотники ночью проникали в расположение врага и наносили ему стремительные удары. Главной задачей нападений было разрушение неприятельских укреплений, захват и повреждение их оружия, захват пленных и трофеев, а также разведка. Вылазки севастопольцев были направлены, прежде всего, против ближайших, передовых траншей и позиций неприятельской армии, но нередко русские отряды проникали в глубь расположения вражеских войск, удаляясь от своей оборонительной линии на несколько километров.

Со временем защитники города стали применять в вылазках подвижную артиллерию. Также стали одновременно производить несколько рейдов, часть из которых являлись вспомогательными, отвлекающими.

Вылазки наносили значительный урон противнику, тормозили осадные работы, но главное — подрывали моральный дух союзников. Контратаки севастопольцев держали врага в состоянии непрерывного напряжения, изматывали и ослабляли его силы. Иногда неожиданный ночной налет небольшого отряда русских смельчаков вызывал тревогу во всем неприятельском лагере.

Но главное значение вылазок состояло в поднятие духа обороняющихся. О любой вылазке уже на следующий день говорил весь Севастополь. Воины и жители города с огромным уважением относились к участникам этих нападений, знали имена их участников.

Подвиг

Так, лейтенант Бирилев во главе своего отряда совершил множество вылазок. Во время одного из ночных боев он едва не погиб. «Пятнадцать французских стрелков прицелились в него на самом близком расстоянии. Заметив это, матрос 30-го экипажа Игнатий Шевченко, сопровождавший Бирилева во всех вылазках, перекрестился, бросился вперед и заслонил его собой. Он «в одно мгновение локтем и плечом свалил Бирилева с ног и в ту же минуту упал, раненный пулей, которая попала ему в грудь и вылетела около крестцовой кости». Бирилев бросился к матросу, но он был уже бездыхан. Подвиг Шевченко был отмечен в приказе от 2 февраля 1855 г. Меншикова. В нем говорилось, что Игнатий Шевченко «явил особый пример храбрости и самоотвержения в вылазке».

В вылазках особенно отличались солдаты и матросы: Кошка, Зайка, Елисейев, Димченко и многие другие. Одним из самых известных защитников Севастополя суждено было стать участнику десятков вылазок матросу 1-й статьи 30-го флотского экипажа Петру Марковичу Кошке.

Подвиг

Он славился замечательной ловкостью и неустрашимостью. Кошку называли «молодцом редкой»

отваги». Вот один из отрывков о нем из русской печати того времени: «В одной из вылазок он был в передовом отряде охотников; отделившись от своих и хорошо зная местность, Кошка незаметно прокрался к неприятельской цепи, бросился на трех стоявших в цепи французов и этой смелой выходкой взял их в плен, не встретив никакого сопротивления. Кошка несколько раз прокрадывался один к неприятельским траншеям и почти всякий раз возвращался с захваченным оружием или со сведениями о числе неприятеля». Постоянно находясь на передовых позициях или участвуя в вылазках, он умело сражался с противником. Он неоднократно захватывал в лагере противника ценные трофеи, добывал важные разведывательные сведения, постоянно оказывал поддержку своим товарищам, попавшим в тяжелое положение.

Постоянными участниками вылазок были пластуны— воины казачьего войска, несшие службу не в кавалерии, а в пешем строю. Эти части прибыли в Севастополь с Кавказа, имея огромный опыт борьбы в сложнейших условиях. Они обладали исключительной выносливостью, меткостью стрельбы, зоркостью, умением незаметно подобраться к противнику.

Появление пластунов в Севастополе было поначалу встречено многими его защитниками скептически. Слишком непривычным был их внешний вид в изношенных «полуазиатских» мундирах, лаптях; большинство их были немолоды, строем ходить не умели... Однако вскоре мнение о пластунах резко переменялось.

Они быстро изучили окрестности города и стали проводниками отрядов, идущих на вылазки. Они лучше всех теперь

знали все тропы, укрытия и препятствия. Не было ни одного места, куда не могли бы проникнуть пластуны. Их поговоркой было: «Где сухо — там брюхом, где мокро — там на коленках». Действовали пластуны, как правило, ночью. Они стали непревзойденными мастерами разведки, докладывая о всех перемещениях союзников. Подкравшись незаметно, по-пластунски, к их позициям, они «высматривали, где французы работали, потом, возвращаясь на наши батареи и приблизительно называя расстояние, указывали место, куда нам стрелять, — писал один из артиллеристов. — Удивительно было, как они в темноте никогда не ошибались».

В вылазках часто возникали тяжелые моменты, но солдат и матросов никогда не покидала решительность, инициатива, готовность на самоотверженный подвиг.

Севастопольцы проявляли высокое мастерство в использовании артиллерии. Усиление обороны города достигалось не только увеличением числа орудий, но и применением наиболее целесообразных способов стрельбы. Защитники сосредоточивали огонь на наиболее важных направлениях и опережали противника в открытии огня. Благодаря активным, инициативным действиям русских артиллеристов «не осаждающий соображался с силой огня крепости, ему неизвестного, а осажденный старался противопоставить артиллерии союзников большее число орудий и, разметавши эти орудия по разным батареям небольшого протяжения, сосредоточить огонь их в одно место, чтобы в то же время развлечь огонь неприятеля так, чтобы постоянно иметь над ним превосходство огня». Так писал начальник штаба сева­стопольского гарнизона полковник В.И. Васильчиков.

В течение всей обороны существовало тесное взаимодействие между сухопутными батареями и кораблями, находившимися на рейде. После затопления нескольких кораблей у входа в Севастопольскую бухту в составе эскадры оставалось около 20 боевых кораблей, которые участвовали в артиллерийском обстреле вражеских позиций. Наиболее активно использовался отряд паровых судов, насчитывавший 6 пароходо-фрегатов и 4 малых парохода; на вооружении их было 84 орудия. Артиллерийская поддержка кораблей высоко оценивалась защитниками города, которые в минуты наибольшей опасности обращались к командирам пароходов: «Просим вашего огненного содействия».

Особенно большое значение имело действие морской артиллерии на левом фланге обороны. Здесь позиции противника были мало досягаемы для русской сухопутной артиллерии. Пароходы же, заходя в восточную часть бухты, обеспечивали поражение врага на дальних дистанциях.

Зачастую расстояние до позиций противника превосходило дальность огня корабельной артиллерии. Поразить эти позиции можно было с помощью увеличения угла возвышения орудий. Однако угол возвышения орудийных станков доходил лишь до 20 градусов. Тогда обычной практикой стал искусственный крен кораблей на один борт еще на 5—10 градусов. Этот прием прочно вошел в арсенал русских морских артиллеристов.

Во время первой бомбардировки Севастополя с суши и моря 5 октября войска гарнизона поддерживались эффективным огнем морской артиллерии с линейных кораблей «Гавриил», «Ягудиил», пароходо-фрегатов «Владимир», «Крым» и «Херсонес». Совместными усилиями береговой и корабельной артиллерии противнику был причинен

большой ущерб. 24 ноября пароходо-фрегаты «Владимир» и «Херсонес», выйдя с Севастопольского рейда в море, обстреляли французский пароход и позиции противника в районе Стрелецкой бухты. В феврале 1855 г. линейный корабль «Чесма», пароходы «Громомосец», «Херсонес» и «Владимир» содействовали войскам гарнизона в отражении ночного нападения вражеских войск.

Артиллерийское воздействие по противнику проводилось пароходо-фрегатами с якоря и на ходу и днем и в ночных условиях. В зависимости от обстановки применялось групповое и одиночное использование пароходов, а открытие огня — одновременное и последовательное. В целях дезориентации противника русские пароходы маневрировали в самых различных районах бухты, вели обстрел с различных дистанций и подходили на сближение к назначенной позиции самыми различными курсами.

Впервые в истории русские моряки успешно применили корабельную артиллерию для стрельбы по невидимым целям. Это было достигнуто, во-первых, путем максимального увеличения углов возвышения орудий, что значительно увеличило дистанцию стрельбы. Во-вторых, были практически осуществлены новые методы корректировки артиллерийского огня, обеспечивавшие стрельбу по невидимым целям. Пароходы успешно обстреливали вражеские позиции, находившиеся на удалении 5 км от Севастопольского рейда.

В период обороны Севастополя русские моряки стали впервые блиндировать пароходо-фрегаты, защищая их от артиллерийского обстрела противника. На пароходах устанавливали блиндажи, ограждая ими машинные отделения и кюйт-камеры. Впервые в истории были осуществлены и водолазные работы для заделки пробоин паровых судов. Исправление повреждений при помощи водолазов осуществ-

влялось в боевых условиях, под артиллерийским обстрелом противника, причем пароходы не покидали своих позиций и продолжали ответный огонь.

Борьба под Севастополем велась не только на суше и на воде, но и под землей. Расставшись с надеждой в ближайшее время взять город штурмом, союзники попытались продвигаться к нему под землей. Началась подземная минная война. В ноябре 1854 г. саперы заложили первую минную галерею в 150 м от Четвертого бастиона. Вначале союзникам показалось, что это дело безнадежное, — грунт вокруг Севастополя был скалистый, труднодоступный для саперных инструментов. Но затем на глубине 6—6,5 м был обнаружен слой глины толщиной около метра, под которым вновь шли скалистые породы. В этом глинистом слое и стали рыть галерею к бастиону. В 90 м от первой галереи вскоре стали копать вторую.

Однако защитники Севастополя предвидели подобные действия противника. Еще в октябре они с помощью пробных колодезь обследовали грунт, а в декабре, обнаружив действия неприятеля, развернули контрминные работы. Навстречу галереям союзников в том же глинистом слое пошла русская галерея. Эти работы требовали огромного напряжения, усилий и мастерства. Общее руководство контрминной борьбой осуществлял Э.И. Тотлебен. Исполнителем работ стал инженер-полковник А.В. Мельников.

Русским саперам и приданным им солдатам пришлось работать на глубине 5—6 м под землей в течение многих часов каждый день. Сапер работал в галерее высотой ниже человеческого роста, копал глину согнувшись в кромешной тьме, так как свечи от недостатка воздуха не горели. Воздуха не хватало и людям, поэтому они периодически выходили

из галерей подышать, а затем вновь спускались под землю. Нередко в галереи заливались грунтовые воды, которые откачивали помпами.

В ходе работ Мельников выявил необходимость искать второй глинистой слой — ведь противник мог найти его раньше. После тяжелейших работ обнаружили такой слой на глубине 12 м и там также приступили к рытью галерей. Кроме того от основных галерей надо было копать рукава, поскольку точное направление всех вражеских галерей было неизвестно. Копая, саперы одновременно чутко прислушивались ко всем подземным звукам с целью вовремя обнаружить работы врага.

18 января 1855 г. в одной из контрминных галерей стали явственно слышны работы саперов союзников. Теперь необходимо было действовать очень осторожно. Нельзя было спешить со взрывом, ведь тогда он мог оказаться безвредным для врага, но нельзя было и опоздать, так как, услышав работу контрминеров, союзники могли сами произвести взрыв. Было заложено четыре бочки с порохом, а галерея забита на несколько метров глиной, чтобы взрыв был направлен только в сторону неприятеля.

22 января, когда во французской галерее послышался скрип тележки для вывоза породы, Мельников приказал замкнуть провода, шедшие от гальванической батареи к пороховому заряду. Неожиданность взрыва для осаждавших была столь велика, что находившиеся в траншее французские солдаты высунулись из-за бруствера и были тут же сметены залпом русской картечи. Подземная галерея союзников была разрушена на 28 м. На земле образовалась воронка, которую тут же заняли и укрепили русские стрелки.

Так началась минная борьба вокруг Севастополя. За первым взрывом последовали десятки других. Русская контр-

минная система оказалась настолько разветвленной, что куда бы ни копали свои галереи союзники, их всюду ждал взрыв. Союзники также производили подземные взрывы, стремясь разрушить галереи севастопольцев. Однако победа в подземной войне осталась за защитникам города. Оказалось, что первая галерея, взорванная 22 января, подошла к укреплениям ближе, чем все остальные. Ни взорвать, не повредить укрепления союзники так и не смогли.

Мельников не только постоянно находился в галереях, организуя все работы, но и жил в землянке на глубине 5 м. Защитники города называли его «обер-кротом». Подземная жизнь подорвала его здоровье, однако он не думал о лечении. Лишь в марте 1855 г., получив тяжелую контузию от взрыва вражеской бомбы, Мельников покинул Севастополь.

Каждодневные обстрелы, постоянные схватки с врагом вели к огромному количеству раненых. Особенно их численность возрастала во время бомбардировок и крупных военных операций. Перед войной такого количества санитарных потерь никто не предполагал. Поэтому катастрофически не хватало мест в госпиталях и перевязочных пунктах. Под эти пункты переоборудовали казармы, здания театра, благородного собрания, библиотеки и т.д. Однако часто эти пункты вместе с находившимися в них ранеными вынуждены были перемещаться с места на место из-за разрушений, пожаров, вызванных обстрелами. Очень скоро стал сказываться и недостаток медикаментов, перевязочных материалов.

Многие раненые не могли сразу получить помощь и ждали своей очереди, иногда поступали в госпиталь спустя несколько дней после ранения. Так, свыше ста солдат после Инкерманского сражения ждали помощи три недели.

Очевидец писал: «Трудно себе представить терпение и спокойствие, с которым многие переносили свое страдание. Раз отнимали руку у одного матроса, а он просил доктора поаккуратнее защитить кожу, чтобы не было складок».

В подобных тяжелейших условиях множество воинов было спасено благодаря самоотверженным действиям тех, кто оказывал медицинскую помощь. Помимо военных медиков в Севастополе этим делом занялись мирные жители, прежде всего, женщины как из самого города, так и со всей России.

Именно во время Севастопольской обороны появились первые в мире сестры милосердия, принявшие на себя тяжелый труд по уходу за ранеными. И первой из них стала Дарья Александрова — простая севастопольская девушка, за которой в истории прочно укрепилось имя Даши Севастопольской.

С первых дней осады она полностью посвятила себя помощи раненым, постоянно находясь в госпиталях, на перевязочных пунктах, на поле боя. Многие жительницы города последовали ее примеру. Сведения о них стали широко известны по всей России и вызвали приезд в Севастополь женщин со всей страны. «Ни гангрена, ни тиф, ни холера, которая стала было появляться, — писал один из офицеров, — ничто не страшило этих женщин. С необыкновенной кротостью и терпением отвечают они на капризы больных, успокаивают их ласковой речью; утешают скорым выздоровлением; с особенной заботой подают им то, что надо, помогают повернуться... Многие женщины платились смертью на местах своих человеколюбивых подвигов; сколько еще их погибло в домах своих от неприятельских выстрелов».

Большой известностью, например, пользовалась П.И. Графова, приехавшая из Петербурга для ухода за ранеными. Эта

жизнерадостная, бодрая пожилая женщина постоянно находилась на Малаховом кургане, где защитники оборудовали для нее специальный блиндаж. За свои средства она приобретала не только медикаменты и бинты, но и лакомства для раненых. Один из защитников писал о Графовой: «Как странно видеть под ядрами женщину, которая их нисколько не боится. Просто молодец!» Во время одного из штурмов она перевязала на передовой 180 раненых, в то время как перевязка даже 50 человек считалась трудным делом.

В ноябре 1854 г. в Севастополь прибыл выдающийся хирург профессор Н.И. Пирогов. Используя свои познания и авторитет, он принял энергичные меры по улучшению медицинского дела в гарнизоне. Он стал руководителем целой группы врачей. В наиболее тяжелые дни бомбардировок, штурмов, сражений он делал сотни сложных операций. Так, однажды он и его помощники прооперировали в течение полутора суток около 600 человек.

В Севастополе Пирогов впервые применил свой метод обезболивания (анестезии) при помощи паров эфира. Тогда же он начал широко применять гипсовые повязки при лечении переломов и ранений. Все это сохранило немало жизней. Хирург стремился предотвратить инвалидность раненых, делая ампутации только в исключительных случаях, что было новостью для тогдашней военной медицины. Позже опыт Севастопольской обороны лег в основу работы Пирогова «Начала общей военно-полевой хирургии» — первого классического труда в данной области.

Большое значение для медицинской помощи сыграло создание госпитальных судов. Это было также новацией того времени. Госпитали на кораблях, остававшихся в Севастопольской бухте, отличались лучшими условиями перед тесными импровизированными медицинскими помеще-

ниями на берегу. Один из врачей так описывал деятельность этих госпиталей. «Благодаря удобству помещений, чистоте воздуха с моря, отличной опрятности, покою и питательной пищи раненые вскоре стали поправляться; даже армейские раненые, сверх нашего ожидания, очень скоро свыклись с этим родом жизни на судах. Результат врачебного действия был так счастлив и удачен, что из 1600 раненых, поступивших в продолжение апреля, мая и июня месяцев на корабли, выздоровела большая часть; из вышеупомянутого числа умерло всего на эскадре 5 и отправлено в госпиталь 150 человек. Единственной причиной непродолжительности существования перевязочного пункта на эскадре было то, что неприятели начали все более и более направлять свои выстрелы на эскадру».

СОЗДАНИЕ ПЕРЕДОВЫХ УКРЕПЛЕНИЙ КОРАБЕЛЬНОЙ СТОРОНЫ

К февралю 1855 г. союзникам удалось увеличить свои силы до 120 тысяч человек. Осадные работы были резко активизированы. Еще в январе на военном совете англо-французского командования было признано необходимым перенести основные усилия с Четвертого бастиона на ключевую точку обороны Севастополя — Малахов курган (после гибели Корнилова его переименовали в Корниловский бастион). Вскоре защитники кургана на себе ощутили последствия планов противников. Усилился обстрел кургана, к нему начали продвигаться вражеские укрепления.

Однако защитники принимали ответные меры. В феврале по инициативе Нахимова, Истомина (начальника Малахова кургана) и генерала С.А. Хрущева, руководившего одним из участков обороны Севастополя, был разработан

план укрепления обороны Малахова кургана. Было решено занять высоты за Килен-балкой — оврагом, тянущимся от Севастопольской бухты на юго-восток восточнее Малахова кургана. Овладение этими передовыми позициями, выдвинутыми от основной оборонительной линии более чем на один километр, имело большое значение для усиления активной обороны города.

В ночь на 11 февраля два пехотных полка под командованием Хрущева перешли Килен-балку. Селингинский полк начал сооружение первого редута, Волынский полк стоял в охранении. Пароходо-фрегаты, вошедшие в Килен-бухту, прикрывали действия войск со стороны бухты. Союзники заметили работы осажденных на следующий день и на следующую ночь бросили на них отборные батальоны французских войск под командованием генерала Мэйрана. Однако разведчики вовремя сообщили Хрущеву о движении неприятеля. Изготовив войска к обороне, он дал сигнал флоту. Огнем с кораблей французы были остановлены.

Однако через полчаса атака продолжилась. Передовые цепи противника подошли к редуту. Один из участников обороны писал: «Когда генерал Хрущев услышал бег стремительно наступавших французов... то бросился в штыки навстречу неприятелю. Французы смешались; часть их, однако, прорвалась к редуту, но здесь была встречена штыками селенгинцев. Месяц уже скрылся и ночь была темна, хоть глаз выколи, поэтому селенгинцы, чтоб не попасть по своим, не открывали совсем огня, а только работали штыками. Неприятель, оправившись, снова бросался на наш редут, но был снова лихо отбит; сделав еще слабую попытку, он, наконец, должен был отступить».

Хрущев дрался в первых рядах своих воинов. В разгар боя французский офицер бросился к нему с саблей, но горнист

Павлов вырвал у него оружие, а солдат Белоусов заколол его штыком.

Вскоре строительство Селенгинского редута была закончено. 17 февраля еще ближе к противнику заложили Вольинский редут. На редутах установили корабельные орудия, все укрепления связали траншеями, а впереди редутов устроили ложементы для стрелков. Сложность этих работ обуславливалась не только непрерывным обстрелом со стороны противников. Грунт за Килен-балкой состоял из сплошного камня и «едва поддавался кирке и лому».

Однако 27 февраля русские заложили третье укрепление— Камчатский люнет. В отличие от редутов, которые были замкнутыми насыпями со всех четырех сторон и имели, таким образом, круговую оборону, люнет имел насыпи только с фронта и флангов. Тыльная сторона Камчатского люнета была обращена к Малахову кургану. Впереди Камчатского люнета на расстоянии 300 м севастопольцы вырыли еще две линии траншей.

Заняв позиции за Килен-балкой, русские создали угрозу для всех осадных сооружений союзников на их правом фланге. Англо-французское командование понимало, что без овладения этим люнетом они не смогут овладеть Малаховым курганом и, соответственно, Севастополем. Один из французских генералов писал, что появление этих укреплений «надолго отдаляло возможность штурма Малаховой башни». Поэтому союзники постоянно пытались помешать окончательному устройству этих сооружений. Траншеи перед Камчатским люнетом стали местом происходивших каждую ночь ожесточенных схваток.

В свою очередь в ходе многочисленных вылазок русские матросы разрушили часть укреплений противника, построенных против Камчатского люнета. Для наблюдения за

французами, действующими против Камчатского люнета, П.С. Нахимов посылал лучших офицеров, поскольку не раз повторял, что наблюдение за войсками, расположенными в ложементх против Камчатского люнета, — «почетное назначение».

Именно при защите Селингинского и Вольнского редутов и Камчатского люнета пал 7 марта 1855 г. контр-адмирал В.И. Истомина. «Оборона Севастополя, — писал Нахимов, — потеряла в нем одного из своих главных деятелей».

В сражениях за Килен-балкой навсегда прославился и фактически сменивший адмирала на этом участке обороны один из севастопольских защитников генерал-лейтенант артиллерии С.А. Хрулев. Как звали его в Севастополе, солдатский генерал, каковых в многовековой военной истории России было немного.

Отсчет, пожалуй, нужно повести с А.В. Суворова. Потом — М.И. Кутузов эпохи 1812 г. Последний — «белый генерал» М.Д. Скобелев. В Севастопольскую же оборону — генерал Хрулев. Вот, наверное, и все. Остальные — тоже известны, но немного не так. Об этих же сочиняли песни, их любимые выражения были у всей страны на устах. Словом, прочих уважали и иногда любили. Этих же — всегда любили и всегда верили, что за ними не пропадешь. Так что, прямо скажем, С.А. Хрулев попал в неплохую компанию. Что, впрочем, он по всем статьям заслужил.

Биография

Хрулев Степан Александрович

(1807 — 1870)

С.А. Хрулев еще в раннем детстве решил стать офицером, а в мечтах — и генералом, и прошел для осуществления этой мечты все ступени пости-

жения воинской науки побеждать. Шесть лет он провел в Тульском Александровском училище (Хрулев — уроженец Тульской губернии, где он появился на свет в 1807 г.), в 1825 г. выдерживает экзамен при 2-м Санкт-Петербургском кадетском корпусе. В 19 лет Хрулев — прапориц в артиллерийской конно-легкой роте. Участник Польской кампании 1831 г., которая делает его подпоручиком и кавалером двух орденов.

Венгерская кампания 1849 г. застала Хрулева уже полковником и командиром конной артиллерийской бригады. Эта кампания сделала его генерал-майором, кавалером австрийского ордена Железной Короны и вложила ему в ножны золотую саблю с лаконично-емкой надписью «За храбрость».

Кокандский поход графа Перовского принес ему чин генерал-лейтенанта.

С началом Восточной войны Хрулев направляется на Дунай — в распоряжение главы русских инженеров генерала Шильдера. А с декабря 1854 г. он — в Крыму. Именно Крым сделает его тем генералом Хрулевым, о котором еще не так давно знали все. Хрулев находился в Севастополе почти до самого его падения, и лишь рана вынудила покинуть ряды его защитников. После лечения командовал корпусом на Кавказе, затем был зачислен по полевой конной артиллерии.

Он умер в Петербурге 22 мая 1870 г., умер внезапно, во сне. Но еще задолго до этого, предвидя неминуемое, он завещал похоронить его в Севастополе, в городе, где polegло столько его боевых товарищей, в городе, сделавшем его имя бессмертным.

4 марта 1855 г. С.А. Хрулев в связи с усилением действий неприятеля против левого фланга защитников Севастополя назначается начальником 3, 4, 5-го отделений оборонительной линии и комендантом Корабельной стороны с подчинением ему Селенгинского и Волынского редутов и Камчатского люнета, названных так по полкам, их строившим и защищавшим.

К этому времени уже все в городе знали, что генерала назначают туда, где сейчас труднее всего.

Примета оказалась правильной и на этот раз: уже в ночь с 5 на 6 марта противник предпринял атаку на строившийся Камчатский люнет. Русские батальоны, направляемые опытной рукой Хрулева, отбили нападение. Отбили дважды, ибо почти тут же — как и предусмотрел заблаговременно подготовившийся к сему генерал — французы вновь попытались испытать судьбу.

Понимал Хрулев и другое: Камчатский люнет, сильно выдававшийся вперед из линии укреплений, очень беспокоил французов. И то, что у них не получилось сейчас, могло получиться очень скоро — ибо неприятель упорно и споро приближался к люнету траншеями.

Дабы предотвратить потерю укрепления, необходима была вылазка, в ходе которой надлежало разрушить все земляные работы неприятеля. И Хрулев назначил ее на вечер 10 марта. Вечера и ночи стояли лунные, и дабы действие его людей происходило не на глазах у противника, Хрулев приказал начинать не ранее 11 часов вечера, когда скроется луна.

В отряд, должный выполнить это дело, генерал назначил 9 батальонов из состава полков Камчатского, Волынского, Днепровского, Углицкого, 20-го и 44-го флотских экипажей, всего до 5 тысяч человек.

Атака русских батальонов началась в тот момент, когда луна, как и было задумано, клонилась к горизонту. Хрулев

двинул на правый фланг французов батальон Камчатского егерского полка, а на левый — батальон днепровцев. В ответ раздался сильный артиллерийский и штуцерный огонь. Но это не остановило атакующих.

Рассыпавшись в цепи и построившись в ротные колонны, русские батальоны без выстрелов штыками выковырнули французов из ложементов, которые те отбили у камчатцев часа три назад. Теперь пришло время отдавать долги.

Французы отступили к себе в траншеи и оттуда повели огонь. Однако это продолжалось недолго — их вытеснили отсюда весьма скоро. Аж за вторую их линию.

Во все время боя Хрулев находился впереди левого фланга Камчатского укрепления. Здесь находился мозговой центр боя. Один из участников дела 10 марта позднее напишет: «Более пятнадцати лет знаю я этого генерала. С самого начала службы моей был я с ним в одной батарее; но тогда я знал его только, как лихого и веселого собеседника. Позже судьба привела меня служить под его командой; тогда я увидел в нем одного из лучших знатоков артиллерийского дела. Во время Венгерской кампании я находился при нем за офицера Генерального штаба — отважнее его не было тогда в армии партизана (имеются в виду партизанские отряды из регулярных воинских соединений, аналогичных тем, что создавались в 1812 г. по приказу Кутузова. — *Авт.*). Генералом я видел его теперь в первый раз и в первый раз оценил его вполне. Я был поражен, найдя в этом лихом партизане, каким я до сих пор считал его настоящие таланты генерала: хладнокровие, дельную быстроту в распоряжениях в критический момент, умение двигать рассеянные по полю батальоны в самом жару дела и ночью, умение сохранять в войсках порядок, воодушевлять их, и доводить солдат почти до восторженного состояния. Всему этому не научит опытность:

для этого необходимо врожденное военное дарование — нужна внутренняя искра».

Эта искра была, как и ясное осознание внутренней динамики боя.

Бой, в котором кроме имени Хрулева прославилось и имя иеромонаха Иоанникия Савинова, завершился так, как завершаются подобные бои, — русский отряд с лихвой выполнил задачу, возложенную на него генералом.

Иеромонаху посвятит несколько поэтических строк скромный бытописатель подвигов Севастополя, вовек оставшийся неизвестным:

Русь за тебя стонала!
Один ты был за всех измученный боец...
Святыня наших слез! Чья кровь не закипала,
Когда ты надевал страдальческий венец!
По всей Руси святой был каждый храм убогий
Молитвой за тебя народной потрясал!

К этому времени отец Иоанникий состоял на пастырской службе в 45-м флотском экипаже. Что не помешало ему отличиться и в сухопутной баталии, связав воедино своим ратным служением две севастопольские стихии, как делали это многие, сражавшиеся и умиравшие рядом с ним.

Ранее подвиги этого военного пастыря находили себе место на страницах всех исторических трудов, посвященных Севастопольской обороне. Потом сие оказалось сначала под запретом, позднее — под спудом беспамятства. Прочтем же наконец неизвестные нам строки о мужестве и доблести предков, вряд ли думавших, что потомки так отнесутся к их могилам и их именам...

Некогда — еще до 1853 г. — отец Иоанникий был иеродиаконном в скиту, но война призывает под свои знамена всех, не разбирая, кем ты был в той, нереальной сейчас, мирной жизни. И отец Савинов стал военным священником флотского экипажа.

В Севастополе русские моряки дрались и на суше — и их пастырь был везде рядом с ними, а иногда и впереди них. Как случилось это в ночь с 10 на 11 марта 1855 г. (ровно — день в день — через год после подвига отца Иоанна Пятибокова на Дунайском театре военных действий).

К этому времени бои под Севастополем велись уже долгие месяцы, и защитники его изнемогали, перемалывая все новые и новые орды свежего неприятеля. Враг все ближе и ближе подбирался к русским позициям, и сдерживать его становилось все труднее. Но сдерживали, переходя зачастую и в контратаки.

Именно это предстояло сделать в ночь на 11 марта пятитысячному отряду генерала Хрулева, коему надлежало разрушить французские подступы к Камчатскому люнету.

С наступлением темноты русские батальоны пошли вперед. Два батальона камчатцев под началом полковника Голева и два батальона днепровцев во главе с подполковником Радомским упали на французов, уже занявших под прикрытием сумерек переднюю линию русских ложементов.

Хрулев прикрыл движение своих батальонов (шедших: два — в ротных колоннах, два — в колонне к атаке) картечью. Это способствовало дополнительно скоротечности первого боевого соприкосновения — французы были выбиты из ложементов и отступили в свои траншеи, куда также — на их плечах — ворвались камчатцы. Пока лишь первым своим батальоном.

У траншеи неприятель встретил их батальным огнем, сразившим многих. Это не остановило остальных, и они влезли на гребень траншеи. Завязалась жаркая рукопашная...

В наступившей уже почти полной темноте дрались штыками и прикладами.

К французам постоянно прибывало подкрепление, так что стало казаться: еще немного, и они выбьют неприятеля из своих траншей. Здесь дрались зуавы, безудержные в драке.

Подвиг

И вдруг среди раздававшихся лишь отнюдь не гармоничных звуков раздался громкий, хорошо поставленный голос: «Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое, победы благоверному императору нашему на сопротивные даруя». И ряды сражавшихся увидели отца Иоанникия Савинова, провозглашающего молитву за царя.

Он появился здесь внезапно, в епитрахили, с поднятым крестом — и камчатцы воспряли духом: в пастыре они увидели посланника Божия, дающего им новые силы и чудодейственную помощь.

Их штыки начали клонить чашу весов в русскую сторону. Неприятель, смущенный видом священника, поющего церковную песнь в полном пастырском облачении в самой гуще боя, начал подаваться. Тогда, заметив это, самый смысленный зуав бросился со штыком наперевес на отца Иоанникия, дабы одним ударом опять откачнуть маятник к себе.

Но его сметка не осталась не замеченной и не отмеченной: он успел лишь пропороть епитрахиль, бывшую на пастыре, и левый рукав его рясы, как был тут же убит ординарцем Хрулева юнкером Камчатского полка Негребецким.

А тут подошел еще один батальон камчатцев, посланный сюда генералом из люнета. Одновременно

по его приказу началась атака соседних участков неприятеля, который этого уже не выдержал и бежал со своих позиций.

Разрушив все работы французов, направленные против люнета, русский отряд уже начинал отступление, но тут к неприятелю подошло подкрепление и он готовился начать преследование отступающих. Это вынудило Хрулева подтянуть резервы и вновь пойти в атаку, следствием которой стал захват первой французской параллели.

Теперь задача отряда была выполнена даже с лихвой, и Хрулев приказал своим людям отходить. Однако солдаты не обращали внимания на сигналы, видя в этом хитрость неприятеля, а привозившим устный приказ нарочным отвечали: «Не таковский генерал, чтобы велел отступить!»

Тогда Хрулев приказал ему вызвать из передовой цепи отца Иоанникия и поручил ему передать свое приказание. И лишь приказание, переданное военным пастырем, свидетелем подвига которого они только что были, заставило солдат поверить. И отступить.

По их отходу французы вновь заняли свою параллель, но преследовать русских более не решились...

В мае 1855 г. отец Иоанникий Савинов стал третьим в России военным пастырем — кавалером ордена Святого Георгия 4-й степени. Недолго, однако, он смог порадоваться сему отличию — в этом же году июля 9 дня он скончался: на войне умирают не только от ран, умирают и исчерпав себя, отдав все силы общей победе.

Бой 10 марта 1855 г. и Хрулеву принес орденом Святого Георгия сразу 3-й степени — до этого Георгия у Степана Александровича не было, хотя иных орденов и было в достатке...

Память о событиях 10 марта 1855 г. сохранилась и в солдатских песнях, таких, например, как эта, вновь вводящая всех желающих ее слушать в грохот этого сражения:

Гей! камчатцы-удальцы!
Гей! днепровцы-молодцы!
Собирайтесь, водки кварту
За десятое пить марта;
За здоровье, будь здоров
Наш любимец — наш Хрулев!
Что с тобою нам француз!
Правду молвить, — он не трус,
А как вздумал влезть в траншею,
Так его турнули в шею!
Слово молвил нам Хрулев, —
Все мы бросились в ров.
Темный путь светил монах,
Он нас вел с крестом в руках,
А Хрулев разжег отвагу;
Глядь! француз — кто лег, кто тягу.
Штык не хватит — камень есть,
И кулак француз в честь.

Слышь канаву к нам вели,
Да по ней как в гроб леги;
Разъярились мы от боя,
Слышать не хотим отбоя,

Кто в Викторию¹ попал,
В Балаклаву почесал.

С той поры вот ни гугу —
Знать, согнули их в дугу,
Знать, Хрулев им задал перцу,
А уж нам-то как по сердцу;
Вот еще бы дать разок,
Так совсем пошли б в утек.

Ну, камчатцы-удальцы!
Ну, днепровцы-молодцы!
Собирайтесь, водки кварту
За десятое пить марта;
За здоровье, будь здоров,
Наш любимец — наш Хрулев!

БОРЬБА ЗА ПЕРЕДОВЫЕ УКРЕПЛЕНИЯ ПОД СЕВАСТОПОЛЕМ

К апрелю 1855 г. силы союзников выросли уже до 170 тысяч человек. Противостояло им 40 тысяч воинов севастопольского гарнизона. В распоряжении осаждавших было 541 орудие, в том числе 130 тяжелых мортир. У защитников города было 466 орудий, из них 57 мортир. Преимущество союзников в снарядах все более увеличивалось. Правда, и Севастополь становился благодаря непрерывному тяжелейшему труду защитников все более совершенной крепостью. Росли также опыт и мастерство гарнизона. В марте 1855 г. Нахимов писал: «Теперь шести-

¹ Английская батарея. — *Авт.*

месячные труды подходят к концу; средства обороны нашей почти утроились».

Однако все возрастающие потери личного состава сказывались на состоянии обороны города. Ведь гибли и получали ранения, покидали строй по болезни опытные защитники, а на смену им приходили хотя и свежие, но необстрелянные воины. «Цифра моряков, стоящих еще на ногах, — писал современник, — тает каждый день, а в присутствии этих героев заключается залог существования Севастополя; эту истину можно сказать по совести, без всякого пристрастия потому, что на это есть сотни доказательств. Собственно материальные средства тают еще скорее, чем прибывают... Многое заставляет всех предполагать, что в Петербурге не вполне оценивают тягости и опасности настоящего положения».

С 28 марта по 6 апреля происходила 2-я бомбардировка Севастополя. Один из защитников так описывал происходившее: «Нет возможности передать, что это было. Ужасную бурю с градом можно разве сравнить с тем неистовым учащенным артиллерийским огнем, которым неприятель буквально мел ядрами бастионы. Над нами было истинно чугунное облако — становилось просто темно от массы снарядов, пролетавших над головой». То же самое продолжалось и в следующие дни. Всего по городу было выпущено 160 тысяч снарядов.

Укреплениям был нанесен серьезный ущерб, погибло немало защитников города. Однако и во время бомбардировки непрерывно шли работы по восстановлению рубежей обороны, все находилось в готовности к отражению штурма. Орудия бастионов и батарей также вели непрерывный огонь по противнику. В результате было уничтожено немало пушек, сооружений, живой силы союзников. Характерно,

что англо-французский флот даже не решился приблизиться к городским укреплениям.

Бомбардировка закончилась без главного для союзников результата. Изготовившиеся к штурму союзные дивизии так и не сдвинулись с места.

Под усиленным нажимом своих правительств в апреле 1855 г. командование союзников приступило к методичному обстрелу Севастополя.

Упорный обстрел Севастополя приносил гарнизону большие потери. Во время обороны бывали дни, когда потерь было меньше, чем обычно, но не было дней, когда их не было совсем. Каждый севастополец, независимо от места своего нахождения в городе и рода исполняемых занятий, находился в условиях фронтовой жизни. «Степени опасности при пассивном участии в обороне и при участии в боевых эпизодах, — писал участник обороны А. Вязмитинов, — почти сравнялись. Заурядные, самые мирные функции человеческой жизни заканчивались так же, как может закончиться участие в какой-нибудь отчаянной вылазке».

Развернулась также борьба за передовые укрепления русских. Многие из этих траншей (контрапрошей) были ближе к позициям противника, чем к бастионам. В траншеях происходили жестокие рукопашные схватки. 11 апреля семь батальонов под командованием генерала А.П. Хрущева начали работы по устройству укреплений перед Четвертым бастионом, где противник подошел очень близко к оборонительной линии. В ходе каждодневных атак союзники пытались выбить русских из этих траншей, но несли огромные потери. 19 апреля после артиллерийской подготовки начался их штурм многократно превосходящими силами противника. Контрапроши были взяты. За время осады это был первый случай захвата союзниками части передовых русских укреплений.

Борьба за контрапроши усилилась в мае. В это время главнокомандующим французской армии вместо Канробера императором Наполеоном III был назначен генерал Ж. Пелисье, сторонник решительных действий.

Биография

Пелисье Жан-Жак

(6.11.1794—22.05.1864)

Воспитанник Сен-Сирского училища Пелисье начал военную службу в артиллерии, а в 1819 г. перешел в корпус офицеров Генерального штаба. В 1823 г. Пелисье принял участие в походе французской армии в Испанию, за что был награжден орденом Почетного легиона и орденом Св. Фердинанда. В 1828 г. Пелисье участвовал в экспедиции в Грецию, а два года спустя он впервые отправился в Алжир.

По возвращении оттуда он в чине майора был прикомандирован к военному министерству и вернулся в Алжир лишь в 1839 г. в чине подполковника. Здесь он оставался до 1845 г. и приобрел огромный боевой опыт, поскольку ни одна экспедиция не проходила без его участия. В 1845 г. после победы при Исли Пелисье было приказано во что бы то ни стало усмирить марокканцев, заперев их в их горных берлогах. После того как все средства для приведения арабов в покорность не увенчались успехом, Пелисье приказал зажечь кучи хвороста перед их жилищами, после чего около 500 марокканцев погибли, а остальные были обезоружены и выселены. Эта суровая мера вызвала осуждение во Франции. Военный министр Сульт написал Бюжо, что если тот не укротит пыл Пелисье, он должен будет отозвать его во Францию.

Однако Бюжо отвечал, что на войне, как и в политике, используются любые средства, причем самые энергичные, и лучше ударить сильнее один раз, чем все время бить слабо.

Несмотря на приобретенную известность талантливого военачальника, Пелисье, бывший уже в чине дивизионного генерала в начале Крымской войны, не получил никакого назначения в действующую армию. Причиной этого были его не сложившиеся отношения с главнокомандующим маршалом Сент-Арно.

Однако скоро дела в Крыму пошли вяло, и Пелисье получил под свое командование 1-й армейский корпус. Ему уже было 63 года, однако он сохранил бодрость, твердость характера и пылкость. Сразу же по прибытии в армию Пелисье внес в действия своего корпуса свежую струю, но нерешительность высшего командного состава и неудачное расположение армии парализовали его начинания.

Но только после увольнения с поста главнокомандующего Канробера Пелисье, ставший его преемником, смог приняться за осуществление своих идей. Однако его план действий совершенно не отвечал плану генерала А. Ниеля, командированного в Крымскую армию в качестве доверенного лица императора Наполеона III, и тот объявил Пелисье предостережение. Пелисье, не обращая на это внимания, продолжал осуществление своих идей. Они состояли в том, чтобы как можно больше расширить сферу действий армии, занять в тылу пункты, удобные для наблюдения, разрушить фортификационные работы русских на Азовском море, в Керчи и Еникале, теснить противника в пунктах непосредственной

обороны, чтобы захватить инициативу в свои руки и подготовить штурм Севастополя.

Император прислал Пелисье письмо, в котором указал на необходимость считаться с его мнением, но даже это не возымело своего действия. Тогда Ниель попытался в собрании генералов подвергнуть критике план Пелисье, но тот ответил, что в армии нет адъютантов императора, а есть только один главнокомандующий и подчиненные, и запретил Ниелю помимо него сноситься с императором под угрозой удаления из армии.

Ниель все же продолжал извещать обо всем Наполеона III, и тот, все более раздражаясь против Пелисье, требовал от него взятия Севастополя. Но Пелисье отвечал, что не считает возможным обсуждать военные вопросы, и лишь в письме, объясняя свой план действий, смог отстоять свой авторитет главнокомандующего.

Операции перешли в активную фазу, сразу придав оптимизм всей армии. 26 мая после упорного боя французы овладели Вольнским и Селенгинским редутами и Камчатскими люнетами. Это был первый успех Пелисье. Однако малейшая неудача могла окончательно порвать отношения Пелисье с императором. Его положение серьезно осложнилось после неудачного штурма Севастополя 6 июня 1855 г. Лишь заступничество за Пелисье перед императором ряда военных деятелей позволило ему сохранить свой пост. К осени 1855 г. Пелисье еще более активизировал свои действия. 4 августа он одержал победу на Черной речке, а 27 августа произвел новый штурм Малахова кургана и овладел Севастополем.

Пелисье был произведен в маршалы, а по возвращении в 1856 г. во Францию — получил титул герцога Малаховского. В 1858 г. Пелисье был назначен французским посланником в Лондоне. Во время австро-итало-французской войны Пелисье командовал Рейнской армией, а в 1860 г. был назначен генерал-губернатором в Алжир, где спустя четыре года и окончил свои солдатские дни.

Появление нового командующего французскими войсками под Севастополем сразу же привело к активизации действий союзников. Именно решительность Пелисье позволила осаждавшим наконец-то одержать первую серьезную победу.

10 мая 1855 г. 10 батальонов во главе с генералом Хрулевым начали устройство внешних позиций в районе Четвертого бастиона. Заметив работы, противник открыл ураганный огонь. Очевидец писал: «От 10 часов до 3 часов утра стрельба, учащаясь сильнее и сильнее, превратилась, наконец, в адскую канонаду... Во все время этой бойни огненное зарево не сходило с горизонта, а пламя, вылетавшее из жерл орудий и стволов ружейных, представляло издали перекрестную и неугасимую молнию, которая сверкала огненными языками. В это же время чистое лазоревое небо при полном освещении луны было беспрестанно рассекаемо огненными шарами, огненными букетами и огненными столбами: это были бомбы, картечные гранаты, ракеты...»

Затем на контрапроши двинулось до 12 тысяч вражеских солдат и захватили их. Но ненадолго. Хрулев возглавил контратаку. Разгорелся ночной бой. Пять раз траншеи переходили из рук в руки. «Тут не было полос огня, показывающих относительное положение противных сторон, только видно было

в непроглядной ночной тьме какое-то хаотическое клочкотание и сверкание огней на всем пространстве между нашими верками (укреплениями) и французскими осадными батареями». Так описывал сражение его участник. Французы бросили в бой новые резервы, но успеха не добились. Потери союзников были очень велики. «Это было не сражение, а, можно сказать, резня», — писал очевидец. Французы отступили.

На следующую ночь нужно было ждать новой атаки. Однако главнокомандующий русскими силами в Крыму генерал М.Д. Горчаков выделил на защиту позиций лишь два батальона. Бросив в атаку шесть своих батальонов, французы выбили русских стрелков из контрапрошей. В результате противник продвинулся к Городской стороне Севастополя сразу на 500 м.

М.Д. Горчаков сменил на посту командующего А.С. Меншикова в феврале 1855 г. Приказ об этом стал последним указом императора Николая I, который он принял 15 февраля. Царь умер 18 февраля. На престол вступил его сын Александр II.

Однако новый главнокомандующий продолжил курс снятого царем руководителя русских военных сил в Крыму. Взгляд Горчакова на судьбу Севастополя и всей кампании мало чем отличался от взгляда на этот предмет Меншикова. Пассивность Горчакова объяснялась его принципиальной позицией.

Биография

Горчаков Михаил Дмитриевич

(1793— 18.05.1861)

Михаил Горчаков воспитывался в частном учебном заведении, после окончания которого в 1807 г. поступил юнкером в лейб-гвардии артиллерийский

батальон (впоследствии лейб-гвардии 1-я артиллерийская бригада).

В 1809 г. Горчаков был направлен для прохождения службы на Кавказ, в состав Грузинского корпуса, и был назначен адъютантом к главнокомандующему в Грузии маркизу Пауллуччи. Здесь он принял участие в отражении наступления персидской армии к Шамхорскому мосту через Делижанское ущелье.

С началом Отечественной войны 1812 г. он вернулся на службу в лейб-гвардии артиллерийский батальон, с которым участвовал в кампаниях против французов 1812, 1813 и 1814 гг. Горчаков сражался под Бородино, Люценом, Бауценом, Дрезденом и Лейпцигом.

В 1817 г. Горчаков был переведен в Генеральный штаб с производством в полковники. В 1820 г. он стал генерал-майором и был назначен начальником штаба 3-го пехотного корпуса, с которым принял участие в Русско-турецкой войне 1828—1829 гг. При переправе через Дунай у Сатунова Горчаков одним из первых вступил на турецкий берег, за что был награжден орденом Св. Георгия 3-й степени. В эту же войну он участвовал в осаде Силистрии и в блокаде крепости Шумлы.

После окончания войны Горчаков был назначен генерал-адъютантом императора Николая I, а в 1831 г., с началом Польской кампании, он стал начальником штаба 1-го пехотного корпуса. Когда в одном из сражений был тяжело ранен начальник артиллерии действующей армии генерал-адъютант И.Ф. Сухозанет, Горчаков возглавил артиллерию, заменив Сухозанета на этом посту. Во время кам-

панин он распоряжался при устройстве переправы через Вислу у поселка Осек, неоднократно командовал авангардом и участвовал в сражениях под Гроховом, Остроленкой и во взятии Варшавы.

Во время Венгерской кампании 1849 г. Горчаков был начальником штаба действующей армии. Он участвовал в бою под Вайценом и распоряжался устройством форсированной переправы при Фюрее через реку Тиссу 14 июля 1849 г.

В 1853 г., с началом Крымской войны 1853—1856 гг., Горчакову было поручено командование 3, 4 и 5-м корпусами, действовавшими на Дунае и на побережье Черного моря. Осознавая всю опасность, которой в скором времени подвергся Севастополь, Горчаков по собственной инициативе отправил туда вначале состоявшего при нем подполковника Э.И. Тотлебена, а затем и часть своих сил (1-ю бригаду 14-й пехотной дивизии и всю 16-ю пехотную дивизию). Он стремился любыми путями помочь Крымской армии, снабжая ее не только боевыми, но и продовольственными запасами.

Хотя Паскевич, возглавлявший Дунайскую армию, и был недоволен действиями Горчакова, называя его даже изменником, вступивший на престол император Александр II одобрил их. В своем рескрипте от 24 февраля 1855 г. при назначении Горчакова главнокомандующим Крымской армией на смену князя Меншикова император писал: «Севастополь несомненно вам обязан, что доселе в состоянии держаться против всех усилий союзников. Если бы не ваше благородное самоотвержение, с которым вы жаловали Крымскую армию и войсками и всеми

военными потребностями, может быть, он был уже в руках неприятеля».

Горчаков прибыл в Севастополь 8 марта с полной уверенностью, что не далее чем через полтора месяца ему удастся выгнать союзников из Крыма. Однако ему пришлось скоро убедиться, что рано или поздно Севастополь придется оставить. Поэтому одним из первых его распоряжений было устроить южный мост через Северную бухту.

Войска ожидали от Горчакова очень многого, прежде всего, наведения порядка в управлении армией и начала решительных действий. Однако Горчакову немного удалось достигнуть. Энергичный, заботливый о войсках администратор, он оказался нерешительным военачальником, склонным к военным советам и влияниям отдельных лиц штаба.

Так, он не решился исправить ошибку предыдущего командующего и своего брата — командира 6-го армейского корпуса князя П.Д. Горчакова, состоявшую в отводе им войск с левого берега реки Черной. Эта ошибка привела к поражению русских войск при наступлении со стороны этой реки. Сам Горчаков, принявший участие в этом сражении, проявил личную храбрость — он все время находился под сильным артиллерийским огнем неприятеля.

После неудачи на реке Черной Горчаков уже перестал думать о наступлении и сосредоточил все свое внимание на обороне города. 6 июня ему удалось отразить штурм Севастополя войсками союзников, но следующий штурм 27 августа решил судьбу осажденного города и Горчаков приказал отвести войска на северную сторону Севастополя.

В конце 1855 г. Горчаков был заменен в Крыму генерал-адъютантом А.И. Лидерсом, а в январе 1856 г. после смерти фельдмаршала князя И.Ф. Паскевича был назначен наместником в Польше и главнокомандующим вновь сформированной там 1-й армии.

После смерти Горчакова в 1861 г. его тело было погребено в Севастополе на Братском кладбище.

Одновременно с продвижением своих позиций к Городской стороне союзники усилили боевые действия там, где Пелисье рассчитывал переломить ход осады — в районе Малахова кургана и русских передовых укреплений за Килен-балкой. Селенгинский и Вольнский редуты и Камчатский люнет подвергались безостановочному обстрелу. Участник обороны Севастополя вспоминал: «Пальба гремела со всех сторон, дым поднимался над дымом, ядра часто так близко пролетали, что слышен был их неприятный визг; бомбы и гранаты нередко врывались в соседние хижины, доканчивая их разрушение. Вдали пальба стала такой учащенной, что по временам сливалась в один какой-то страшный гул и гром. Послышался крик “ура”. Мы вскочили и взбежали выше на холм, с биением сердца думая быть свидетелями штурма; но нам, новичкам, объяснили, что часто “ура” бывает выражением какого-нибудь удачного выстрела или ответом на неприятельское “ура” и т.п. и что “ура” штурмовое не такое, а продолжительное и громкое».

Одновременно усилилась и ружейная стрельба. Только с 10 по 28 мая на русской оборонительной линии было собрано 1900 пудов свинца в пулях, т.е. от 800 ружейных выстрелов, сделанных за эти дни. Свидетель писал, что «едва ли подобрана третья и пятая доля того, что было направлено в город».

25 мая (6 июня) началась очередная, 3-я бомбардировка Севастополя и всех его укреплений. При примерном равенстве числа орудий союзники решительно превосходили севастопольцев по их мощности и числу зарядов. Каждое орудие Севастополя располагало 80—140 зарядами, у осаждавших на каждое орудие было 500—600 зарядов.

Вскоре выяснилось, что основной огонь противник обрушил на Вольнский и Селенгинский редуты и Камчатский люнет, сосредоточив против него 48 орудий крупного калибра. Выстрелы врага достигали и Малахова кургана. К вечеру большая часть русских орудий на укреплениях за Килен-балкой была повреждена, прислуга перебита, и отвечать на выстрелы союзников было уже некому.

В то же время в этих укреплениях оказалось очень мало защитников. Накануне бомбардировки генерал А.П. Жабокрицкий отдал приказ о выводе части сил с передовых укреплений. На Вольнском и Селенгинском редутах осталось по 250 солдат, на Камчатском люнете — 350, а в непосредственной близости от него не более тысячи солдат и саперов.

После обстрелов в Камчатском люнете оставалось лишь 600 человек. Силы французов, направленных для овладения этим укреплением, равнялись 35 тысячам человек (21 батальон, среди которых два были из императорской гвардии Наполеона III). Всего против русских укреплений за Килен-балкой двинулось четыре французских и одна турецкая дивизии. Причем Пелисье удалось добиться скрытности сосредоточения сил.

Однако защитники передовых укреплений оказали такое сопротивление, которого не ожидали даже издававшие виды неприятельские солдаты и офицеры. Едва узнав вечером 26 мая о начале штурма, П.С. Нахимов прибыл на Камчатский люнет и, поднявшись на вышку, увидел, что французы

атакуют с трех сторон. Штурмующие колонны были встречены «ураганом картечи». На позициях разгорелись яростные рукопашные схватки, в которых на одного русского приходилось по 10—15 вражеских солдат. Контратаку возглавил сам Нахимов. Однако внезапность нападения, тщательная подготовка и огромный перевес в силах дали противнику возможность ворваться в укрепления.

Когда новые французские батальоны обошли Камчатский люнет с тыла, его защитники оказались под угрозой окружения. Оставшиеся в живых матросы и солдаты, прикрывая Нахимова, штыками проложили себе дорогу к Малахову кургану. В это же время стало известно, что противник овладел и другими передовыми пунктами Малахова кургана — Селенгинским и Волынским редутами и, установив там орудия, начал обстрел Малахова кургана с ближней дистанции.

Ободренный захватом трех передовых русских укреплений у Килен-балки, французский главнокомандующий генерал Пелисье решил развивать достигнутый успех. Вражеские дивизии пошли на штурм Малахова кургана. Наступил опасный момент сражения, от которого зависела судьба Севастополя.

Под руководством адмирала Нахимова защитники Малахова кургана встретили атакующих мощным артиллерийским огнем. Картечь непрерывно била по наступающим французам, преграждала им путь к кургану. В бой вступили пушки кораблей Черноморского флота. Мощный огонь с укреплений и с Севастопольского рейда остановил штурмующие войска. Тут к защитникам кургана подошли резервы во главе с Хрулевым. Русские перешли в контратаку.

Севастопольцы овладели Камчатским люнетом, нанесли большой урон противнику, захватили более 300 пленных.

В ходе контратаки Нахимов вновь прибыл на люнет и убедился в невозможности удержать полностью разрушенные укрепления. Подошедшие две французские дивизии опять оттеснили русских из люнета.

Таким образом, в результате штурма 26 мая 1855 г. — первой открытой атаки укреплений Севастополя силами нескольких вражеских дивизий — три передовых укрепления за Килен-балкой остались в руках противника. Малахов курган задержал дальнейшее продвижение неприятельских войск. В бою за Камчатский люнет Нахимов получил контузию «...Не конфетками, не яблочками перебрасываемся, — говорил Нахимов. — Вот меня сегодня самого чуть не убило осколком, — спины не могу разогнуть, да это ничего еще, слава Богу, не слег».

На следующий день Нахимов собрал военный совет, на котором поставил вопрос: постараться ли отбить у французов Камчатский люнет, Волынский и Селенгинский редуты или оставить их у неприятеля. Большинство высказалось за окончательное их оставление, поскольку понимало неизбежность нового штурма противником Севастополя. Тратить силы на сомнительные попытки отобрать уже разрушенные укрепления не было необходимости.

При отражении штурма передовых укреплений Малахова кургана русские потеряли 5 тысяч человек убитыми и ранеными. Потери французов составили 5554, а англичан — 693 человека. Победа дорого досталась противнику. Впоследствии французы говорили, что если бы в тот день редуты и люнет не были бы взяты, положение главнокомандующего французскими войсками генерала Пелисье стало бы весьма затруднительным, поскольку именно он был инициатором штурма, против которого выступило большинство французских генералов.

ПЕРВЫЙ ОБЩИЙ ШТУРМ СЕВАСТОПОЛЯ

...Осада Севастополя продолжалась. Союзный флот в мае совершил поход в Азовское море. Были взяты Керчь и крепость Еникале, обстреляны русские города Приазовья. Хотя военное значение этой экспедиции было ничтожно, а от жестоких обстрелов страдали лишь мирные жители Бердянска, Ейска, Мариуполя, Таганрога, но союзники расценили ее как крупный успех. Вдохновлял союзное командование и более чем двукратный численный перевес. У них в Крыму было 175 тысяч человек, а в русской армии — всего 85 тысяч.

3 июня на военном совете коалиционных сил было принято решение о новом штурме города. По настоянию Пелисье было решено вести атаку лишь на одном узком участке, что давало возможность сосредоточить там крупные силы. Объектами предстоящей атаки должны были стать Малахов курган и три бастиона Корабельной стороны. Штурм был назначен на день 40-летия битвы при Ватерлоо — 6 июня.

В войсках союзников царили воодушевление и надежда на близкое завершение дела. «У англичан и французов был один клич: “штурм!” Все были убеждены в возможности немедленной благоприятной развязки севастопольской истории». Например, английский полковник Стерлинг писал тогда, что взятие бастионов — «вопрос дней». «А потом — на Тифлис, на Грузию — и русская мощь будущим летом будет действительно сокрушена. Словом, нужно начать с Регана (так британцы называли Четвертый бастион, против которого стояли английские войска), а это дело уже решенное».

Надо сказать, что сходные настроения были и у М.Д. Горчакова, писавшего Александру II 27 мая: «Теперь я думаю об одном только: как оставить Севастополь, не понеся непо-

мерного, может быть, более 20-тысячного урона... Я в невозможности более защищать этот несчастный город».

По-иному думали непосредственные руководители Севастопольской обороны. В одном из своих приказов Нахимов писал: «Матросы! Мне ли говорить вам о ваших подвигах на защиту родного вам Севастополя и флота? Я с юных лет был постоянным свидетелем ваших трудов и готовности умереть по первому приказанию; мы сдружились давно: я горжусь вами с детства. Отстоим Севастополь!»

Те же настроения были у Хрулева. Однажды один из командиров полков формально запросил Хрулева: «Что делать в случае натиска превосходящих сил неприятеля и видимой невозможности удержаться на занимаемом пункте? Куда отступить?»

Хрулев ответил лаконически:

— Отступления нет!

Полковой командир не удовольствовался этим ответом и вновь спросил:

— Если нет отступления, то где резервы и кто обязан подкрепить его в случае крайности?

Хрулев ответил:

— У нас в резерве — Россия!»

В другом своем приказе генерал писал: «Если истощатся все усилия и нас одолеют в штурме, если нам нельзя уже будет держаться, а мы еще будем живы, пробьемся к бывшему Инкерманскому мосту и там соединимся со своими. Что касается взятия нас в плен, капитуляций и тому подобных историй — враги пусть об этом и думать забудут».

Накануне штурма, 5 июня, началась 4-я бомбардировка Севастополя. Об этой бомбардировке очевидец рассказывал: «Я не помню, чтоб все предыдущие бомбардировки были хоть мало-мальски похожи на эту: в этот раз был решитель-

ный ад... Штурм в сравнении с бомбардировкой веселое дело — все-таки лучше, чем хладнокровно смотреть, как одной бомбой вырывает нескольких десятков человек... В этот день я насмотрелся таких сцен, что немудрено, если в 30 лет состаришься».

Противник ввел в действие 587 своих орудий, севастопольцы отвечали из 549 орудий, однако запас снарядов и пороха у них опять-таки был в несколько раз меньше, чем у противника.

Во второй половине дня обстрел усилился. Люди не могли выйти из укрытий, где находились без воды и пищи. «Наступил вечер, мы думали, что утихнет, — не тут-то было: надбавили ракет, да начали подходить пароходы и задавать залпы то гранатами, то ракетами — чего-чего мы не насмотрелись; так продолжалось целую ночь, а все были на ногах; день был удушливый, а ночь жаркая по огню и от пожаров, которые начали местами оказываться; тушить их было некому, да и невозможно, ибо союзники лишь только заметят этот, так тотчас сосредоточивают туда свои выстрелы, предполагая, что там большое скопление людей». Так писал человек, переживший этот обстрел.

В городе пылали пожары, всюду виднелись разрушения. Русская артиллерия поначалу вела интенсивный ответный огонь, но затем выстрелов становилось все меньше. Союзное командование посчитало это также признаком успеха бомбардировки. На самом деле это было сделано с целью экономии боезапаса.

Как только стемнело, солдаты и матросы принялись восстанавливать повреждения. Участник работ вспоминал: «Работа была у нас ужасная; по крайней мере две тысячи человек толпились на маленьком пространстве, чтоб достать немного земли для заделывания повреждений от денной

бомбардировки; а в это время буквально не проходило минуты, чтоб не раздался выстрел».

Союзное командование посчитало, что сокращение огня со стороны осажденных свидетельствует о том, что оборона города разрушена, а разбитые укрепления уже некому восстанавливать. Эта ошибка союзников привела к пересмотру плана атаки. Вначале планировалось продолжить бомбардировку 6 июня, а штурм начать вечером. Теперь Пелисье решил начать штурм утром. Английские и французские войска надели парадную форму. В успехе никто не сомневался.

В Севастополе в это время было 43 тысячи воинов, из них на Корабельной стороне — 20 тысяч. Союзники выделили для штурма Корабельной стороны 44 тысячи и еще 30 тысяч находилось у них в резерве.

Русские всю ночь вели восстановительные работы и одновременно внимательно наблюдали за противником. В два часа ночи один из офицеров заметил скопление значительных французских войск. Гарнизон был полностью готов к отражению штурма.

Противников отделяло от русских позиций на Первом и Втором бастионах всего 500—600 м. В темноте союзники здесь тихо двинулись вперед. Но, подпустив врага на несколько десятков метров, защитники открыли сокрушительный артиллерийский огонь. Ударили и пушки с кораблей на севастопольском рейде. «Страшный огонь этот остановил порыв наших войск, им было невозможно идти вперед», — писал в донесении Пелисье. Лишь небольшая часть атакующих дошла до бастионов, но в рукопашной схватке была отбита.

Перегруппировав силы, французы пошли во вторую атаку на Первый и Второй бастионы. Но и она окончилась безрезультатно.

В это время начался общий штурм Корабельной стороны. Основные силы союзников двинулись на Малахов курган. Русские орудия и ружья в упор расстреливали густые цепи атакующих. Однако французы, несмотря на огромные потери, смыкали ряды и шли вперед. Командование бросало в бой все новые и новые силы. Начался штурм укреплений, завязалась рукопашная схватка.

Обороной Малахова кургана руководил П.С. Нахимов. Когда французы прорвались на подступы к Малахову кургану, Нахимов вместе с двумя адъютантами повел матросов и солдат в штыковую атаку, в ходе которой противник был выбит из укреплений.

Немалую роль в переброске подкрепления на Корабельную сторону в решающий момент штурма сыграл новый мост на бочках через Южную бухту, построенный по инициативе Нахимова.

За участие в отражении штурма 6 (18) июня император Александр II назначил Нахимову аренду (ежегодную денежную выдачу). «Да на что мне аренда? Лучше бы они мне бомб прислали!» — сказал вначале Нахимов. Но уже вскоре он, немного успокоившись, стал думать, как использовать эти деньги для обороны города и поддержки семей погибших матросов.

Все атаки на Малахов курган были отбиты. Противник был вынужден отступить. Его потери были ужасны.

Хуже для оборонявшихся складывалась обстановка между Малаховым курганом и Третьим бастионом. Здесь французам удалось захватить слабоукрепленную батарею Жерве, которую защищали всего 300 солдат Полтавского полка. Вскоре противник занял часть Корабельной стороны (Татарскую и часть Корабельной слободок), обосновываясь в домах ее жителей, укрепляя их для обороны. Командующий

французской колонной генерал д'Отмар послал за резервами. В случае развития успеха открывалась возможность окружения Малахова кургана. Исход сражения и судьба Севастополя висели на волоске.

Подвиг

Все это ясно оценил наблюдавший за обстановкой генерал Хрулев, начальник обороны Корабельной стороны. Нельзя было медлить ни минуты. Только решительная контратака могла переломить ход событий. Однако в распоряжении генерала не имелось никаких резервов. И тут он увидел роту Севского полка, возвращавшуюся с лопатами со строительных оборонительных работ. Здесь было всего 138 человек. Хрулев подскочил к севцам и закричал: «За мной! Дивизия идет на помощь!» Во главе этого отряда генерал бросился на врага, закреплявшегося на занятых позициях. По пути к атакующим присоединилось еще несколько небольших подразделений.

Стремительно ворвавшись в Татарскую и Корабельную слободки, солдаты штурмом брали каждое здание Корабельной стороны. «Завязалась рукопашная схватка; не имея возможности проникнуть в некоторые дома, солдаты наши разбирали крыши и закидывали неприятеля камнями и черепицей». Остатки окруженных французов сдались в плен. Хрулев выбил противника с батареи Жерве и отбил все попытки подошедших резервных частей союзников вновь вернуть себе утраченные позиции. К концу сражения из 138 севцев в строю осталось только 33 человека. В этом бою на каждого русского приходилось до десяти вражеских солдат.

Так же безуспешно закончился штурм Третьего бастиона («Большого Редана») английскими войсками. Расстояние от английских позиций до бастиона не превышало 250—300 м, но противник даже не смог подойти до русских укреплений. Англичане также понесли огромные потери. «Огонь был так страшен, — писали участники штурма, — что можно было только опустить голову и бежать как можно скорее». Все поле перед бастионом было усеяно трупами. В самом начале атаки пал и командующий ею генерал Л. Кэмбелл. Не добежав даже до рва, остатки штурмующих побросали осадные лестницы и бросились назад.

Сила русского сопротивления вызвала у многих союзников панические настроения. Прежде всего, страх овладел сардинскими войсками, которые должны были сковывать действия полевой армии Горчакова. Сардинская армия самовольно снялась со своих позиций и отошла подальше от Севастополя.

Так бесславно для союзников закончился штурм 6 июня 1855 г. Спустя четыре часа после начала атаки Раглан и Пелисье отдали приказ об отступлении своих войск на исходные позиции. Потери союзников в этот день достигли 8 тысяч человек.

Е.В. Тарле писал: «Вообще это кровавое поражение союзников 6 (18) июня 1855 г. покрыло новой славой имя Нахимова. Малахов курган только потому и мог быть отбит и остался в руках русских, что Нахимов вовремя измыслил и осуществил устройство особого, нового моста, укрепленного на бочках, по которому в решительные часы перед штурмом и перешли спешно отправленные подкрепления из не атакованной непосредственно части на Корабельную сторону (где находится Малахов курган). Нахимов затеял постройку этого моста еще после первого бомбардирова-

ния Севастополя 5 октября, когда в щепки был разнесен большой мост, покоившийся на судах. Этот новый мост, на бочках, оказал неоценимые услуги, и поправлять его было несравненно легче и быстрее, чем прежний».

За отражение этого штурма П.С. Нахимов получил свою последнюю награду — орден Белого орла.

ГИБЕЛЬ П.С. НАХИМОВА

Ровно два месяца после этого проигранного ими сражения 6 июня союзники не предпринимали ни штурмов, ни общей бомбардировки Севастополя. Продолжая каждодневный обстрел города и укреплений, они сосредоточили все свое внимание на осадных работах. Траншеи неприятеля медленно, но упорно продвигались к бастионам.

В начале августа они уже отстояли от Малахова кургана на 120 м, от Второго бастиона — на 100 м. Одновременно все траншеи соединялись друг с другом, образуя обширнейшую сеть. Союзники возводили и новые батареи. Всего за два месяца появились 34 дополнительные батареи со 100 орудиями, большинство из которых было направлено против Корабельной стороны.

Специальные батареи по склонам Сапун-горы строились для обстрела Севастопольской бухты и городских мостов. Эти батареи предназначались, прежде всего, для борьбы с русскими пароходами в Севастопольской бухте, которые наносили им огромный урон во время штурмов.

Войска севастопольского гарнизона не оставались безучастными к этим работам. Они вели постоянный орудийный и оружейный огонь, который очень замедлял приготовления союзников, наносил им большие потери. Продолжались и вылазки. В то же время продолжалось совершенствование

линии обороны, началось укрепление и внутренней обороны за основными бастионами, на улицах появились баррикады. Была осуществлена постройка беспрецедентного в истории военно-инженерного искусства моста через Большую Севастопольскую бухту длиной около 1 км.

Всех, попадавших в Севастополь летом 1855 г., поражало спокойствие его защитников, их готовность до конца бороться с врагом. «Тут везде кипела покойная, разумная деятельность без суеты и малейшего страха. Команды следовали в порядке по разным направлениям, офицеры проезжали и проходили свободно по улицам, как в мирное время, на бульваре были даже дамы с зонтиками в руках против загара от солнечных лучей. Между тем тут же падали и разрывались бомбы, гранаты, ракеты; на перекрестках некоторых улиц стояли часовые, объясняющие, какое нужно принять направление, чтобы менее подвергаться выстрелам неприятельских стрелков. Но все это представлялось явлениями совершенно обыкновенными. Казалось, что все люди, живущие в Севастополе, полагают, что жить под постоянным огнем мортир, пушек и ружей составляет нормальное положение человеческой породы. И все вновь прибывшие неволью, естественно, подчинялись такому настроению. Удивительный дух, чудный народ!»

Особую роль в осадной жизни осажденного города играл Нахимов. Очевидицу вспоминал: «Каждый из храбрых защитников, после жаркого дела, осведомлялся прежде всего, жив ли Нахимов, и многие из нижних чинов не забывали своего отца-начальника даже и в предсмертных муках. Так, во время штурма 6 июня один из рядовых пехотного графа Дибича-Забалканского полка лежал на земле близ Малахова кургана. “Ваше благородие! А ваше благородие!” — кричал он офицеру, скакавшему в город. Офицер не остановился.

“Постойте, ваше благородие! — кричал тот же раненый в предсмертных муках, — я не помощи хочу просить, а важное дело есть!” Офицер возвратился к раненому, к которому в то же время подошел моряк. “Скажите, ваше благородие, адмирал Нахимов не убит?” — “Нет”. — “Ну, слава Богу! Я могу теперь умереть спокойно”. Это были последние слова умиравшего».

Однако в эти два месяца для защитников Севастополя уже не было сомнений, что рано или поздно город придется оставить. И все знали, что вице-адмирал П.С. Нахимов не переживет падения города. Он словно намеренно появлялся в самых опасных местах, стоял на вышках бастионов в черном мундире с блестящими эполетами, привлекая внимание стрелков противника. Для того, чтобы посмотреть на батареи союзников, Нахимов ходил не по траншеям, а по площадкам, со всех сторон простреливаемым противником.

«Нам отсюда уходить нельзя, — говорил Нахимов. — Я уже выбрал себе могилу, моя могила уже готова-с! Я лягу подле моего начальника Михаила Петровича Лазарева, а Корнилов и Истомин уже там лежат, они свой долг исполнили, надо и нам его исполнить!»

Узнав о том, что по приказу главнокомандующего Крымской армией князя М.Д. Горчакова строится мост для перехода с Южной на Северную сторону города, он воскликнул: «Видали вы подлость? Готовят мост через бухту! Ни живым, ни мертвым отсюда я не выйду!»

Нахимов говорил, что даже если Севастополь будет сдан, он со своими матросами продержится на Малаховом кургане еще целый месяц, пока их всех не перебьют.

С самого утра 28 июня 1855 г. Нахимов вместе с адъютантом Колтовским верхом поехал на 3-й бастион, так как адмирал слышал, что по нему открыли сильный огонь

с английской стороны. Прибыв на бастион, он сел около блиндажа начальника бастиона вице-адмирала Панфилова, завязав разговор с окружившими его офицерами. Вдруг раздался крик сигнальщика: «Бомба!» Все бросились в блиндаж. Остался лишь Нахимов, не сошедший со скамьи. Разорвавшаяся бомба осыпала осколками, землей и камнями место, где только что стояли офицеры.

Заехав на Четвертый бастион, Нахимов вместе с Колтовским приехал на Корниловский бастион Малахова кургана. Нахимов обратился к матросам и солдатам бастиона: «Здорово, наши молодцы! Ну, друзья, я смотрел вашу батарею, она теперь далеко не та, какой была прежде, она теперь хорошо укреплена! Ну, так неприятель не должен и думать, что здесь можно каким бы то ни было способом вторично прорваться. Смотрите же, друзья, докажите французу, что вы такие же молодцы, какими я вас знаю, а за новые работы и за то, что вы хорошо деретесь, — спасибо!»

Капитан 1-го ранга Керн и Колтовский предложили адмиралу зайти в бастионную церковь, где шла служба по случаю дня апостолов Петра и Павла. Нахимов отказался, хотя то были его именины.

Дойдя до банкета, адмирал поднялся наверх и, взяв у сигнальщика подзорную трубу, стал смотреть в сторону французов. Керн и Колтовский стали уговаривать Нахимова нагнуться пониже или зайти за мешки. Но Нахимов не отвечал и продолжал смотреть в сторону противника, а затем сказал: «Не всякая пуля в лоб-с!» Стоя совершенно открыто и резко выделяясь от свиты черным цветом своего сюртука и золотыми эполетами, он стал целью для французских стрелков. Одна пуля ударила в земляной мешок, лежавший перед адмиралом. Он и тут остался на месте, спокойно промолвив: «Они целят довольно хорошо!» Почти одновременно с этим

вторая пуля ударила его в лоб, над левым глазом. Нахимов упал на руки сопровождавших его и тотчас же был отнесен на перевязочный пункт Малахова кургана. Когда ему sprыснули лоб и грудь водой, он очнулся, что-то проговорил, но что именно — разобрать было трудно. Перевязав рану, Нахимова перенесли на солдатских носилках в Аполлонову балку, а отсюда повезли в шлюпке на Северную сторону. Всю дорогу он глядел и что-то шептал, а в госпитальном бараке потерял сознание. На следующий день раненому стало немного лучше. Нахимов шевелился, рукой дотрагивался до повязки на голове. Ему в этом препятствовали. «Эх, Боже мой, что за вздор!» — прошептал он. Это были единственные слова, разобранные окружающими.

Присутствовавший в момент смерти Нахимова современник вспоминал: «Войдя в комнату, где лежал адмирал, я нашел у него докторов, тех же, что оставил ночью, и прусского лейб-медика, приехавшего посмотреть на действие своего лекарства. Усов и барон Крюднер снимали портрет; больной дышал и по временам открывал глаза; но около 11 часов дыхание сделалось вдруг сильнее; в комнате воцарилось молчание. Доктора подошли к кровати. “Вот наступает смерть”, — громко и внятно сказал Соколов... Последние минуты Павла Степановича оканчивались! Больной потянулся первый раз и дыхание сделалось реже... После нескольких вдохов он снова вытянулся и медленно вздохнул... Умиравший сделал еще конвульсивное движение, еще вздохнул три раза, и никто из присутствующих не заметил его последнего вдоха. Но прошло несколько тяжелых мгновений, все взялись за часы, и, когда Соколов громко проговорил: “Скончался”, — было 11 часов 7 минут... Герой Наварина, Синопа и Севастополя, этот рыцарь без страха и укоризны окончил свое славное поприще».

Покойного перевезли на Городскую сторону и внесли в дом, где он прожил столько лет. Над его гробом были опущены два адмиральских флага и один с флагманского корабля «Императрица Мария», на котором Нахимов находился во время Синопского сражения.

Еще при начале обороны Севастополя Нахимов и Корнилов просили похоронить их в склепе, где покоился прах М.П. Лазарева. В этом склепе было место для двух могил. В первой из них похоронили Корнилова, а во второй — Истомина. Однако моряки нашли возможность исполнить и волю Нахимова.

Проститься с адмиралом пришел весь Севастополь. 1 июля гроб с телом Нахимова был вынесен из дома и под колокольный звон, барабанную дробь и орудийный салют внесен в собор Св. Владимира, где были уже похоронены адмиралы М.П. Лазарев, В.А. Корнилов и В.И. Истомин. В этот день противник не сделал ни одного выстрела. Рассказывали, что его некоторые корабли приспустили флаги и скрестили реи.

Вот как описывал похороны Нахимова крымский историк В.П. Дюличев: «От дома до самой церкви стояли в два ряда защитники Севастополя, взяв ружья в караул. Огромная толпа сопровождала прах героя. Никто не боялся ни вражеской картечи, ни артиллерийского обстрела. Да и не стреляли ни французы, ни англичане. Лазутчики безусловно доложили им, в чем дело. В те времена умели ценить отвагу и благородное рвение, хотя бы и со стороны противника.

Грянула военная музыка полный поход, грянули прощальные салюты пушек, корабли приспустили флаги до середины мачт.

И вдруг кто-то заметил: флаги ползут и на кораблях противников! А другой, выхватив подозрную трубу из рук замешкавшегося матроса, увидел: офицеры-англичане, сбившись в кучу на палубе, сняли фуражки, склонили головы...»

Начальник севастопольского гарнизона почтил память павшего адмирала приказом:

«Провидению угодно было испытать нас новой тяжелой потерей: адмирал Нахимов, пораженный неприятельской пулей на Корниловском бастионе, сего числа скончался. Не мы одни будем оплакивать потерю доблестного сослуживца, витязя без страха и упрека; вся Россия вместе с нами прольет слезы искреннего сожаления о кончине героя Синопского.

Моряки Черноморского флота! Он был свидетелем всех ваших доблестей; он умел ценить ваше несравненное самоотвержение; он разделял с вами все опасности; руководил вас на пути славы и победы. Преждевременная смерть доблестного адмирала возлагает на нас обязанность дорогой ценой воздать неприятелю за понесенную нами потерю. Каждый воин, стоящий на оборонительной линии Севастополя, жаждет — я несомненно уверен — исполнить этот священный долг; каждый матрос удесятрит усилие для славы русского оружия!»

Знаменитый историк Т.Н. Грановский, узнав о гибели Нахимова, говорил: «Был же уголок в русском царстве, где собрались такие люди. Лег и он. Что же! Такая смерть хороша; он умер в пору. Перед концом своего поприща вызвать общее сочувствие к себе и заключить его такой смертью... Чего же желать более, да и чего бы еще дождался Нахимов? Его недоставало возле могил Корнилова и Истомина. Тяжела потеря таких людей, но страшнее всего, чтобы вместе с ними не погибло в русском флоте предание о нравах и духе таких моряков, каких умел собрать вокруг себя Лазарев».

Когда Севастополь был захвачен союзниками, крышки гробов адмиралов Нахимова, Корнилова и Истомина были проломлены мародерами, которые похитили золотые эполеты с их мундиров.

ПОСЛЕ НАХИМОВА

«28 июня — печальный день — убит П.С. Нахимов. Число геройских защитников Севастополя редело, да и не было таких влиятельных, как покойный Нахимов, а между тем Горчаков настойчиво торопил подготовить отступление от Севастополя; и потому рвение защитников Севастополя слабело», — писал один из участников обороны Севастополя.

Вступивший на престол в феврале 1855 г. император Александр II не верил в возможность избежать поражения в Крымской войне. Главную свою задачу он видел в том, чтоб как можно быстрее выйти из нее с наименьшими потерями. Царь был также и противником защиты Севастополя до последней капли крови. Правда, успешное отражение штурма города 6 июня несколько поколебало эти взгляды. Однако постоянные бомбардировки Севастополя в июне и июле, которые вели к огромным и трудновосполнимым потерям гарнизона, вновь укрепили царя в прежнем мнении.

Тем не менее в начале своего царствования Александр II не мог совершить крутой поворот, резко изменить курс своего отца на продолжение войны до конца, до победы. Да и в общественном мнении России подобные настроения продолжали господствовать — в России не привыкли к поражениям. Поэтому император считал необходимым все-таки сделать попытку переломить положение в Крыму. Эта попытка станет либо успешной, либо можно будет сказать, что попытались сделать все возможное в человеческих силах — после этого оставление Севастополя будет уже вполне оправдано. Примерно такие мысли читались между строк писем Александра II к главнокомандующему М.Д. Горчакову в Крым.

Так созревала идея сражения, которую должна была дать полевая армия союзникам. Многие надеялись, что в результате его враг будет сброшен в море, а Севастополь — спасен. Однако главнокомандующий Горчаков совершенно не верил в успех такого сражения. Но противодействовать мнению императора он, разумеется, не смел и лишь затягивал начало столкновения. Решение о сражении было принято на военном совете в конце июля. Согласно плану боя предполагалось атаковать в районе Черной речки неприятеля, силы которого превосходили русских в полтора раза.

4 августа 1855 г. началось наступление русских войск. Однако, поскольку русскому командованию не удалось обеспечить скрытности подготовки к сражению, союзники были готовы к отражению нападения. Солдаты проявили беспримерный героизм, атакуя Федюхины высоты. Но управление войсками было на самом низком уровне. Атаки велись несогласованно, силы вводились в бой частями, резервы запаздывали. Сражение окончилось поражением русских. Потери составили свыше 8 тысяч человек (у союзников — около 2 тысяч).

Именно об этом сражении А.Н. Толстым была сложена сатирическая песня, строки из которой до сих пор остаются чрезвычайно актуальными:

Как четвертого числа
 Нас нелегкая несла
 Горы занимать...
 Собирались на советы
 Все большие эполеты...
 Чисто было на бумаге,
 Да забыли про овраги,
 Как по ним ходить...

На следующий день после поражения русских войск на Черной речке, 5 августа 1855 г., подошло время 5-й бомбардировки города. В этот день «при совершенно чистом небе солнца не было видно от дыма, пыли, земли, осколков...» За первые трое суток было выпущено 150 тысяч снарядов. 5-я бомбардировка продолжалась пять дней, но и после этого обстрел продолжался каждый день почти с той же интенсивностью. Ежедневные потери севастопольцев стали превышать 1 тысячу человек. Разрушения приняли особенно значительные масштабы. Почти все дома на Южной стороне города были разбиты.

Учитывая результаты бомбардировки и своих осадных работ, союзники на военном совете 22 августа решили назначить общий штурм города на 27 августа. За три дня до этого должна была начаться очередная, 6-я бомбардировка.

24 августа обычный обстрел Севастополя перерос в общую бомбардировку. 800 орудий били с самого близкого расстояния. Им отвечали 600 орудий осажденных, которые по-прежнему имели гораздо меньший боезапас. В течение трех дней по городу было выпущено свыше 130 тысяч снарядов. В отличие от предыдущих бомбардировок разрушения теперь были абсолютными. Было разбито около сотни русских орудий, с минуты на минуту всюду ждали взрывов пороховых погребов. Ежедневные потери доходили до 2—3 тысяч человек. Особенно пострадали Малахов курган и Второй бастион. Брустверы здесь во многих местах осыпались, завалив передние рвы, амбразуры обвалились. На Малаховом кургане целыми осталось всего 8 пушек, обращенных в сторону неприятеля. Почти вся прислуга была перебита.

К полудню 27 августа стрельба прекратилась. Ровно в 12 часов до 60 тысяч французов, англичан, турок, итальянцев

двинулись в наступление. Перед атакой солдаты союзников были сосредоточены в ближайших к бастионам траншеях. Под русским огнем им предстояло пробежать очень небольшое расстояние. Но защитники были готовы дать отпор. Услышав сигнал тревоги, на позиции стали подтягиваться русские резервы. Вместе с кадровыми частями в бой бросились все нестроевые чины — саперы, мастеровые, кашевары, писаря. Всюду завязались ожесточенные схватки.

Французам удалось вытеснить русских из Второго бастиона, но подошедшие Севский и Кременчугский полки выбили их оттуда. Через час французы вновь, несмотря на огромные потери, подошли ко Второму бастиону. У его рва закипел ожесточенный рукопашный бой. И вновь противник отошел.

Одновременно происходил штурм Малахова кургана. Атакующих здесь отделяло от русских позиций всего 25 м, которые были преодолены за минуту. Наступавшая здесь дивизия генерала М. Мак-Магона овладела передней частью укреплений.

Биография

**Мак-Магон Мари Эдм Морис Патрис
(13.06.1808—17.10.1893)**

Мак-Магон происходил из старинного ирландского рода, переселившегося во Францию. После окончания курса в иезуитском коллеже и в военной Сен-Сирской школе Мак-Магон поступил офицером в гусарский полк, в составе которого участвовал в экспедиции в Алжир.

В 1831 г. Мак-Магон состоял адъютантом генерала Ашера и во время войны в Бельгии отличился при осаде Антверпена, откуда вновь возвратился

в Алжир. Участвуя в ходе его завоевания в различных экспедициях против арабов, Мак-Магон постепенно дослужился до звания дивизионного генерала.

Восточная война 1853—1856 г. застала Мак-Магона в должности начальника 1-й пехотной дивизии, которая приняла участие во взятии Малахова кургана, за что сам Мак-Магон был удостоен звания сенатора.

Вернувшись в Африку в 1857 г., Мак-Магон принял участие в большом походе против кабиллов, после окончания которого был назначен начальником всех вооруженных сил Франции в Алжире. Незадолго до начала войны с Австрией Мак-Магон был назначен командующим войсками 2-го армейского корпуса. В сражении при Мадженте нанесением своевременного удара по правому флангу австрийских войск он спас императора Наполеона III от опасности плена и фактически явился автором этой победы, принесшей Мак-Магону звание маршала и герцога Маджентского. В завершающем сражении при Сольферино Мак-Магон также сыграл видную роль, командуя центром французских войск.

В 1864 г. он был назначен генерал-губернатором Алжира. Оставаясь на этом посту до 1870 г., Мак-Магон, исполняя приказы свыше, действовал в духе клерикализма и милитаризма. Он ничего не сделал для борьбы с голодом, сильно опустошившим Алжир, и это привело к опасному восстанию арабов. Но поскольку приближение войны с Пруссией заставило Наполеона III отозвать Мак-Магона из Алжира, вся ответственность за разразившееся восстание легла на его преемника.

В начале войны с Пруссией Мак-Магон был назначен командующим армейским корпусом, сосредоточенным в Эльзасе. Проиграв сражение под Вейсенбургом и Вертом и потеряв там половину своего корпуса, Мак-Магон 1 сентября отступил в Шалонский лагерь. Здесь он сдал остаток своего корпуса генералу Дюкро, а затем Вимпфену и принял в командование 120-тысячную Шалонскую армию.

Целью вновь сформированной армии была деблокада Меца и соединение с армией Базена для дальнейших совместных действий. Несмотря на то что Мак-Магон сознавал всю опасность сосредоточения главных сил у Седана, у него не хватило решимости отстоять свое мнение перед Наполеоном III.

31 августа у Седана Мак-Магон встретил передовые части противника, а на следующий день началось сражение, окончившееся пленением всей армии вместе с императором. В самом начале сражения Мак-Магон был ранен и взят в плен. Мак-Магон был отправлен в Германию, но уже в марте 1871 г. вернулся в Париж, где был поставлен во главе Версальской армии, подавившей Парижскую коммуну.

После провозглашения Третьей республики и реорганизации французской армии Мак-Магону было вверено командование войсками Парижа, Версаля и Лиона. Во время президентства А. Тьера роль Мак-Магона изменилась. Если до этого он был только солдатом, то теперь ему пришлось стать политиком, поскольку три монархические партии, ненавидевшие друг друга, начали искать преемника Тьеру.

24 мая 1873 г. Мак-Магон был избран президентом республики. Это вызвало реакцию против всех меро-

приятый Тьера и стеснение политических свобод. Под покровительством Мак-Магона стали вестись переговоры о восстановлении монархии, не удавшиеся лишь из-за раздоров самих монархистов. В ноябре 1873 г. полномочия президента были продлены на пять лет. Несмотря на враждебное отношение Мак-Магона к республиканской конституции, она была принята Национальным собранием. Все попытки президента создать в палате большинство из монархистов и особой группы «маг-магонистов» закончились неудачей — большинство палаты по-прежнему оставалось республиканским.

В январе 1879 г. Мак-Магон ушел в отставку и стал жить в своем замке близ Монтаржи, ведя жизнь частного человека и оставаясь лишь сенатором.

Дивизии Мак-Магона не удалось сразу закрепиться на Малаховом кургане. Русские бросились в контратаку. На кургане более часа шло ожесточенное сражение. К французам подходили все новые резервы, которые постепенно теснили русских к тыловой части укрепления. Вот как описывал позже действия защитников кургана сам Мак-Магон: «С секунды на секунду смерть уменьшает эту героическую группу; они падают один за другим и исчезают под пулями, которые бьют их в упор, — но ни один из них не оставляет своего места».

Спустя час на Малахов курган подошли свежие подкрепления французов и русских. Бой разгорелся с новой силой. Контратаку возглавил генерал Хрулев. Однако Малахов курган был оборудован как редут, т.е. имел укрепления со всех сторон, поэтому французы теперь успешно обороняли его. Единственный узкий проход, по которому русские могли

проникнуть на курган, был полностью завален трупами защитников и осаждавших. Генерал Хрулев был ранен и оставил поле боя. Его сменили генералы Юферов и Воейков, погибшие через несколько минут. Принявший командование генерал Лысенко вскоре также был тяжело ранен. Лишь после гибели почти всех защитников кургана французам удалось овладеть им. На кургане взвился французский флаг.

Но русские контратаки на курган не прекращались. Одновременно Тотлебен вел подкоп под курган, чтобы взорвать его, однако для завершения работ не хватило времени.

Попытка неприятеля прорваться с Малахова кургана в глубь Корабельной стороны была отбита.

Третий бастион («Большой Редан») штурмовали англичане. Им также вначале удалось прорваться на укрепления, но после контратаки также пришлось отступить. Ров перед бастионом был в несколько рядов заполнен трупами штурмующих. Вторая и последующие атаки англичан были вновь отбиты.

Французы и сардинцы атаквали и укрепления Городской стороны. В ряде мест им удалось захватить некоторые укрепления, но после кровавых схваток они были всюду выбиты и отступили.

На Малаховом кургане до конца сражалась отряд из 30 человек во главе с поручиком М.П. Юнием. В самом начале штурма они были окружены и засели в полуразрушенной башне Малахова кургана, начав оттуда обстрел врага. Их огонь наносил большой урон французам и Мак-Магон решил, что в башне находятся большие силы. Он не решился штурмовать ее и приказал обложить горючим материалом и поджечь. Однако затем отменил приказ, опасаясь взрыва пороховых погребов. Выстроив пленных впереди себя, французы двинулись в наступление на башню.

В ответ оттуда вновь раздались выстрелы. Противоборство продолжалось до вечера 27 августа. Только после того как у защитников башни кончились боеприпасы, а большинство их было ранено, они вышли из укрепления. «Французы, видя кучку всего человек около 30, не верили, чтобы такое ничтожное число людей могло держаться так долго против массы неприятеля, наводнившего Корниловский бастион; поэтому с угрозами требовали, чтобы выходили остальные. Но так как никто более не появлялся, то они бросились вовнутрь башни. Обезжав ее и убедаясь, что более никого там нет, они обратились к пленным храбрецам с выражениями удивления к их мужеству...»

Всего в ходе штурма 27 августа стороны потеряли по 10 тысяч убитых и раненых.

Союзное командование до конца не было уверено в прочности своего успеха на Малаховом кургане. Согласно легенде, Пелисье послал было к Мак-Магону приказ эвакуировать оттуда его солдат, но Мак-Магон сказал: «Я тут нахожусь — я тут останусь».

К вечеру 27 августа, несмотря на острую нехватку боеприпасов и большие разрушения, севастопольцы были готовы отбить у противника Малахов курган. Однако М.Д. Горчаков принял решение оставить Южную сторону, так как дальнейшее нахождение в ней севастопольского гарнизона означало колоссальные ежедневные потери. При том темпе огня, который вел противник последние дни и недели, он мог без всякого штурма и открытой атаки свести численность гарнизона к нулю в течение 15—20 суток.

Вечером 27 августа 1855 г. русские войска организованно перешли по мосту через бухту на Северную сторону Севастополя, где заняли подготовленные мощные укрепления.

Все укрепления Южной стороны и мосты после отхода войск были взорваны. 28—31 августа затопили последние остававшиеся в бухте корабли.

Вот как очевидец описывал Севастополь в те дни: «Горит необъятным пламенем многострадальный Севастополь. Зарево пожараща кроваво-красным светом отражается в тихой воде бухты и производит впечатление, как будто вода, земля и небо объаты общим огнем. Частые взрывы пороховых погребов на бастионах и батареях заставляют вздрагивать, как будто от ужаса, каменистую почву родного теперь всей России города, а оглушительный треск пороховых взрывов возвещает миру, что борьба не окончена, а возобновится вновь».

Союзники до конца войны так и не смогли использовать Севастопольский порт, поскольку он обстреливался русскими батареями Северной стороны Севастополя, а вход в него преграждали мачты затопленных кораблей. Войска союзников были обескровлены. Ни о каких дальнейших действиях, реализации далеко идущих планов захвата Крыма, Кавказа, юга России речь больше не шла. Пелисье тогда говорил, что «охотнее выйдет в отставку, чем втянется в маневренную войну». Общие потери союзников при осаде Севастополя составили 71 тысячу человек. Потери русских войск — около 102 тысяч человек.

Падение же Севастополя предопределило исход войны. И император Александр II начал с сентября 1855 г. переговоры о мире.

Лишь победоносные действия на Кавказе как-то уравновешивали общую картину. Назначенный в конце 1854 г. наместником и главнокомандующим на Кавказе генерал Н.Н. Муравьев это понимал, и решил положить свою лепту на общие веса.

Биография**Муравьев-Карский Николай Николаевич
(1794—1866)**

Николай Муравьев был в 17 лет выпущен по квартирмейстерской части прапорщиком ровно за год до Отечественной войны 1812 г. Молодой офицер с началом войны уходит из императорской свиты в армию Барклая де Толли. В ее рядах дерется с неприятелем под Бородино, Тарутином, Вязьмою, на Березине, а потом — и под Люценом, Бауценом, Дрезденом, Кульмом, Лейпцигом, Парижем...

До и после войны 1812 г. Николай Муравьев вместе со своим старшим братом Александром был организатором ряда преддекабристских кружков — «Юношеское братство», «Священная артель». Однако позже, поддерживая тесные дружеские связи со многими будущими декабристами, он в их организациях не состоял.

После Заграничных походов 1813—1814 гг. Н.Н. Муравьев служил на Кавказе, прежде под началом генерала главнокомандующего на Кавказе А.П. Ермолова, затем — И.Ф. Паскевича. В эти годы он побывал в Персии для исследования юго-восточного побережья Каспийского моря, затем в Хиве, Бухаре, куда ездил по приказу главнокомандующего для установления добрососедских отношений.

За боевые отличия Муравьев получил чин генерал-майора и Кавказскую резервную гренадерскую бригаду в период войны с Турцией 1828 — 1829 гг. Во главе этой бригады совершил во время этой войны поход на Карс и участвовал в его взятии. Наградой Муравьеву стал его первый орден Св. Георгия 4-й степени.

В кампании 1829 г. бригада Муравьева отличилась во время похода и взятия крепости Ахалцых, возведенной на левом берегу реки Поцхо, на высокой скале. Муравьев участвовал в переговорах с командованием гарнизона этой крепости, после которых крепость сдалась. За Ахалцых Муравьев стал кавалером ордена Св. Георгия уже 3-й степени.

Прошло много лет. В судьбе и карьере Муравьева были взлеты и падения: он, обидевшись на Николая I, уходил в отставку, затем — когда становился необходимым — его вновь призывали послужить державе. Так в 1832—1833 гг. он совершил поездку в Египет и Турцию. Значительную роль Муравьев сыграл в заключении Ункяр-Искелесийского договора между Россией и Османской империей.

Накануне Крымской войны Н.Н. Муравьев служил в Варшаве в должности командира гренадерского корпуса. В конце 1854 г. он получил назначение командующим русскими войсками в Финляндии. В конце ноября генерал от инфантерии Н.Н. Муравьев по пути к новому месту службы находился в Петербурге. Там он был вызван императором в Зимний дворец.

Николай в это время искал кандидата на должность кавказского наместника, поскольку престарелый князь М.С. Воронцов уже давно просился в отставку. Однако любой из известных генералов или аристократов, которые обычно ставились на должность «проконсула» Кавказа, согласились бы на этот пост лишь при условии увеличения численности кавказской армии. Все понимали, что для решающих успехов на Кавказском театре военных действий у Отдельного кавказского корпуса сил было

явно недостаточно. Незнатный Муравьев, хотя дважды робко попросил у царя подкреплений, однако согласился ехать на Кавказ, получив категорический отказ в них. Для Муравьева новое назначение было чрезвычайно лестно.

В конце 1854 г. Муравьев получил чин генерал-адъютанта и был назначен наместником Кавказа и командиром отдельного Кавказского корпуса. На этой должности он пребывал до 1856 г., когда вышел в отставку. До конца жизни он оставался членом Государственного совета.

Став наместником Кавказа, Н.Н. Муравьев был настроен на решительные действия. Он прекрасно понимал, что главной целью русских войск в Закавказье в 1855 г. должен стать Карс — завладев которым, можно уже думать и о дальнейших успехах, вплоть до похода на Стамбул!

Карс возводился с помощью лучших английских инженеров. Всю зиму 1854—1855 гг. турки при помощи англичан спешно продолжали совершенствовать оборонительную систему крепости. Крепость считалась неприступной — в том числе и потому, что Соганлугские горы, разделяющие Карс и Эрзерум, здесь образовывали весьма круто смотрящую в небо гору Карадаг, на вершине которой был возведен сильный редут, который и соединили весьма защищенным лагерем с крепостью. Каменный вал окружал предместье, сам же город защищали высокие стены с воротами и башнями. Со стороны Эрзерума близ города протекала река Карс. На хребте горы — цитадель, ошетилившаяся орудиями и спускающаяся к кромке города отнюдь не одним ярусом стен.

С тех пор как Муравьев был под стенами крепости в последний раз, она значительно усилилась. Англичане постоянно инспектировали артиллерию и стрелковые войска турок. Среди командиров в Карсе было много поляков и венгров, а венгры Кмети и Кольман являлись генералами турецкой армии.

Опираясь на Карс и Эрзерум, турецкое командование, подталкиваемое союзниками, намеревалась в кампанию 1855 г. переломить ход боевых действий на Кавказе и попытаться вытеснить русских из Грузии. Несмотря на победы Кавказского корпуса в 1854 г., положение русских войск вызывало тревогу. Особенно сложной являлась проблема снабжения их всем необходимым. После появления союзного флота в Черном море русский флот уже не мог выполнять функции этого снабжения. Мелкие русские крепости по восточному черноморскому побережью были в большинстве своем эвакуированы из-за ударов союзников с моря. Военно-Грузинская дорога была еще очень несовершенна и, кроме того, находилась под постоянными ударами горцев. Путь через Дагестан и Баку также подвергался нападениям горцев и являлся тяжелым и длинным.

Тем не менее, прибыв в Тифлис в марте 1855 г., Н.Н. Муравьев в начале июня начал поход на Карс. В его распоряжении было около 21,5 тыс. пехотинцев, 3 тыс. кавалеристов и небольшие отряды грузинских и армянских ополченцев. Противник имел решительное превосходство в живой силе. О штурме думать пока не приходилось — не было даже надлежащей артиллерии. Муравьев предпринял осаду. Он блокировал крепость со всех сторон так прочно, что вскоре ее защитники уже весьма ощутимо почувствовали тяжелую руку русского наместника. Карс был полностью обложен к концу июля.

Окружность, подлежащая блокаде, составляла 50 верст. Условия горной местности делали невозможной абсолютную блокаду, и иногда в крепость прорывались отряды с продовольствием. Однако сколько-нибудь существенного общения осажденных с внешним миром русские не допускали. Все отряды, выходявшие из Карса для добычи продовольствия, успешно громились. В крепости начался голод, который усугубила неожиданно ранняя и холодная для этой местности осень: 28 августа в горах выпал снег. Зная о бедственном положении гарнизона, турецкое командование отправило ему на помощь большой отряд из Эрзерума, однако он был разгромлен 31 августа высланным Муравьевым войском.

Голод в Карсе усиливался, что вело к падению дисциплины в гарнизоне. Однако командование крепости во главе с Вассиф-пашой и английским полковником У-Ф. Вильямсом принимало решительные меры против попыток дезертирства: расстрелы следовали за расстрелами. Надежда не покидала защитников Карса: турецкий главнокомандующий генералиссимус Омер-паша во главе 30 тысяч десанта, прибывшего в Батум, собирался идти на выручку своим подчиненным. 12-тысячный корпус Вели-паши, недавно разбитый русскими, был усилен в Эрзеруме новобранцами и грозил появиться в тылу у гяуров. И наконец до осажденных 11 сентября 1855 г. дошло радостное известие: пал Севастополь.

Об этом узнал и Муравьев — и 17 сентября четыре колонны русских войск пошли на приступ. Были взяты передовые укрепления, но для штурма главного укрепления Карса — Вели-Табии не хватило свежих резервов. Муравьев приказал отступить.

Неудача приступа не сказалась на боевом духе осаждавших. Современник так описывал посещение Муравьевым полевого госпиталя, где находились раненые при штурме:

«Ни стопа, ни вопля не было ниоткуда слышно; на приветствия же главнокомандующего в каждой палате страдальцы отзывались бодро и с жаром выражали надежды свои на скорое выздоровление, дабы снова идти на приступ Карса и отомстить туркам за павших товарищей и случившуюся неудачу. При посещении полков в их лагерях выбегали из палаток, среди здоровых, с подвязанными руками легко раненные офицеры и нижние чины, которые не хотели отставать от своих частей и поступать в госпитали. “Турку, — говорили солдаты, — нельзя с одного раза разбить”».

Вновь началась осада. Муравьев решил больше не повторять штурма, а усилить блокаду, стягивая кольцо вокруг крепости все туже и туже. По инициативе молодого графа М.Т. Лорис-Меликова, в будущем — известнейшего военного и государственного деятеля России, был создан отряд из грузин, армян, азербайджанцев, курдов, который громил обозы с продовольствием, пыгтавшиеся пробраться в Карс. Помощь осажденным не подходила, запасы продовольствия кончились, и нормой становилось массовое дезертирство турок. Гарнизон терял до 150 человек в сутки — помимо убежавших.

12 ноября по предложению Вильямса начались переговоры о сдаче крепости. На следующий день сам Вильямс встретился с Муравьевым. 16 ноября 1855 г. Карс был сдан. Как писал в своих записках полковник А.М. Дондуков-Корсаков, «корпус Кавказский платил союзной армии Карсом за взятие Севастополя».

Над цитаделью взвился русский флаг. Была пленена еще недавно грозная 30-тысячная Анатолийская армия. Вернее то, что от нее осталось. Были взяты 130 орудий, знамена, богатейшие военные склады. Согласно условиям сдачи, все «иностранные выходцы», т.е. служившие в турецкой армии венгры, поляки и прочие, были отпущены. Именно они

первыми сообщили в Эрзерум о падении Карса. Известие тотчас же было передано в Стамбул, а оттуда по телеграфу — в европейские столицы. Поэтому в Петербурге из западных газет узнали о взятии Карса русскими войсками раньше, чем получили донесение от Муравьева.

Попытки турок в конце 1855 г. отбить Карс потерпели поражение. Действия армии Муравьева заставили войска Омер-паши, действовавшие в Абхазии, Аджарии, Мингрелии, спешно отплыть в Трабзон (Трапезунд). Однако оттуда им не удалось даже продвинуться к Эрзеруму из-за сложности перехода, не говоря уже о намерении подойти к району Карса.

Наградой Муравьеву за Карскую операцию стал Георгий 2-й степени и почетное добавление к фамилии «Карский». Покорению кавказской твердыни посвятил свои стихи «На взятие Карса» поэт И.С. Никитин, а композитор М.П. Мусоргский сочинил марш «Взятие Карса»...

Мирные переговоры, начавшиеся вскоре после падения Карса, остановили подготовку смелого похода, планируемого Н.Н. Муравьевым-Карским, — через Анатолию на Стамбул. Как знать — удайся он, и многое было бы по-другому. Но история — как и жизнь — не любит сослагательного наклонения: похода не получилось, война закончилась для России безрадостно...

ГОРЦЫ И ВОСТОЧНАЯ ВОЙНА

Взятие Карса русскими войсками вызвало переполох в стане союзников. В английском парламенте по этому поводу произошли бурные дискуссии. Оппозиция (партия консерваторов—тори) утверждала, что сдача Карса, «угрожающая безопасности азиатских провинций Турции, была

в значительной степени обусловлена недостатком дальновидности и энергии у правительства Ее Величества». Тори говорили, что «подлинное значение падения Карса выражается в скорбном итоге: русская звезда на Востоке затмила английскую». Правительство либерала (вига) Г. Пальмерстона оправдывалось: оно доказывало, что сделало все возможное для спасения Карса, а его падение стало следствием коррупции турецких военных и чиновников и позиции Франции, не придававшей никакого значения Кавказу...

Падение Карса оказало огромное влияние на народы Кавказа. Необходимо отметить, что, начиная войну с Россией, союзники, особенно англичане и, разумеется, турки, рассчитывали на мощную поддержку со стороны «пятой колонны» (если использовать терминологию XX столетия) внутри российских владений. Речь идет о некоторых народах Северного Кавказа.

1816 или 1817 годом современные российские учебники датируют начало Кавказской войны. На деле эта война началась еще в 60-е гг. XVIII в. (точнее — с 1763 г., когда по указу Екатерины на землях Кабарды была основана крепость Кизляр). Именно тогда началось сопротивление горцев политике закрепления России на Северном Кавказе, начались их столкновения (что не исключало периодические союзнические отношения) с русскими войсками.

К 1825 г., благодаря, прежде всего, политике русского наместника на Кавказе А.П. Ермолова, удалось прочно утвердить российскую власть в Кабарде и других районах, расположенных в центре северокавказского региона. Это было особенно важно из-за того, что в течение многих веков именно Кабарда и ее правители считались наиболее авторитетной силой на Северном Кавказе.

Однако вскоре на первый план выдвинулись два очага сопротивления установлению российской власти. На востоке

Северного Кавказа им стал знаменитый имамат, во главе которого встал аварец Шамиль, который с 1834 г. возглавил борьбу Дагестана и Чечни против России. На западе региона таким центром стала Черкессия (этим термином западные политики обозначали весь Северный Кавказ). В Черкессии не сложилось прочного объединения, подобного шамилевскому имамату, однако сопротивление русским войскам здесь оказывали не менее серьезное.

Расцвет имамата Шамиля пришелся на середину 40-х гг. XIX в., когда были одержаны впечатляющие победы над гяурами (немусульманами, т.е. русскими). Но к началу Крымской войны имамат вступил в полосу своего кризиса. Недовольные авторитарной политикой Шамиля, его насилиями над населением, налогами и поборами, растущим социальным неравенством, а также стремясь к мирной жизни, многие горские общества все больше склонялись к примирению с русскими властями. Тем более что те предоставляли лояльным горцам немалые поблажки. Подобные же процессы происходили на Северо-Западном Кавказе.

Английские и турецкие власти в течение нескольких десятилетий вели интенсивную антироссийскую пропаганду среди горцев, поддерживали их материально. Правда, горцы довольно скептически воспринимали эту пропаганду, а помощь оружием, снаряжением, порохом, всем прочим оказалась малоэффективной благодаря действиям русского Черноморского флота.

Тем не менее коалиционные силы считали горцев своими союзниками, планируя координировать с ними боевые действия против русских войск, особенно на Кавказе. И действительно, с началом Крымской войны Шамиль и горцы Черкессии активизировали свои действия. Шамиль совершал набеги на Грузию, участвовали нападения на всех участках

противостояния между горцами и русскими войсками. Правда, эти набеги, как правило, успешно отражались.

Шамиль посылал своих послов к командованию союзных войск. В 1855 г. отряды горцев поддерживали действия союзного флота против русских укрепленных пунктов на восточном берегу Черного моря в районе Таманского полуострова.

Однако существенной роли помощь горцев союзникам не сыграла. Мало того. Русские военные с некоторым даже недоумением заметили недоверчивость и даже враждебность между горцами, с одной стороны, и союзниками, включая турок, — с другой. Так, в мае 1855 г., после оставления русскими войсками Анапы, союзники направили туда «князя черкесов» Сефер-бея — знатного представителя горских народов, бежавшего некогда в Турцию и ставшего там офицером. Сефер-бей создал отряд из горцев, который занял развалины Анапы, оставшиеся после ухода отсюда русского гарнизона. Однако позже, когда из Турции Сефер-бею поступил приказ впустить в Анапу англичан, он отказался это сделать. Точно так же действовали другие руководители горских отрядов. Все попытки организовать согласованные действия сил внешних и внутренних врагов России на Кавказе, как правило, не удавались. Так, во время нахождения войск Муравьева под Карсом Шамиль практически не предпринимал никаких активных действий, чем, разумеется, способствовал падению Карса.

Конечно, свою роль сыграло то, что силы горцев к тому времени были уже надломлены русской армией в ходе многолетней ожесточенной Кавказской войны.

Но главное заключалось в ином. Шамиль и другие вожди горских повстанцев своим практическим умом очень скоро поняли, что реальной помощи, помимо широковещательных деклараций, от союзников они по-прежнему не получают.

Кроме того, активная проповедь вражды к иноверцам, на основе которой сплачивались кавказские племена в борьбе с Россией, вызывала у них ненависть ко всем гяурам, в том числе жителям европейских стран, желавшим «освободить» Кавказ от гнета русского царя.

Горцы также наблюдали полную зависимость турок от англо-французов, наглядно увидели то презрение, с которым относились «просвещенные» европейцы к «диким» турецким воинам. Это оказалось для свободолюбивых народов Кавказа наглядным примером того, что станет с ними, если они начнут, подобно туркам, помогать англичанам и французам в их борьбе с Россией. На этом фоне более уважительное отношение русских властей к горцам иногда оказывалось для них гораздо приемлемее, чем высокомерное «покровительство» западноевропейцев.

Вот как писал об этом Н.Н. Муравьев: «При большей опытности и лучшем знании народов, с коими союзники вступили в сношения, они должны были бы рассудить, что горцам, воюющим с нами за независимость, равно противно было всякое иго и что введение порядков, которых они могли ожидать от наших врагов, столько же было бы для них тягостно, как и наше владычество... Шамиль, руководствуясь, быть может, подобными же мыслями, имел к соперникам нового рода едва ли еще не большее отвращение, ибо он мог ожидать, что мнимые благотворители-союзники, хотя б то были единоверные ему турки, потребуют от него покорности».

Взятие русскими войсками Карса, как небезосновательно говорили английские парламентарии-оппозиционеры, действительно оказалось для народов Кавказа знаковым событием. Россия продемонстрировала свое неоспоримое могущество, которое больше всего ценят эти народы.

ПАРИЖСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР

К моменту падения Севастополя новый император, сын Николая I, царствовал уже в России более полугода. Император Николай I скончался 18 февраля 1855 г. после нескольких дней болезни, обычной простуды, как правило, проходившей незаметно для него, человека, обладавшего до конца жизни железным здоровьем. Говорили, что он просто не хотел жить. Ибо в проигрываемой войне рушилось все, чему он верил, чему поклонялся, что строил. Рушилась Система государства, которому, казалось, не будет износа. И уж тем более Николай, всегдашний победитель, не мог сесть за стол переговоров проигравшим. А садиться было надо.

И поэтому, уже простуженный, он в самый мороз в открытых санях в летней шинели ездил несколько дней на встречи с маршевыми батальонами. А потом лег на простую солдатскую койку в дальней холодной комнате Зимнего дворца, укрылся походной шинелью и, позвав старшего внука, сказал ему: «Учись умирать!» Незадолго до того повелев считать участником Севастопольской обороны месяц за год. Он ушел, ни с чем не смирившись и ничего не желая поменять из того, что всю жизнь считал правильным. Ушел, сделав, что было ныне в его ограниченных силах, тем, кто ныне сражался за Россию и за него. Предоставив сыну мириться с Европой.

Выяснять возможности заключения мира начал в конце 1855 г. русский посол в Австрии князь А.М. Горчаков, будущий канцлер России. Через доверенных лиц-коммерсантов он вступил в переписку с приближенными императора французов Наполеона III, который также склонялся к началу мирных переговоров. Вскоре российский канцлер К.В. Нессельроде вступил в переписку по тому же вопросу с министром иностранных дел Франции Ф.-А. Валевским,

незаконнорожденным сыном Наполеона I и двоюродным братом императора Наполеона III. Об этих сношениях стало известно австрийскому правительству, которое решило воспользоваться этим для нажима на Россию.

В декабре 1855 г. австрийский посол в России вручил Нессельроде ультиматум. Австрия требовала от России предварительного согласия на пять условий мира. В случае отказа России Австрийская империя «принуждена» будет объявить ей войну. Пять условий включали требования нейтрализации Черного моря, отказ России от исключительного покровительства над Молдавией и Валахией, свобода плавания по Дунаю, согласие России на коллективное покровительство всех великих держав над христианами Турции и, наконец, возможность держав во время будущих мирных переговоров с Россией возбуждать новые вопросы и предъявлять новые претензии «в интересах прочности мира». Последний из пяти пунктов был самый неопределенный и потому самый опасный для России. Австрийский посол поставил и срок принятия ультиматума — 18 января 1855 г.

На совещание Александра II с высшими сановниками империи (М.С. Воронцов, П.Д. Киселев, Д.Н. Блудов, В.А. Долгоруков, К.В. Нессельроде, П.К. Мейендорф, великий князь Константин Николаевич) был выработан ответ австрийцам: Россия принимает четыре первых пункта, но пятый отвергает, а также отвергает всякое урезывание своей территории. Лишь один граф Д.Н. Блудов выступал за продолжение войны. Остальные, включая императора, считали необходимым заключение мирного договора.

В феврале 1856 г. в Париж съехались уполномоченные семи держав для ведения переговоров. Россию представляли А.Ф. Орлов и Ф.И. Бруннов, Францию — А. Валуевский (председатель конгресса) и Ф. Буркене, Великобританию — Г. Кла-

редон и Г. Каули, Сардинию — К. Кавур и С. Вилламарина, Турцию — Али-паша и Джемиль-бей, Австрию — К. Буоль и И. Гюбнер, Пруссию — О. Мантейфель и М. Гарцфельдт.

Глава русской делегации граф Алексей Федорович Орлов был сторонником сближения с Францией против Австрии и Англии. Поэтому он стремился играть на противоречиях союзников антирусской коалиции. Очень скоро представителям России стало ясно, что Франция не намерена продолжать войну с Россией, а Англия одна также не сможет этого сделать несмотря на свое желание. Наполеон III не был расположен поддерживать и планы английского правительства по вытеснению России с Кавказа. Поэтому Валуевский на конгрессе был склонен поддерживать Россию, однако одновременно не желая слишком обострять отношения с Англией. Опираясь на Францию, Орлову удалось также отбить попытки Австрии завладеть Дунайскими княжествами. По решению конгресса австрийские войска должны были покинуть территорию этих княжеств.

Первое заседание конгресса состоялось 25 февраля 1856 г. Сразу было объявлено о прекращении военных действий и перемирии сроком на 4 недели. Правда, это перемирие распространялось только на сухопутные армии, союзный флот продолжал блокаду русского побережья. Переговоры продолжались более месяца.

Мирный договор был подписан 18 (30) марта 1856 г. Сто один пушечный выстрел в столице Франции возвестил об этом долгожданном событии.

По условиям договора Россия лишилась южной Бессарабии с устьем Дуная, но ей возвращались Севастополь, Евпатория, Керчь и другие пункты на побережье Черного моря в обмен на Карс, возвращаемый Турции. На Балтике Россия возвращала себе все Аландские острова.

Важнейшим результатом войны стало фактическое признание в Парижском договоре прав России на Северный Кавказ. А ведь совсем недавно Англия собиралась создать здесь государство Черкессию и обещала поддержку северокавказским горцам. Именно после этого договора Россия наконец смогла победоносно закончить многолетнюю Кавказскую войну. В 1859 г. в плен попал имам Шамиль, а в 1864 г. подавили последние очаги сопротивления на северо-западе Кавказа.

Таким образом, территориальные потери России были минимальны, а в некоторых аспектах условия договора оказались даже выгодными для России. Союзники опасались предъявлять заведомо неприемлемые для России требования. Слишком свежи были воспоминания об ужасе осады Севастополя. Известный историк Е.В. Тарле писал по этому поводу: «За зеленым столом, где заседали дипломаты на Парижском конгрессе, рядом с графом Орловым сидели невидимые тени защитников Севастополя и помогали русскому представителю отстаивать интересы Родины».

Самым тяжелым для России было условие о нейтрализации Черного моря. Это море объявлялось нейтральным: и России, и Турции запрещалось иметь здесь военный флот, строить крепости и арсеналы. Для Турции это условие было не страшно — она могла легко перебросить сюда свой Средиземноморский флот. Для России нейтрализация делала в случае войны все черноморское побережье и весь юг страны беззащитным. Кроме этого Россия была лишена права защиты интересов православных подданных Турции, покровительства Сербии и Дунайским княжествам. Теперь это покровительство стало прерогативой всех держав, подписавших Парижский мир.

Восточный вопрос отныне решался лишь Англией и Францией. У вчерашних союзников более не было мощного

соперника на Балканах, Ближнем Востоке, во всей сфере влияния осман. Соперниками были лишь они по отношению друг к другу.

В Англии имелись влиятельные силы, которые планировали продолжить войну, вытеснить русских из Закавказья и Северного Кавказа, «освободить» Черкессию, установить британскую гегемонию в этом регионе. Однако французы совсем не горели желанием проливать свою кровь в интересах «владычицы морей». Наполеон III был полностью удовлетворен «реваншем» за 1812 г. и укреплением в результате этого своей власти во Франции.

Действовать в одиночку Англия не имела возможности, тем более что в ходе войны английские войска наглядно продемонстрировали свою малую боеспособность. Кроме того, после взятия Карса надежды на успехи противников России на Кавказе казались не слишком велики.

Противоречиями между союзниками и объяснялись сравнительно легкие мирные условия для России. Французский посол в Вене барон де Буркнэ так высказался о Парижском мирном договоре: «Никак нельзя сообразить, ознакомившись с этим документом, кто же тут победитель, а кто побежденный».

Частично этим же противоречиями противников России, может быть, и объяснимо то, что меньше чем через 15 лет Александр II в одностороннем порядке отменил основной пункт договора. Просто известив циркуляром министерства иностранных дел всех некогда подписавших его, что с этого дня Россия не считает себя связанной этим договором, ограничивающим ее суверенные права на Черном море. Началось возрождение Черноморского флота и его базы — Севастополя. Правда, это был циркуляр новой России, посланный странам новой Европы, которые вновь начинали понимать,

что Россия — это не та страна, которая будет робко ждать в передней, пока господа станут решать ее судьбу. Нет, ее место — на главной стороне центрального стола решений.

НАВЕКИ В ПАМЯТИ

Среди многочисленных военных конфликтов, которые сопровождали всю историю России, Крымскую войну можно поставить в один ряд с Ливонской, Смоленской, Русско-японской войнами. Все эти войны окончились для России неудачно. Хотя во всех случаях территориальные и иные материальные потери были очень незначительны, эти поражения очень болезненно сказывались на настроениях внутри нашей страны.

Россия не привыкла проигрывать войны. Характерный диалог по этому поводу произошел на Парижском мирном конгрессе 1856 г. между главой русской делегации А.Ф. Орловым и министром иностранных дел Австрийской империи К. Буолем. На слова австрийца: «Вы забываете, что Россия побеждена!», Орлов ответил: «России немудрено это забыть, потому что она не привыкла быть побежденной. Другое дело вы, так как вас всегда били, с кем только вы ни воевали».

Тяжелый удар, нанесенный поражением национальному сознанию, вызывал в российском обществе к Крымской войне особое отношение. Память о героических страницах этой войны, о ее героях, и прежде всего об адмирале П.С. Нахимове, обладала особой притягательностью, особым смыслом. Ведь известно, что дух народа ярче всего проявляется именно во времена его поражений.

До революции 1917 г. в России выходило множество научных, научно-популярных, художественных книг, статей о Крымской войне и ее героях, широчайшим распростране-

нием пользовались изображения (картины, открытки), связанные с войной. В начале XX в. широко отмечалось 50-летие войны, чествовались ее остававшиеся в живых участники. Места боев были украшены замечательными памятниками. Севастополь навсегда получил в сознании жителей нашей страны определение «город русской славы».

По инициативе моряков, ветеранов войны, членов их семей были проведены огромные работы по увековечиванию памяти героев и наиболее значительных событий войны. В Севастополе эти работы были завершены к 1905 г. — 50-летию обороны. На высоком холме Северной стороны в центре Братского (Стотысячного) кладбища погибших защитников города была построена часовня Николая Морского. На ее стенах, выложенных из крымского диорита, помещены плиты из черного гранита и мрамора, на которых указаны названия воинских частей, защищавших Севастополь, и фамилии 943 офицеров, генералов и адмиралов, погибших при обороне. Часовню-пирамиду венчал 7-метровый диоритовый крест. Недалеко появилась мраморная колонна с бюстом генерал-лейтенанта С.А. Хрулева. Вдоль главной аллеи кладбища расположены надгробья и памятники офицерам, склепы Э.И. Тотлебена и М.Д. Горчакова.

На месте ранения В.А. Корнилова из пушечных чугунных ядер был выложен крест, а также установлен памятник. Установлен был и памятник на месте гибели В.И. Истомина. Первый, Второй и Третий бастионы, а также ходы между ними были означены оригинальными памятниками из чугуна, диорита и крымбальского камня. Один из самых запоминающихся памятников Севастополя — памятник Э.И. Тотлебену работы скульптора И.Н. Шредера. Пьедестал памятника изображает часть бастиона с минной галереей, в которой видна фигура работающего солдата-минера.

Вокруг пьедестала помещены фигуры солдат разных родов войск, возводящих оборонительные сооружения.

Недалеко от памятника Тотлебену расположено знаменитое здание Панорамы обороны Севастополя (архитектор В.А. Фельдман, инженер О.Н. Энберг). Здесь экспонируется великолепное произведение художника Ф.А. Рубо, воспроизводящее один из самых драматических и ярких эпизодов обороны — отражение штурма Севастополя 18 июня 1855 г. Во многих школьных учебниках по отечественной истории XIX в. можно увидеть фрагмент этой диорамы, изображающей адмирала П.С. Нахимова.

Оригинальный памятник затопленным кораблям стал символом Севастополя. Это колонна, увенчанная бронзовым орлом, установленная на скале, выходящей из моря.

Особое место среди героев Крымской войны и особое место в памяти о ней принадлежит адмиралу П.С. Нахимову. В начале XX в. на центральной площади Севастополя у Графской пристани ему был воздвигнут памятник по проекту скульптора И.Н. Шредера. Нахимов был изображен с подозрной трубой в руках, на поясе адмирала висел турецкий ятаган, а под ногами лежало знамя с полумесяцем — трофеи Синопской победы.

В 20-х — начале 30-х гг. XX в. события Крымской войны, как и других героических страниц российской истории, предавались поруганию и забвению. Так, памятник Шредера П.С. Нахимову в Севастополе, как оскорбляющий достоинство Турецкой республики, был снят, скульптура передана в Севастопольский музей обороны, где и пропала в годы Великой Отечественной войны. На оставшемся постаменте был установлен памятник основателю Советского государства В.И. Ленину, разрушенный фашистами в 1942 г.

Начавшийся в 1930-е гг. пересмотр политики по отношению к патриотическим традициям русской дореволюцион-

ной истории сказался и на отношении к событиям и героям Крымской войны. В обстановке нарастающей угрозы, а затем и начала войны с гитлеровской Германией вновь вспомнили о делах давно минувших дней, о подвигах середины XIX в. Особый смысл событиям Крымской войны придавала вторая оборона Севастополя.

В ночь на 22 июня 1941 г. в городе взорвалась первая сброшенная с самолета немецкая бомба. 29 октября начались первые оборонительные бои. С 30 октября 1941 г. по 4 июля 1942 г., в течение 250 дней, продолжались беспримерные бои вокруг города русской славы. На смерть стояли солдаты, моряки, жители города. «Подвиги севастопольцев, их беззаветное мужество, самоотверженность, ярость в борьбе с врагом будут жить в веках, их увенчает бессмертная слава», — эти слова, появившиеся в газете «Правда» 4 июля 1942 г., высечены на стене в честь обороны Севастополя, возведенной позже на площади Нахимова.

Естественно, что защитники города, как и все граждане Советского Союза, вспоминали в те дни события первой обороны Севастополя, ее героев, сравнивали их и свои дела. Тогда вновь зазвучали имена как руководителей обороны Севастополя в 1854—1855 гг. — адмиралов П.С. Нахимова, В.А. Корнилова, В.И. Истомина, так и рядовых героев той обороны.

Нахимов занимал в этом ряду особое место. В 1944 г. были учреждены орден и медаль Нахимова. Орден Нахимова 1-й и 2-й степеней соответствовал полководческому ордену Кутузова. Орденом Нахимова награждались офицеры Военно-Морского Флота за выдающиеся успехи в разработке, проведении и обеспечении морских операций, в результате которых была отражена наступательная операция противника или обеспечены активные операции флота, нанесен противнику значительный урон и сохранены свои основные

силы. Орден Нахимова считается ныне одним из самых редких советских орденов. Он сохранен и в наградной системе современной Российской Федерации.

Медалью Нахимова награждались матросы и солдаты, старшины и сержанты, мичманы и прапорщики флота и морских частей пограничных войск.

Награждение медалью Нахимова производилось за умелые, инициативные и смелые действия, способствовавшие успешному выполнению боевых задач кораблей и частей на морских театрах, за мужество, проявленное при защите государственной морской границы страны, за самоотверженность, проявленную при исполнении воинского долга, или другие заслуги во время прохождения действительной военной службы в условиях, сопряженных с риском для жизни. Всего эту медаль получили более 13 тыс. человек.

В том же 1944 г. было создано Нахимовское училище для подростков, готовящихся стать моряками. Сейчас оно находится в Санкт-Петербурге, в городе, где когда-то в Морском кадетском корпусе получил свое первое морское образование и сам Нахимов.

Вскоре после войны (в 1946 г.) появился замечательный фильм «Адмирал Нахимов» выдающегося советского режиссера Всеволода Пудовкина. Работа над ним началась еще в 1943 г. и была завершена после появления известного постановления ЦК КПСС «О кинофильме “Большая жизнь”», где и фильм Пудовкина также подвергли критике. Как отмечают современные историки советского кинематографа, это был один из тех случаев, когда такого рода критика пошла на пользу и значительно улучшила фильм. В нем были убраны второстепенные сцены балов и любовных историй, а на первый план выдвинута тема Нахимова-флотоводца. Роль главного героя сыграл выдающийся советский актер Алек-

сей Дикий (за эту работу он получил Сталинскую премию). Одна из наиболее потрясающих сцен фильма — момент затопления кораблей у входа в Севастопольскую бухту: все моряки выражают недовольство, Нахимов убеждает их в необходимости выполнить приказ, но за этим идут кадры, где зритель как бы украдкой видит слезы Нахимова, смотрящего на уходящие под воду корабли.

Последней славной боевой страницей истории Севастополя стали бои за его освобождение в мае 1944 г. 5 мая гвардейцы 2-й армии генерала Г.Ф. Захарова начали штурм города и 9 мая вышли к Севастопольской бухте. Решающее значение имели сражения в районе Сапун-горы, где 7 мая водрузили красное знамя. Бои завершились 12 мая разгромом немецко-фашистских захватчиков на Херсонесском мысе.

После войны, когда восстанавливали полностью разрушенный Севастополь, в нем вновь появились памятники, посвященные событиям Крымской войны. Все разрушенные в довоенное и военное время памятники были восстановлены. В 1952 г. на месте, где стоял первый памятник адмиралу Нахимову, был поставлен новый по проекту скульптора Н.В. Томского и архитектора А.В. Арефьева.

Одновременно создавались памятники обороны Севастополя 1941—1942 гг. и его взятия 1944 г. Их центром стал мемориал Сапун-горы. Здесь в парке установлен обелиск Славы с вечным огнем и здание диорамы штурма Сапун-горы, где размещена работа художника П.Т. Мальцева. Обелиск Победы появился еще в 1944 г. на Херсонесском мысу. Многочисленные захоронения участников обороны и штурма Севастополя сосредоточены на городских некрополях.

Можно сказать, что сам город Севастополь стал памятником двух его оборон — 1854—1855 и 1941—1942 гг.

Память о Крымской войне до наших дней является важной составляющей частью исторического сознания россиян. Не случайно в Федеральном законе «О днях воинской славы (победных днях) России», принятом в 10 февраля 1995 г., значится и дата, связанная с событиями той войны. 1 декабря отмечается день победы русской эскадры под командованием П.С. Нахимова над турецкой эскадрой у мыса Синоп. В законе говорится, что днями воинской славы России являются дни великих побед, которые сыграли решающую роль в истории страны и в которых российские войска снискали себе почет и уважение современников и благородную память потомков. Блестящая победа в Синопском сражении стоит в одном ряду с самыми замечательными успехами русского оружия.

В постсоветское время появились и новые памятники П.С. Нахимову. 5 июля 1992 г. был открыт бюст на родине адмирала в Вязьме. 5 июля 2012 г. открыли памятник Нахимову на улице Нахимова, в сквере «Малые Гаванцы», возле гостиницы «Прибалтийская» в Санкт-Петербурге. В 2013 г. в городе Ейске Краснодарского края установили бюст адмирала.

Разумеется, имя Нахимова в разное время носили различные военные корабли и гражданские суда как в дореволюционной России, так и в СССР. Ныне атомный подводный крейсер «Адмирал Нахимов» находится на модернизации.

Улицы Нахимова есть в Петербурге, Мурманске, Калининграде, Томске, Смоленске, Феодосии, Кемерове, Минске, многих других городах и поселках России и стран СНГ. В Москве имеется проспект Нахимова, в Севастополе — проспект и площадь. Село Городок, где в 1800 г. родился будущий адмирал, в 1952 г. было переименовано в Нахимовское.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ИСТОКИ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ	10
МЕСТО ДЕЙСТВИЯ	34
СТАНОВЛЕНИЕ ГЕРОЯ.....	45
НА ЧЕРНОМ МОРЕ	60
НАКАНУНЕ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ.....	74
СПОР О «СВЯТЫХ МЕСТАХ».....	82
СИЛЫ СТОРОН	87
НАЧАЛО БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ НА ЧЕРНОМ МОРЕ	91
НАХИМОВ В СИНОПЕ	100
ДУНАЙСКИЙ ТЕАТР ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ.....	116
ФЛОТ СОЮЗНИКОВ НА ЧЕРНОМ МОРЕ.....	122
ВОЙНА НА КАВКАЗЕ	130
БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА БАЛТИКЕ, БЕЛОМ МОРЕ, ТИХОМ ОКЕАНЕ.....	174
ВЫСАДКА СОЮЗНИКОВ В КРЫМУ. АЛЬМА	180

ПОДГОТОВКА СЕВАСТОПОЛЯ К ОБОРОНЕ.....	187
ПЕРВАЯ БОМБАРДИРОВКА СЕВАСТОПОЛЯ.....	203
БАЛАКЛАВА	212
ИНКЕРМАН.....	218
БУДНИ СЕВАСТОПОЛЯ.....	221
СОЗДАНИЕ ПЕРЕДОВЫХ УКРЕПЛЕНИЙ КОРАБЕЛЬНОЙ СТОРОНЫ	243
БОРЬБА ЗА ПЕРЕДОВЫЕ УКРЕПЛЕНИЯ ПОД СЕВАСТОПОЛЕМ.....	255
ПЕРВЫЙ ОБЩИЙ ШТУРМ СЕВАСТОПОЛЯ.....	270
ГИБЕЛЬ П.С. НАХИМОВА	277
ПОСЛЕ НАХИМОВА.....	284
ГОРЦЫ И ВОСТОЧНАЯ ВОЙНА.....	300
ПАРИЖСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР.....	305
НАВЕКИ В ПАМЯТИ.....	310

Научно-популярное издание

Морская летопись

Лубченков Юрий Николаевич
Артемов Виктор Владимирович

НАХИМОВ

Гений морских баталий

Выпускающий редактор *Н.М. Смирнов*

Корректор *Е.Ю. Таскон*

Верстка *И.В. Левченко*

Художественное оформление *М.Г. Хабибулло*

ООО «Издательство «Вече»

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

Тел.: (499) 940-48-70 (факс: доп. 2213), 940-48-71.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес:

129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 22.04.2015. Формат 84×108 ¹/₃₂.
Гарнитура «LazurskiC». Печать офсетная. Бумага газетная.
Печ. л. 10. Тираж 1500 экз. Заказ № 2701.

Отпечатано в ОАО «Рыбинский Дом печати»

152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

e-mail: printing@r-d-p.ru www.r-d-p.ru

*Не только читайте,
но и смотрите!*

**РУССКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ
КАНАЛ «365 ДНЕЙ ТВ»**

Каждый день – это дата

Каждый день – это имя

уникальные хроники

архивные документы

редкие факты

Каждый день – это событие

365 дней в году. Сквозь века

ВСЕ О РОССИЙСКОЙ И МИРОВОЙ ИСТОРИИ

24 часа в сутки, 7 дней в неделю

www.365days.ru

СМОТРИТЕ В ПАКЕТАХ КАБЕЛЬНЫХ И СПУТНИКОВЫХ ОПЕРАТОРОВ!

12+

Морская летопись

Среди замечательных русских флотоводцев прошлого герой Севастопольской обороны адмирал Павел Степанович Нахимов (1802—1855) занимает особое место. Человек-легенда, он был ярким воплощением национального военного гения, представителем боевой школы русского военного искусства. Нахимов был подлинно русским флотоводцем, видевшим в службе на флоте единственный смысл и цель своей жизни. В предлагаемой книге судьба адмирала прослеживается на фоне Крымской войны (1853—1856), в ходе которой, по замыслу Британии и Франции, Россия должна была потерять свою целостность и независимость:

реклама

12+

www.365days.ru

*Не только читайте,
но и смотрите!*

**РУССКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ
КАНАЛ «365 ДНЕЙ ТВ»**

*ВСЕ О РОССИЙСКОЙ
и мировой истории*

Смотрите в пакетах кабельных и спутниковых операторов!

ISBN 978-5-4444-2796-5

9 785444 427965

